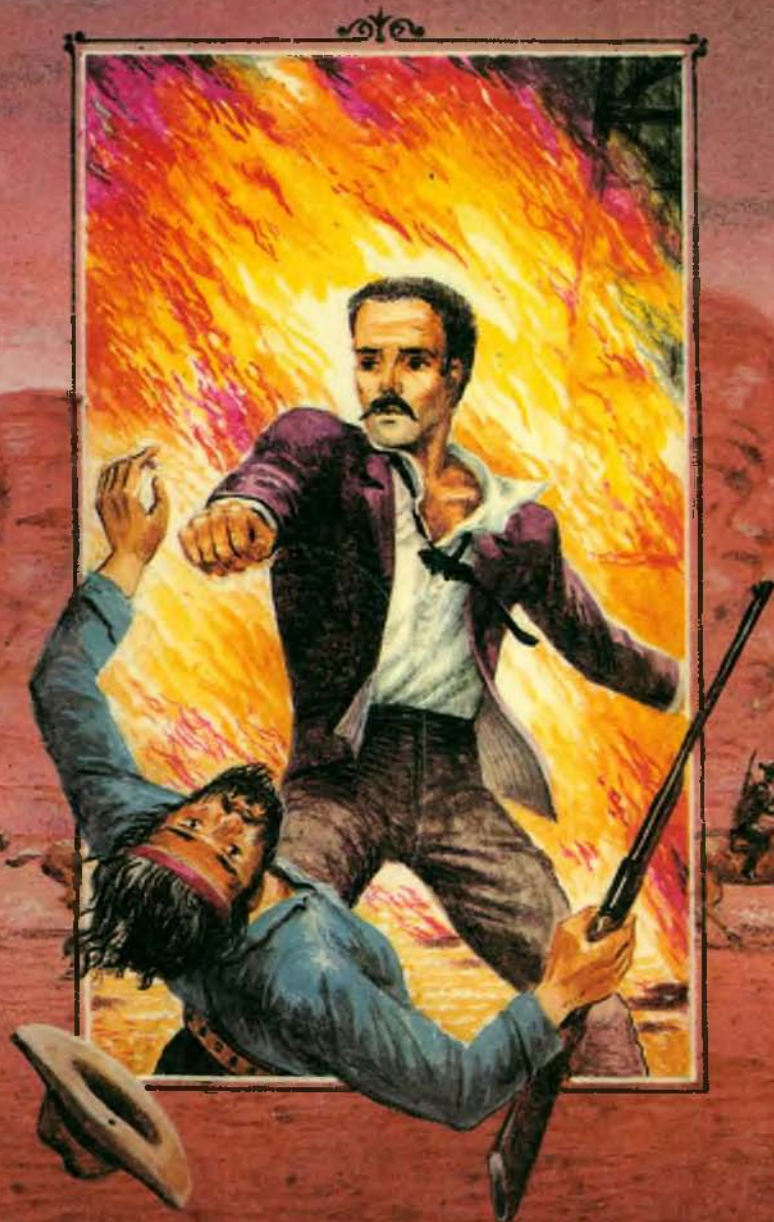

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

L. ROUSSENAUD

75, BOULEVARD CHATEAUBON

ORLÈANS 7 juillet 90.

Monsieur et très honoré confrère

Je viens d'apprendre un deuil cruel
et la douleur est si vive que je suis
très gravement malade.

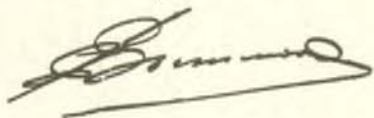
Il y a 15 jours et je me lève un
instant pour la première fois.

J'en profite pour vous adresser
ce mot et vous remercier du gracieux
envoi de vos publications.

Je suis très malade et très faible
en ce moment pour vous adresser
la note auto-biographique que
vous me demandez et l'article sur
les voyages et aventures.

Bonne nuit. Ma femme
est ce bien.

Permettez-moi de vous adresser
les plus distingués

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

**LOUIS
BOUSSENARD**

MOSCOU ● 1991

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Ледяной
ад

Без гроша
в кармане

Перевод с французского

МОСКВА ● 1991

ББК 84.4Фр
Б 92

Вступительная статья
доктора филологических наук **Т. В. Балашовой**

Художник
Александр Махов

4703010100—001
Б 593(03)—91 Без объявления
ISBN 5-86218-001-X (Т. 1)
ISBN 5-86218-002-8

© Предисловие. Состав.
Оформление. Иллюст-
рации. Научно-изда-
ТЕЛЬСКИЙ центр «Ладомир», 1991.

РОМАНТИКА НЕХОЖЕНЫХ ТРОП

Первые и последние годы жизни Луи Буссенара прошли во Франции. Он родился 4 октября 1847 года в городке Экрени департамента Луарэ, а умер 11 сентября 1910 г. в столице того же департамента — Орлеане. Трудно предположить, что между этими двумя французскими городами лежит жизненная дорога писателя, расчертившая все материки, все континенты. Вместе с одним из своих героев на вопрос «Откуда вы прибыли?» он мог бы ответить: «Отовсюду. Ибо нет таких уголков на земном шаре, где бы я не побывал».

Подтолкнули к путешествиям Буссенара профессиональные обязанности. С начала 70-х годов он начал сотрудничать в «Журнале путешествий» и разделал со своими сверстниками страстный интерес к далеким странам. По свидетельству современников писателя, это было время, когда Европа обратила свой взор во вне, как бы размыкая свои границы. Открытие Америки в XV веке и образование Соединенных Штатов в XVIII веке не так сильно изменили «географическую психологию» европейца, как конец XIX века. С этого момента мир начал движение к осознанию своего единства, взаимосвязанности всех частей света.

Во второй половине XIX века много драматических событий происходило в Новом Свете. Страны Южной Америки уже получили национальную независимость, но борьба экономических интересов Испании, США, Франции, Португалии по-прежнему играла в этом регионе большую роль, провоцируя то Парагвайскую войну (1864—1870), то Тихоокеанскую (1879—1883). В 1867 г. обрела независимость Канада, активизировалось освоение ее западных областей, поток переселенцев из Европы отклонился от границ США, устремившись в эту страну.

С середины XIX в. шло самое интенсивное исследование Африканского континента. Ученые из Англии, Франции, России, Германии прослеживали течение рек, определяли границы пустынь, составляли подробные географические карты. За учеными шли промышленники, армия. Если к 1876 году европейским капитализмом была завоевана $\frac{1}{10}$ часть территории Африки, то к 1900 году — уже $\frac{9}{10}$.

Интерес к экзотическим дальним странам будоражил воображение. Рассказывают, что «Журнал путешествий» и «Вокруг света» («*Tour du Monde*»), а также ярко иллюстрированные выпуски географического атласа были любимейшим чтением молодежи. Едва ли случайно один из своих романов Буссенар потом назвал «Путешествие парижанина вокруг света» («*Tour du Monde du gamin de Paris*»). Именно в это время увидели свет первые книги 65-томной серии «Необыкновенных приключений» Жюль Верна; тогда же вышел первый роман Луи Буссенара «Через Австралию. Десять миллионов Красного опоссума» (1879).

Буссенар почитал Жюль Верна своим учителем. Однако литературоведы (взять, например, книгу Пьера Журда «Экзотика во французской литературе») считают, что «подлинными литературными учителями» в приключенческом жанре надо назвать и Жюль Верна, и Луи Буссенара, «приведших в литературу новых Робинзонов». Творчество этих писателей развивалось во многом параллельно, книги их дополняли друг друга, отвечая эмоциональным потребностям читательской публики.

Но если сегодня имя Жюль Верна у всех на устах, то о Буссенаре у нас многие и не слышали. Нынешнее поколение может вспомнить разве что «Капитана Сорви-голова» и «Похитителей бриллиантов». Другие произведения Буссенара — а их около пятидесяти — скрыты десятилетиями забвения.

В России переводы книг Буссенара следовали буквально по пятам за выходом оригинала (издательство И. Д. Сытина и периодика). А сразу после смерти писателя в 1911 году издатель П. П. Сойкин подготовил и выпустил сорок томов его Полного собрания романов. Во Франции книги Буссенара никогда не исчезали из планов издательств.

Что же влекло к нему читателей и в России, и во Франции?

Прежде всего, конечно, романтика путешествий, узнавания нового. Болезнь разочарованности «конца века» Буссенара, как и Жюль Верна, не коснулась; он охвачен жадой открывать, углубляться в тайны природы, созидать.

Нелегким был момент его вхождения в литературу. Продолжал писать, но был уже несколько отстранен в тень романтик Виктор Гюго. Завершил свой путь гигант Бальзак. Роман искал себе новые тропы между воплощением натуралистических теорий (Эмиль Золя, Эдмон и Жюль Гонкуры), воссозданием искусственного эстетского мира (Жорис-Карл Гюисманс), выработкой новых законов художественной речи (Гюстав Флобер). В советском литературоведении долго бытовало представление, будто конец XIX века был на Западе временем кризиса культуры: мол, утрачен сильный, темпераментный герой, подавляют настроения разочарования, слишком настойчив культ детали. Понадобилась известная историческая перспектива, чтобы увидеть в творчестве и Золя, и Мопассана, и Франса, и Флобера не столько отступление от реализма первой половины XIX века, сколько ростки тех тенденций, которые открывали путь в век двадцатый.

Впрочем, и яркие, «положительные» герои, овеянные романтикой активных действий, оказалось, не совсем покинули французскую литературу. Молодежь ищет книги о приключениях, зачитывается Александром Дюма, Жюлем Верном, Томасом Майн Ридом, Джеймсом Фенимором Купером, Эженом Фромантенем, Луи Буссенаром, Вальтером Скоттом, Понсоном де Террайлем, Гюставом Эмаром. Среди этого потока много было явлений художественно беспомощных (у самого Буссенара

также одни романы значительно слабее других, да и в пределах одной книги не все выдержано на свойственном ему уровне). Приключенческий жанр, по законам которого развивалось творчество этих писателей, молчаливо признается жанром маргинальным, неосновным, но в русле общего движения культуры он дает мощные импульсы, что и подтвердилось многие десятилетия спустя.

Романы путешествий звали оставить утомленную пресыщенную Европу и встретиться лицом к лицу с новым миром, испытать себя в критических ситуациях. Луи Буссенар предлагает нам маршруты с континента на континент, с острова на остров. Разные страны Северной («Приключения в стране бизонов», 1887, «Ледяной ад», «Без гроша в кармане», 1895) и Южной («Беглецы в Гвиане», 1882) Америки, Африка («Похитители бриллиантов», 1883, «Приключения в стране львов», 1886), Азия («Среди факиров», 1898), Австралия («Десять миллионов Красного опоссума», 1879), остров Куба и остров Борнео и даже путешествие из Парижа в Бразилию по суше — через Сибирь (1885).

Большинство из этих маршрутов писатель прошел своими ногами, не случайно в романе «Десять миллионов Красного опоссума» рассказчик носит его фамилию и тоже родился в городе Экренн.

Любовно и восторженно рисует он экзотические пейзажи, акцентируя в них не враждебное, а дружеское человеку. «Сияющее светило только что встряхнуло над деревней своей искрящейся шевелюрой» — так воспринимается восход солнца в Сенегале. Даже морская стихия, грозящая поглотить корабль, предстает взору читателя скорее величественной, гордой, чем коварной. Не менее романтичны и пейзажи Крайнего Севера. У реки Клондайк возле Полярного круга восхитительны минуты между восходом и заходом солнца в канун полярной ночи. Это время, когда влюбленные назначают свидание... «Звезды постепенно бледнеют и затем исчезают, а утренние сумерки становятся все лучезарнее, и вдали выплывает из тумана безбрежная снежная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. В воздухе тихо, не ощущается ни малейшего дуновения ветерка — только благодаря этому и можно выносить здесь страшные морозы. Но вот над землей, показывая вначале лишь багрово-красный краешек, медленно выплывает громадный малиновый диск, окрашивающий своими лучами девственно-белый снег в нежно-розовый тон. Соприкасаясь нижним своим краем с линией горизонта, этот диск минуты две-три остается неподвижным, а затем постепенно начинает таять и, наконец, совершенно исчезает».

Некоторые издатели и переводчики, когда готовили первые издания Буссенара советского времени, считали целесообразным сокращать пейзажные зарисовки (в этом направлении велась, в частности, правка по тексту «Беглецов в Гвиане», выпущенных в 1927 году под названием «Тайна золота»), не отдавая себе отчета, что нарушают целостность художественного мира писателя, вымывают из произведений ту почву,

которая, собственно, питала неутолимую любознательность автора. В необычных условиях закаливается, считает Буссенар, меняется характер европейца. Современники рассказывали, что писатель был очень похож на своих героев, несчастье предпочитал встречать шутками, не забывая поиронизировать и над самим собой. При встрече с антропофагами буссенаровский парижанин мог пожать плечами: «Ничего! Отступать — понятие, неизвестное морякам», а после того, как у него украли только что добытое золото, мог изобразить на лице улыбку: «Ба! Лучше внушать зависть, чем жалость!»

Существенна и другая художественная функция пейзажа. Пейзаж помогает Буссенару высвечивать психологию людей, для которых погода тропиков или вечная мерзлота — не экзотические мгновения, а будни. «С деревьев летели срываемые ветром листья: временами падали, как подкошенные, лесные гиганты, то сломанные на половине ствола, то вырванные с корнем из земли. Испуганные животные притихли. Птицы не подавали голоса. Над всем безраздельно господствовал вой урагана. Эта страшная буря происходила в обширной долине реки Марони, одной из главнейших рек во Французской Гвиане. Непривычный к такому буйству стихий человек, — замечает писатель, — был бы, конечно, очень удивлен, увидав до сотни людей разных возрастов и национальностей, спокойно и безмолвно стоящих в четыре ряда под обширным навесом». Уважительное терпение в отношении с буйной природой формирует и характер туземца, считает Буссенар. Туземец приучен к крайностям — то сплошная стена дождя, то зной, — не пытается насиловать природу, переделывать ее — он к ней приспосабливается, предпочитает скорее ждать ее милостей, чем грубо их вырывать — добром такое не кончается. Другие народы, по наблюдениям автора, сохраняют спокойствие в еще более удивительных ситуациях. Так, индусы невозмутимы, даже являясь свидетелями чуда, повергшего в замешательство европейца. Слуги доктора Синтеза, например, когда он вдруг поднялся со дна морского, опрокинув все вероятности, восприняли появление хозяина как должное. «Рожденные в наивной вере, они считают браминов существами особого порядка, для которых законы логики, природы, тяготения и пр. не обязательны. Они не спрашивали себя, каким образом факиры производят странные явления и не пытались подвергнуть контролю или критике их опыты».

С пониманием призывает Буссенар встречать и другие, совсем уж дикие для европейца, обычаи. В сенегальских лесах европейцев приютило племя, как оказывается потом, каннибалов. Писатель не хочет развешивать ужасные картины, множить возмущенные реплики. Традиция идет из древней глубины веков, люди племени не несут за нее никакой личной ответственности — они не понимают, почему это хуже, чем полакомиться бизоном. И вождь племени, проникшийся к европейцам симпатией, «был необычайно удивлен, когда увидел, что они собирают

вещи, чтобы уйти; в своей антропофагической наивности он и догадаться не мог о причине их поспешного бегства».

Весьма любопытно, что фаталистически — почти как природное явление — принимая бытование каннибальства, автор не согласен прощать тому же племени банальной неблагодарности; гостям, помогавшим каннибалам в победе над отрядом английских солдат, отказывают в их просьбе отпустить пленников. Возмущает автора и воровство на золотых приисках в Гвиане, на котором беспрерывно попадаются индейцы.

Отношения между героями в романах Буссенара так или иначе определяются основной его позицией — как оценивает писатель активность колонизаторов, каким видит сосуществование между коренным населением и поселяющимися на новых землях пионерами.

Переводчикам 20-х годов, готовившим советские издания Буссенара, автор казался излишне снисходительным к колонизаторам, чересчур придирчивым к аборигенам. Если бы они давали свою интерпретацию только в предисловии, сохраняя адекватность переводимого текста, беда была бы невелика. Но возникла целая теория, доказывающая целесообразность «очистки, промывки» самого произведения, уничтожения при переводе неуместных издателю интонаций. Творимое литературное преступление мотивировалось ими с полным осознанием собственной «правоты», следующим образом, например: «Предлагаемый вниманию читателя роман Луи Буссенара... подвергся именно такой осторожной, тщательной «промывке». Не нарушая темы и стиля автора, не изменяя характера его героев, мы удалили из романа буржуазную сентиментальность, накопление приводящих приключений, одностороннее толкование событий и отношений в духе империалистически-захватнической политики и морали».

Надо ли говорить, что, «промывая» художественные сочинения, переводчики грубо их искажали? Только вернувшись к полному тексту буссенаровских романов, можно вести речь о том, какое же «истолкование событий» давал сам автор.

Луи Буссенар — сын своего времени, принадлежащий к наиболее просвещенным прогрессивным силам общества. Он никак не проявил себя в «семьдесят два солнечных дня», в дни Парижской Коммуны — в это время он после тяжелейшего ранения в сражении при Шампиньи (1870) во время франко-прусской войны был в больнице, почти на краю жизни. Встав на ноги и приобщившись к открытию новых материков и «человечеств», писатель недвусмысленно осудил жестокость европейских завоевателей. Документально подтверждается, например, его оценка англо-бурской войны (1899—1902): он принял сторону буров. Возмущаясь беспощадностью колонизации, Буссенар, однако, не мог поставить под сомнение самую идею необходимости поселения колонистов на завоеванных землях. Бесспорно, ноты идеализации хозяйственной деятельности европейцев, нанимающих на работу абори-

генов, встречаются почти во всех его романах. Но если помнить, что Буссенар рисует не туристов, а людей, полюбивших новые земли, решившихся остаться здесь навсегда, то вполне естественно внимание писателя к их созидательной деятельности, к тем коренным преобразованиям, которые они несли. Ведь результатом этой противоречивой деятельности, омраченной трагическими нарушениями законов мирного «человечьего общежития», стали и Соединенные Штаты Америки, и Канада, и нынешние Бразилия, Аргентина, Мексика — государства высокого уровня технической цивилизации, не преодолевшие резких контрастов бедности и богатства, но открывшие головокружительные горизонты возможностей науки, поставленной на службу человеку.

Луи Буссенару импонировала в колонистах, которых он знал и с которых писал героев своих произведений, фанатичная преданность новому краю, самоотверженность, жертвенная готовность пренебречь невзгодами тяжкого существования ради дорогой их сердцу «образцовой колонии». Первые шалаши, сооруженные в сельве среди москитов, змей, хищников; первые палатки, поставленные при пятидесятиградусном морозе на просторах Аляски; первые просеки в тропических лесах; первые шурфы в вечной мерзлоте... и бесконечные жертвы — смыты наводнением, замерзли возле добытых золотых самородков, растерзаны гризли, засыпаны в золотиносном шурфе, отравились метаном... Устремившиеся к Клондайку нравятся автору гораздо меньше, чем, например, устремившиеся в Гвиану, хотя и те, и другие ищут золото. Клондайкский «ледяной ад» во времена, описываемые Буссенаром, для большинства — лишь перевал, после которого — если повезет — можно вернуться богачами в родную Европу. Гвиана притягивает не столь активно, но зато многие оседают здесь навсегда. О тех, кто уезжает, креолы в одном из романов Буссенара говорят: «Он старается нажить в колонии как можно больше, а прожить как можно меньше. Набив себе бумажник, извлекая из колонии все, что только возможно, он садится на первый отходящий пароход и затем — поминай как звали. Пребывание его не принесло колонии никакой пользы; он нажил-ся и бросил ее, бросил самым неблагодарным образом... Перенесите сюда Францию, — убеждает креол француза, — и в недалеком будущем дети ваши сделаются гражданами большого, благополучного города».

Семья Робена («Беглецы в Гвиане») именно так и поступает. Они живут «исключительно для своей новой родины», создавая примерную колонию «Полуденная Франция». И если до переселения они кричали «виват!» земле, где родились, то ныне они провозглашают: «Да здравствуют французы экватора!» Их детей уже не тянет в Париж, им хватает и дел, и развлечений здесь, на новых землях, которые щедрой отдачей благодарят их за вложенный труд.

Вполне достойны снисхождения иллюзии Буссенара, будто, достигнув определенного уровня, «образцовая колония» не изведает больше

никаких противоречий. Важнее осознать, что писатель славит не тех, кто предается лени, паразитируя на чужом труде, а тех, кто трудится в поте лица вместе с нанятыми аборигенами, навсегда влюбившись в эту землю и считая ее своею не потому, что «завоевал», а потому, что «полуживую вынырчил».

Буссенар далек от пасторальной идиллии. Восхищаясь девственной природой, ее фантастическими богатствами, он предвидит стремительное развитие науки, появление плодов технического прогресса, у которого, конечно, будут издержки, но который в основном все-таки будет служить благу человечества.

Эта обращенность не назад — к руссоистской традиции, а вперед, к следующим виткам научного знания, предопределяет появление во многих его произведениях темы научной фантастики. В разных романах писателя возникает мотив научных открытий; причем нередко открытия вырастают из народного опыта. Это относится, например, ко многим советам, как излечиться от простуды, укуса змеи, отравления и т. п. Буссенар по образованию был врачом и именно в качестве полкового врача был мобилизован на фронт в дни франко-прусской войны сразу после окончания медицинского факультета в Париже. Да и в Гвиану Буссенар был направлен в 1880 году как врач — для инспекции санитарного состояния медицинских учреждений. Пристальное внимание его к тайнам медицины — как народной, так и обогащаемой прогрессом науки — вполне объяснимо. Но писателя привлекают все направления науки — и синтез белка, и открытие особого магнита, притягивающего золото, и создание приборов, предсказывающих погоду...

Основное звено на пути научной фантастики — роман «Тайна доктора Синтеза» (1888) и его продолжение — «Десять тысяч лет среди льдов» (1890). Самые безумные планы роятся в голове главного героя: извлечь со дна морского целебное вещество, изменить направление земной оси, направив планету по иной орбите, осуществить синтез белка, избавив человека от необходимости потреблять горы пищи, получить из пробирики искусственного человека... Многие замыслы доктора Синтеза обусловлены практическими потребностями так, как он их понимает: ему жаль тратить время на сон, и он открыл свойство гипноза, который позволяет снять усталость не за шесть часов, а за шесть минут; он мечтает дать внушке в мужья «идеального мужчину» и уверен, что иначе как в пробирке его не изготoviшь... Ныне, сто лет спустя, удивляют скорее побудительные мотивы, толкающие доктора к опытам, чем его научные гипотезы: давно используются возможности гипноза, синтезирован белок и нередко мелькают на телевизионном экране мордашки младенцев, зародившихся в колбе... А встреча доктора с «мозговыми людьми», разморозившими его не через полвека (как Присыпкина в пьесе Владимира Маяковского «Клоп»), а через десять тысяч лет с помощью биотоков, живо напомнит нынешнему читателю

о Джуне Давиташвили, Анатолии Кашпировском, Алане Чумаке...

Писателю нравится научный фанатизм доктора Синтеза, как нравится и фанатизм первых поселенцев. Что из того, что в критической ситуации доктор приказал срубить все мачты и бросить их в топку ради продления времени опыта? Что из того, что корабль могут не найти в океане? Наука невозможна без риска, но зато именно она влечет человечество вперед. Доктор Синтез «образованнее целой Национальной Библиотеки, богаче всех финансистов мира, могущественнее всех монархов и князей». Сказано это не столько об ученом, сколько о самой Науке.

Буссенар пытался соединить в своих романах разные жанры — приключенческий, научно-фантастический, детективный. Соединение получалось не всегда гармоничным (линия преступлений «Красной звезды» — как неуклюжие стежки белыми нитками по канве судеб золотискателей в «Ледяном аде»), но само размыкание границ собственно приключенческого романа, желание вплести в него достаточно серьезные мотивы, касающиеся подчас центральных вопросов человеческого бытия, роднило писателя с Жюлем Верном и было принципиально важным для эволюции романа. Этим предопределено в дальнейшем частое и плодотворное использование приключенческих сюжетов авторами уже не маргинального, а основного поля литературы, расставившими на нем существенные культурные вехи XX века — Андре Жидом, Андре Мальро, Редьярдом Киплингем, Джозефом Конрадом, Пьером Лоти, Полем Мораном, Морисом Барресом.

Не так часто попадали главы о творчестве Буссенара в общие истории литератур; не всегда найдешь такие главы и в очерках детской литературы или, например, литературы фантастической. Зато след Луи Буссенара, как и след Жюль Верна, можно отыскать в живом развитии самой литературы, даже в произведениях, повествующих о приключениях второй половины XX века.

Впервые сегодня на встречу с советским читателем выходят все герои Буссенара. Может быть, сейчас самый благоприятный момент для такой встречи: у нас найдут понимание и их уважение к природе, и их доверие к науке. Может быть, оптимистический взгляд этих людей в будущее, готовность жертвовать собой ради торжества Добра покажутся нам не менее экзотическими, чем экваториальные пейзажи, — но как необходимы эти старомодные качества в роковой час ожесточения политических страстей...

Т. В. Балашова

Ледяной ад

Часть первая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФИТ

ГЛАВА 1

Ужасный контраст.— Таинственное письмо.— Шантаж.— Пятьдесят тысяч франков или смерть.— Полицейский агент.— Княгиня ожидает.— Потерянная нить.— Дьявольская ловкость.— Лошадь без всадника.— Последняя угроза.— Зарезанный человек.— «Красная звезда».— Самоубийство.

Великолепное весеннее солнце. Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба. На деревьях раскрываются почки. В прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от превосходного Сен-Жерменского леса, в прекрасных виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться там от сутолоки большого города, наслаждались поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандье, уже две недели как поселившаяся на вилле Кармен.

Рассказ начинается 25 апреля в 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой были видны рощицы, лужайки ухоженного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стискивал зубы и ломал пальцы. Видно было, что у него страшное горе.

Между тем в дверь постучали.

— Войдите!

Вошел слуга с подносом, на котором кипюю лежали журналы, письма, газеты, и произнес:

— Ваша почта, местье.

— Хорошо! Благодарю, Жермен!

Едва слуга успел выйти, как господин наклонился над подносом, порывшись и нашел плотный квадратный конверт из толстой бумаги желтоватого цвета, на котором вместо печати была красная звезда с пятью лучами. При виде его он испустил глухой стон, побледнел еще больше и проворчал прерывающимся голосом:

— Красная звезда!.. Ах! Я погиб... Это седьмое... Последнее!..

Нервные пальцы разорвали конверт, и оттуда выпало письмо. Пробежав его глазами, господин после минутного убийственного молчания глухо произнес:

— Денег!.. Хотят денег... Огромную сумму... а я разорен... Эта роскошь только показная... Они грозят умертвить моих детей!.. Дорогих, любимых... И сегодня последний срок!.. Но денег нет... и попытки вернуть их убили мой кредит, ускорили мое разорение... Вот!.. Я был добр, честен, доверчив. Теперь расплачиваюсь за это!

В то время как Грандье предавался своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах, соловьи, малиновки, зяблики заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром первых цветов. И очарование, разлитое везде в природе, составляло такой резкий контраст с отчаяньем бедного отца, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако, устыдясь своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса:

— Надо с этим покончить! — и порывисто нажал кнопку электрического звонка. Тотчас же явился слуга.

— Там есть кто-нибудь? — спросил господин Грандье.

— Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

— Просите его немедленно!

Вошел незнакомец. Это был молодой человек, среднего роста, с живым, проницательным взглядом.

— Это вы — агент, присланный полицейской префектурой? — спросил господин Грандье после короткого поклона.

— Да, сударь!

— Как поздно вы явились!.. С каким нетерпением я ждал вас!

— Был в отлучке и немедленно по получении депеши отправился к вам, не заходя даже домой.

— Вы меня спасете? Это в ваших силах?! Только говорите честно...

— Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что буду состоять при вас в качестве официального лица, чтобы содействовать Версальскому суду, так как мы уже не в департаменте Сены!

— Ловки ли вы?.. Опытны?..

— Вы увидите это на деле; на всякий случай я приглашаю еще двух товарищей. Но прежде познакомьте меня с сутью дела!

— Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел:

«Милостивый государь!

Пишу вам в седьмой раз. В седьмой — и последний: вы богаты, а мне нужны деньги. Это письмо как пистолет, направленный на вас. Выбирайте: кошелек или жизнь!.. Пятьдесят тысяч франков, или я убью вас, умертвив прежде одного за другим всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти тысячи, чтобы добиться успеха в Клондайке — стране золота, где энергичные люди становятся миллионерами в месяц-два.

Неделя, предложенная вам для поиска означенной суммы, истекла. Больше я ждать не намерен.

Не пытайтесь укрыться, вы всецело в моей власти! Я знаю все, что час за часом вы делали последние дни: ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру, приказали охранять свой дом ночью и днем... Напрасно! Только выкуп, врученный мне сегодня же, спасет вас.

Вложите деньги в конверт и отдайте лицу, которое ровно в полдень покажется у опушки леса. В назначенный час мужчина в каштановой ливрее перейдет дорогу в десяти шагах от въезда в лес. Скажете ему: «Я — господин Грандье». Он ответит: «Княгиня ожидает», — и примет конверт. (Некто в ливрее — не соучастник мой и даже не ответственен за свою роль, это наемник, считающий себя доставителем политической почты — арестовывать его бесполезно.) Предупреждаю, если не выполните мои условия, нынешней же ночью совершится убийство: я готов уничтожить человека так же легко, как раздавить улитку, — у жертвы будет перерезано горло от уха до уха, а на левом виске окажется моя эмблема — красная звезда.

Примите к сведению!»

— Ну, каково? — спросил несчастный Грандье.

— Думаю,— отвечал с важностью агент,— что все сводится к простому шантажу!

— Но эти страшные угрозы, повторяемые каждый день в течение целой недели?

— Шантаж! Красные звезды, бумага неупотребительного формата, сильные выражения — все это не больше, чем дешевый спектакль. Вы имеете дело с простым мошенником, которого мы и поймаем. Другого не могу предположить!

— А если...

— Я отвечаю за все. Никто не будет убит. Об убийстве не кричат за целых двенадцать часов вперед!

— Что же делать?

— Вложите в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправьтесь в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное — мое дело!

Уверенность полицейского ободрила Грандье; он начал оживать. Между тем агент продолжал:

— Теперь девять часов. У меня хватит времени, чтобы переодеться и связаться со своими помощниками. Не волнуйтесь! Мы спасем вас! Это так же верно, как то, что мое имя Жерве!

Агент удалился, уверенный в успехе.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса. Он заметил только верхового, по-видимому, внимательно изучавшего план леса. На мгновение этот всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье скорее угадал, чем узнал в нем полицейского агента. Несколькими шагами далее какой-то субъект в коротком пиджаке и переднике пил что-то из стакана у прилавка с винами; там же остановился железнодорожный служащий, державший под мышкой небольшой пакет, похожий на почтовую посылку. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандье услышал первый удар часов, бивших полдень. Он пошел по дороге в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Приблизился к нему и проговорил:

— Я — господин Грандье!

— Хорошо! Княгиня ожидает! — ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандье вручил ему письмо. Незнакомец вежливо поклонился, опустил конверт в карман и стал быстро удаляться.

Между тем всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника: извест-

но, что самый верный и оригинальный прием выследить кого-нибудь — находиться впереди него. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали за незнакомцем на недалеком расстоянии, готовые в любую минуту броситься на него. Тот же шел уверенным шагом, с видом человека, имеющего спокойную совесть и достаточно средств к жизни. Скоро он достиг перекрестка двух дорог. На одной из них стоял лесник, держа за повод лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним несколькими словами, потом вскочил в седло и помчался с быстротою поезда.

Жерве предвидел этот маневр и, пока его помощники стояли в замешательстве, прищпорил своего коня, чтобы догнать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от превосходного наездника, обладавшего к тому же великолепным иноходцем. Тем временем Шелковая Нить и Бабочка — двое переодетых полицейских — занялись подозрительным лесником.

Они следили за ним и видели: он направился к одной из решеток, какими отделяют охотничьи участки, и минут десять шел вдоль нее, пока не остановился перед небольшою железной дверцей, проделанной в изгороди. Потом быстро отпер дверь ключом, проскользнул в нее, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на совершенно пустынную лесную дорогу.

— Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! — сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Неровный лошадиный галоп отвлек его внимание и заставил поднять голову от карты. Его товарищ уже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной, повод был накинута ей на шею, а стремяна болтались по бокам. Инстинктивно они бросились наперерез, цепляясь за гриву обезумевшего животного. Но, остановив его, сами остановились как вкопанные: конь Жерве!

Господину Грандье понравился полицейский агент, хладнокровие которого невольно внушало доверие. Он забыл беспокойство, мучившее его целую неделю, лег рано в постель и первый раз за все восемь дней уснул крепким сном. В шесть часов утра его разбудил шум голосов — лакей разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника:

— Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное и его нужно передать господину во что бы то ни стало. Так требовал человек, чуть не оборвавший звонок.

— Подайте сюда почту, Жермен, подайте! — сказал Грандье, уже предчувствуя катастрофу. Ледяной холод проник в грудь; он заметил красную звезду, напечатанную на толстом конверте из желтой бумаги. Лихорадочно разорвав пакет, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед глазами:

«Вы обманули меня! Чтобы побудить вас к повиновению, я совершил этой ночью убийство, как и предупреждал. Отправляйтесь на улицу Сен-Николя — увидите там мертвеца с моею печатью на левом виске. Завтра в полдень доставите мои пятьдесят тысяч франков, или ваш сын погибнет будущей ночью.

Знайте — я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандье оделся и бросился по указанному адресу... Улица Сен-Николя... Взволнованные прохожие суетились. Растрепанная женщина что-то душераздирающе кричала. Во дворе — беспорядок и отчаянье.

Жандарм прибежал в момент, когда Грандье, не понимая, что желает и говорит, вошел в дом и произнес задыхающимся голосом:

— Я хочу видеть... труп!

Толпа расступилась, и он вбежал в комнату, где рыдали какие-то люди. На постели, обгаренной кровью, лежал зарезанный, с широко открытыми остекленевшими глазами. Страшная рана пересекала его горло от одного уха до другого.

Похолодев от ужаса, но словно влекомый неведомой силой, Грандье наклонился над этим застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... Линии разрезов изображали пятилучевую звезду...

— Красная звезда... — пролепетал через силу Грандье. — Я также... должен умереть!

Он оставил комнату, толкая встречающих, и спешно возвратился на виллу Кармен; вошел, задыхаясь, в кабинет и заперся там, потом, без всяких размышлений и выжиданий, взял лист бумаги и трепещущей рукою написал:

«Разоренный, доведенный до отчаянья, не имея возможности удовлетворить требования бандитов, умираю, завещая детям мщение.

Ш. Грандье».

Перечитав эти строки, он склонил голову, открыл ящик бюро и вынул револьвер. Затем приставил его к виску и решительно, без тени колебания, спустил курок.

ГЛАВА 2

Два друга.— Ученый и репортер.— Поль Редон и Леон Фортен.— Как теперь убивают.— Кое-что о морских свинках.— Чудесное открытие.— Тайна золота.— Новый металл.— Леон Фортен хочет во что бы то ни стало иметь пятьдесят тысяч франков, чтобы стать царем золота.— Арест.

— Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! — вскричал Леон Фортен, увидя входившего к нему в лабораторию приятеля. Тот в свою очередь радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналистом или, вернее, репортером, но репортером высшего класса. Он обладал даром разведчика и писателя, ловкостью и чутьем, вызывавшим зависть самых опытных полицейских. Имея небольшое состояние, Поль работал, когда хотел, и получал большие деньги от самых известных парижских журналов, ценивших его работы на вес золота.

Это был красавец лет двадцати пяти с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи и голубыми глазами, острыми и проницательными.

Натренированный, склонный к иронии, донельзя отважный, Редон имел две оригинальные слабости: он всегда зяб, кутался целый год в меха, приходя в ужас от сквозняков, и не пропускал ни одного объявления о новооткрытом средстве, исцеляющем какой-либо недуг, поскольку вбил себе в голову, что страдает сразу всеми хроническими болезнями.

С Фортеном они подружились еще детьми в заведении св. Барбары. Будучи одних лет со своим другом-репортером, Леон Фортен совершенно не походил на него.

Этот здоровяк с широкими плечами и могучей грудью состоял как бы из одних мускулов. Прекрасная и гордая голова его напоминала маски старых галлов. От предков достались ему в наследство большие, цвета морской волны, глаза, изящно обрисованный нос, выразительные губы. Сильный и смелый, не потерявший бы, казалось, хладно-

кровия даже при ниспровержении небес, он обладал почти детской мягкостью и добротой, привлекавшей к нему все сердца. Говорили, что Леон Фортен замечательный, может быть, даже гениальный ученый. Открытия его наделали много шума. Вся жизнь молодого исследователя была сосредоточена на работе.

— Скажи же, что привело тебя в сию обитель пробирок и реактивов? — шутя спросил он приятеля.

— Помилуй, неужели не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

— Преступление?! Здесь?!

— Представь! Я видал за время своей репортерской карьеры много убийств, но там были мотивы...

— А тебе известно, кто жертва?

— Да, погиб невинный человек, не имевший даже врагов; убит по каким-то необъяснимым побуждениям... я сказал бы даже — из любви к искусству.

— Странно, — произнес Фортен задумчиво и печально, — как нынче мало ценят человеческую жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Для некоторых пролить кровь им подобного значит то же, что для меня — кровь бедных морских свинок!

— А ты все еще мучишь морских свинок?

— Увы, да, мой старый филантроп!

— Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

— Изволь! Видишь эти опилки? Я произвожу теперь опыты над новым металлом, открытым мною благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Понимаешь, что будет, если из него сделать компас? Неоткрытые сокровища Клондайка, Юкона, Аляски — все золото мира будет принадлежать мне! Я назвал свой металл «леоний». Ну, что скажешь?

— Я восхищен твоим открытием!

— Теперь мне очень нужны пятьдесят тысяч франков. Необходимо начать широкомасштабные исследования леония, получить в достаточном количестве чистый металл и потом организовать под большим секретом экспедицию в Клондайк.

— Вот что мне особенно по душе!

— Но под эти работы я не могу найти ни единого су. При словах пятьдесят тысяч франков французские магнаты падают в обморок.

— О глупость!.. Непроходимая глупость нашей буржуазии!

— В Америке, где обращаются с деньгами не так идиотски, я имел бы уже тысячи долларов!

— Да, наша французская бережливость придерживается еще старого шерстяного чулка!

— В отчаянье я отправился на виллу Кармен к богатому промышленнику Грандье, которого считал другом прогресса. Он рассеянно выслушал, а когда я попросил пятьдесят тысяч франков, попросту указал мне на дверь, назвав меня сумасшедшим. Правда, я изложил дело несколько запальчиво, даже резко и только впоследствии вспомнил, что богатч имеет права на мое уважение.

— Как это?! Какие права?

— Маленькая тайна, которую узнаешь потом!

— Ну, если Грандье имел глупость отказать, от кого-нибудь другого, ручаюсь, ты получишь нужную сумму. И в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали беседу.

— Здесь! — донеслось у самого порога маленькой лаборатории.

— Он страшно силен, — предупредил кто-то.

Два раза громко постучали.

— Войдите! — разрешил молодой ученый.

Дверь отворилась, и показался жандармский унтер-офицер. Он, не кланяясь, приблизился к Фортену и строгим голосом спросил:

— Вы — Леон Фортен?

— Да!

— Именем закона вы арестованы!

— Я? Но это бессмыслица!.. В чем же меня обвиняют?

— В том, что вы убили человека по имени Мартин Лефер, проживавшего по улице Сен-Николя!

При этом чудовищном обвинении из груди Леона Фортена вырвался крик:

— Я?! Убийца?!.

— Молчите и повинуйтесь, в противном случае...

Поль Редон сделал было попытку вмешаться, но жандарм скользнул взглядом по закутанному в меха человеку, которого видел утром вблизи места преступления, и отчеканил:

— С вами я никаких дел ни имею! Фортен Леон, следуйте за мной!

— Я не оставляю друга! — сжимая кулаки, заявил Редон.

Вышли все вместе.

ГЛАВА 3

Тягостный путь.— Истинный друг.— Перед судом.— Вопросы.— Цветы обвиненного.— Дама в голубом.— Донесение агента.— «Это вы — убийца!»

На улице полиция с трудом сдерживала шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

— Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. Бандиты! Смерть им!.. Смерть убийцам!

Вопли проклятия долго преследовали молодых людей.

Наконец, они прибыли в мэрию. Там уже находились следователь и товарищ прокурора Республики, приехавшие из Версаля, а также мировой судья из Сен-Жермена.

Редон нежно обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

— Ну, довольно! — положил конец их беседе жандарм.

Редон был знаком с ними со всеми, а с магистром находился в наилучших отношениях. Он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул на ухо:

— Поверьте, вы страшно заблуждаетесь; даю честное слово, что Фортен невиновен!

— Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его, имея важную улику!

— Какую же?

— Этого я не могу сообщить.

— Хорошо, но дадите мне возможность расследовать дело?

— Охотно.

— И разрешите свободный доступ в дом, где совершено преступление?

— Это можно.

— Благодарю. Я не останусь в долгу!

— Советую вам не горячиться, чтобы не впасть в ошибку и не повредить делу.

— Еще раз благодарю.

— Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?

— Да, до свидания.

В зале остались только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортен.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил задержанному сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, которые числом вопросов, неожиданностью и странностью их постановки приводят в замешательство и людей совершенно невиновных.

— Фортен, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, препаратор парижского университета Сорбонны, получает содержания сто пятьдесят франков в месяц, живет у родителей в Ме-зон-Лафит, ездит по делам своей профессии три, четыре, иногда пять раз в неделю в Париж, имеет абонементный билет третьего класса Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следователь впился глазами в Фортена и спросил его:

— Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе Фортен явно покраснел и в замешательстве отвечал:

— Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... Я с ним говорил один раз... при затруднительных... или, скорее, смешных для себя обстоятельствах.

— Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

— Охотно, так как это свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека. Я — изобретатель. Нуждаясь в большой сумме для работы, которая должна произвести экономический переворот в целом свете, я ходил на прошлой неделе просить денег у господина Грандье.

— Сколько? — спросил небрежно следователь.

— Пятьдесят тысяч франков!

Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинающий убеждать в справедливости своего предположения.

— Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?

— Да, хотя эта попытка оказалась величайшей из глупостей, когда-либо сделанных мною!

Тогда следователь перешел к другому.

— Где вы были вчера в полдень?

— В лесу.

— Когда завтракаете?

— В двенадцать часов, так что я должен был бы находиться в это время дома, но вернулся, против обыкновенного, только к часу.

— Зачем же вы изменили привычке?

— Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел взмыленную лошадь без всадника. Пытаясь ее остановить... был отброшен и сбит с ног.

— В котором часу это случилось?

— В четверть первого.

— Когда же вы могли вернуться к родителям?

— Для этого потребовалось бы около десяти минут.

— Почему же вы вернулись через час?

Вторично Леон Фортен покраснел и обнаружил волнение.

— Отвечайте мне с полной откровенностью,— прибавил следователь,— скажите всю правду!

— Уверяю, что занимался делом, абсолютно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.

— Я забочусь о ваших же интересах!

Фортен, сделав над собой усилие, начал:

— Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня был букет из фиалок и первоцвета... Имея свободной одну только руку, я не смог удержать лошадь. Букет очутился под копытом. Пришлось набрать свежих цветов.

В ответ на это следователь иронично улыбнулся, слегка пожав плечами.

— Можете сказать, кому предназначались эти цветы?

— Нет,— возразил с твердостью Леон,— не могу и не хочу!

— Подумайте, к каким последствиям может привести ваше стремление недоговаривать детали столь малоправдоподобной истории!

— Это мой секрет, и вы его не узнаете!

— Как угодно... Встретили вы кого-нибудь по дороге?

— Никого... или — не обратил внимания ни на кого. Может быть, прошел даже мимо нескольких человек, не заметив их!

— Однако вас видели!

— Возможно: я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов.

— Да, без сомнения, но не всех!

Следователь наклонился к писцу, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых один рабочим, другой — служащим в Западной компании.

— Узнаете вы этого господина? — обратился безо всяких обиняков следователь к Бабочке.

— Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы пытались остановить коня Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, поймал-таки скакуна и поехал на нем в Мезон-Лафит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание тем, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал тому причины и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся его выслеживать.

Этот господин достиг Мезон-Лафита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы, затем остановился и положил за столбом букет, который держал в руке. Следуя за ним на расстоянии почти двухсот метров, мне удалось заметить очень элегантную фигуру дамы в голубом, под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

— Известно вам название этой виллы?

— Оно обозначено золотыми буквами на мраморной доске, находящейся над главным входом — вилла Кармен!

— Ну-с, господин Фортен, хотите что-нибудь сказать? — спросил с иронией следователь.

— Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! — ответил раздраженный молодой человек. При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

— Я шел за господином до самого его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого обнаружили вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас и не мог дать никаких указаний относительно нападения на него.

— Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, а не случайность?

— Преступление, утверждаю! Кроме того, заявляю, что этот молодой человек, занятый в лесу собиранием маргариток и находившийся так близко от места преступления, имеет к нему какое-то отношение.

Тут Леон Фортен потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

— Что же такое случилось?! Вы арестовали меня без всякого основания, под предлогом, что я собирал цветы в

лесу! И ваша совесть, господа, не возмущается?! Вы допускаете, что человек, вся прошлая жизнь которого — работа и честность, может сделаться преступником в один день! Это чудовишно!.. Я протестую!

В ответ следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом надорвал его и открыл маленькую книжку, снабженную карандашом и каучуковой тесьмой.

— Узнаете? — спросил он ледяным тоном.

— Да, книжка принадлежит мне! — отвечал Фортен без малейшего колебания. — Я потерял ее вчера, вероятно, в лесу, когда был сбит с ног лошадью.

— Так! А может, вы объясните происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

— Очень легко: я изучаю на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцию над маленькими животными, занosu наблюдения в книжку. Я работаю быстро, рук не мою в это время и не могу, таким образом, избежать пятен на страницах.

— Вы лжете и нагромождаете обман на обман!

— Я говорю правду!

— Мотив ваших преступлений — непомерное честолюбие: просили пятьдесят тысяч франков у Грандье, он отказал... Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозами, доведшим его до самоубийства.

— Я!.. Шантаж... но это клевета!

— Молчите! У нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и покорить его своей воле, вы совершили убийство на улице Сен-Николя.

— Мои письма!.. Мои письма, — пробормотал Фортен. — Я никогда не писал Грандье!

— Да, письма с красною звездой, почерк которых поразительно напоминает ваш. А эта книжка для заметок? Вы не в лесу ее потеряли... Знаете, где она была найдена? У постели жертвы на улице Сен-Николя!

ГЛАВА 4

Редон принимается за дело. — Первые признаки. — Труд паука. — Западня. — Это — англичанин. — Луч света. — Возвращение в Париж. — По телефону. — Удар ножом.

Допрос продолжался еще долго. Измучив Леона Фортена, следователь вырвал из него только негодующие возражения. Затем весь судебный персонал часа два завтракал

с аппетитом, который ничуть не уменьшили утренние волнения. Полю Редону тем временем было не до еды. Он помчался к месту преступления. Все хозяйство убитого состояло из маленького домика, расположенного между двором и садом, прачечной, каретника и дровяного сарая, упавшегося в забор, и занимало около ста двадцати квадратных метров. Строения и забор находились в плохом состоянии, видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Покойный был мужчина за пятьдесят лет, избегавший общества и слывший скупым; с ним жила старая глухая ключница. Близ трупa, строгий и трагический силуэт которого обрисовывался под запятнанным кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную сторону ограды. Его внимание остановилось на кусочках черепицы, валявшихся на земле, — она упала с верхней части стены. Под лестницей, приставленной со стороны сада, видны были следы ног — свежие и отчетливые.

«Здесь убийца перелез через ограду! — подумал репортер, изучая отпечатки обуви. — Стена не выше двух с половиной метров, и он мог соскочить с нее без всякой опасности».

Поль еще утром решил, что убийца пробрался в дом, разбив стекло террасы, но тогда не заметил ни малейшего повреждения окон. Теперь он был внимательнее. Оказалось, что одно стекло очень искусно вырезано. Редон покачал головой и пробормотал:

— Чистая работа! Не обошлось без смолы и алмаза.

Он был почти уверен: преступник, размягчив предварительно смолу, прилепил ее на середину стекла, а по бокам, по периметру рамы, прошелся алмазным резцом. Потом левою рукою схватился за кусок смолы, а правой легонько ударил — стекло отделилось без всякого шума и не упало благодаря крепко державшей его смоле.

Редон скоро нашел и самое стекло, стоявшее вдоль стены, под окошком, почти совсем скрытое кустом ревения.

Он поднял его и осмотрел, обнаружив работу опытного мастера. Затем взгляд остановился на двух темных, слегка волнистых волосках длиной по крайней мере в пятнадцать сантиметров, приставших к смоле. В голове сразу промелькнуло: «Человек, вынувший стекло, имеет длинную бороду. В моих руках парочка существенных улик — крайне необходимо получить отпечаток следов!»

С этою мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

— Вернусь через минуту... Дайте, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, наш сыщик-репортер помчался в лавку, купил полмешка гипса, взял лопату и бегом вернулся назад. Накачав у колодца воды и отыскав в прачечной маленькую кадушку, он принялся растворять гипс, не обращая внимания на брызги, летевшие во все стороны.

Когда раствор приобрел известную густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя. Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным элегантного молодого господина, подошел к нему и сказал:

— Хитрец же вы, сударь. Полагаю, эти куски будут иметь в суде немаловажное значение.

— Согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?

— Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!

— Благодарю! Вы — благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскланялся с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей причины своего визита и приступил к осмотру жилища.

Внутри, как и снаружи, оно не отличалось привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из ткачей-пауков репортер увидел в складках занавеса, отделявшего кровать от комнаты. Тот заботливо исправлял невесомую сеть, очевидно, недавно подпорченную. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного, а потом быстро выпрямился и порвал паутину?

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену и нашел, что злоумышленник должен быть одинакового с ним роста.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов. Репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его наступила на что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от панталон. Без сомнения, она была с силою оторвана, так как при ней остался кусок материи. Сама по себе пуговица была широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барроу Т., Лондон», — очевидно, имя портного и его местожительство.

— Итак,— сделал заключение Редон,— ночью или утром здесь находился мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтоб это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца — англичанин? Надо посмотреть гипс!

Он крепко завязал в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс был тверд, как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолепных отпечатка, воспроизводивших с замечательной точностью все детали подметки — ботинки были английской работы, а нога — длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал. В его руках находилась уже нить к разгадке преступления.

— Если это англичанин,— говорил он, потирая руки,— искать его можно только в округе Сен-Жермен... Итак, живее туда!

Не теряя времени, он направился к извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнул пыль и постарался привести в порядок свой туалет. Заботливо отчистив известку, он нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе. Я напал на след. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки!

Ваш Редон».

По прибытии в Сен-Жермен наш следователь первым делом решил обойти все отели, начиная с самого шикарного, «Павильона Генриха IV».

Появление в знаменитом отеле известного журналиста вызвало любопытство служебного персонала. Поль отвел директора в сторону и, дружески пожав руку, торопливо спросил:

— Не остановился ли у вас джентльмен приблизительно такого же роста, как я, с длинной темной бородой? По-видимому, англичанин.

— У нас был только один англичанин, подходящий к вашему описанию, но...

— Он уехал?

— Да, три часа тому назад!

— А, черт возьми!.. И не оставил адреса?

— Он отправился, насколько я мог догадаться, в Лондон!

— Не можете ли вы по крайней мере назвать его?

— Охотно: Френсис Бернетт. Он прибыл из Индии и останавливался здесь только на две недели.

— Благодарю! Как досадно, мне крайне необходимо было встретиться с ним. Но, может быть, я могу видеть того, кто прислуживал ему?

Такому важному клиенту, как Поль Редон, неловко было отказать. Директор велел позвать Феликса и предоставил его в распоряжение репортера. Редон вынул из кармана два лундора, опустил их в руку слуги и сказал:

— Вы знаете, Феликс, у людей иногда являются странные фантазии.

— О, господин волен иметь фантазии, какие ему заблагорассудится!

Репортер продолжал легкомысленно, хотя сердце вырывалось из груди:

— Сегодня утром мне попалась пуговица в таком месте, где она не должна быть... Я подозреваю, что владелец ее — господин Бернетт...

Лакей улыбнулся и наклонил голову, как человек, привыкший понимать все с полуслова.

— И мне думается, Феликс, — прибавил Редон, — что профессиональная тайна не мешает вам сообщить, насколько основательны мои подозрения. Впрочем, вот и само доказательство.

Он развязал уголок своего платка, вынул оттуда пуговицу и показал слуге, который сейчас же ответил:

— Вы правы: пуговица от одежды господина Бернетта. С надписью «Барроу Т., Лондон». Утверждаю с тем большей уверенностью, что сегодня утром господин Бернетт просил меня пришить к его панталонам точно такую же.

Эти слова чуть не свели с ума Редона, но он сдержался и произнес, наполовину смеясь, наполовину сердясь:

— Вот видите, какой плут сей англичанин. И выглядит, верно, хуже меня?

— Еще бы! Ему около сорока лет, высок, напоминает боксера и носит дымчатые очки...

— Так он уехал?

— Да, сударь!

— И забрал свои сундуки, чемоданы?

— Чемоданы и три английские ивовые корзины, покрытые просмоленным полотном.

— Хорошо, благодарю!.. Держите, Феликс! — сказал Поль, вручая третий луидор слуге, рассыпавшемуся в благодарностях.

Узнав все, что было нужно, Редон вышел из «Павильона» и помчался на станцию. Поезд только что отошел, пришлось около получаса дожидаться другого. Кстати, репортер вспомнил, что, кроме чашки чая, у него ничего не было во рту целый день, а время близилось к четырем часам. Он съел два сэндвича, выпил стакан малаги, выкурил сигару и вскоре покатил в Париж. Пятьдесят минут спустя поезд остановился на станции Сен-Лазар. Справедливо полагая, что путешественники, едущие из Сен-Жермена, редко сами заботятся о багаже, он опросил сейчас же всех носильщиков, не принимали ли они вещей у владельца трех ивовых корзин. Никто такого не видал. Редон, памятуя, что терпение — необходимая принадлежность всякого следователя, продолжал расспрашивать всех подряд, щедро давал «на чаек» и в конце концов выяснил, что господин высокого роста с бородой, похожий на англичанина, вышел на станции, но только с двумя корзинами.

— Это он! — сказал себе Редон. — Но где же третья корзина?.. А!.. В кладовую!

При помощи денег, открывающих все двери, он проник в кладовую и сейчас же узнал корзину. Сомневаться было невозможно, на ней значился адрес: Френсису Бернетту, Лондон.

«Однако я играю сегодня счастливо, — подумал репортер. — Теперь — к телефону!»

Он вошел в телефонную будку и позвонил.

— Прошу соединить с Версальским судом!

Прошло несколько минут.

— Кто вы?

— Поль Редон, журналист. А вы?

— А! Это Редон! А я прибыл из Мезон-Лафита с нашим пленником... Он упорствует... но он виновен... Не пытайтесь что-либо сделать в его пользу...

— Убийца, мой дорогой прокурор, англичанин по имени Френсис Бернетт, и завтра я докажу вам это. А пока прикажите задержать сундук, принадлежащий сэру Бернетту и находящийся в кладовой на станции Сен-Лазар. Затем, рекомендую навести справки во всех отелях и арестовать этого Бернетта, приметы которого сообщая. Наконец, хорошо бы еще приказать охранять станционные выходы. Ответственность за все беру на себя; а что касается моего

бедного Фортена, то не пройдет и трех суток, как вы первый заявите о его невинности. До завтра! В девять часов я буду в Версале.

— Но, Редон, вы с ума сошли!

— Сделайте то, что слышали, и будете благодарить меня на коленях... На коленях! Прощайте!

После этого Редон возвратился к себе, наскоро привел в порядок костюм и пообедал.

Вечером побывал в нескольких редакциях и к часу вернулся на улицу Ларошфуко, где занимал домик, расположенный в саду. Отослав кучера, он позвонил, вошел, произнес свое имя перед сторожкой, и... тут на него набросился какой-то человек. Блеснула сталь,— лезвие кинжала с поразительной быстротой погрузилось в тело. Он почувствовал сильную боль в груди, потом ледяной холод. Кричать Редон уже не мог, хотя в мозгу его перед потерей сознания пронеслась мысль: «Бедный Леон! Кто за тебя заступится?»

ГЛАВА 5

Брат и сестра у родителей обвиняемого.— Мадемуазель Марта.— Удивление жителей.— Следователь и его помощник.— Известие об убийстве Поля Редона.— Что заключалось в таинственных чемоданах.

Погребение Мартина Лефера и Грандье происходило в один день и час, в присутствии множества народа. У первого не было родных, одна ключница шла за гробом. А останки второго сопровождали сын и дочь, оставшиеся сиротами без всяких средств к существованию. Сын, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, воспитывался в Парижском лицее и теперь шел за гробом с измученным лицом, задыхаясь от рыданий. Дочь была на два года старше. Она машинально двигалась за процессией, вся закутанная крепом, и никак не могла поверить, что обожаемый ею отец и лежащее человеческое тело с простреленным черепом — одно и то же.

По окончании печальной церемонии, когда посторонние разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая девушка сказала несколько слов брату, на которые он ответил кивком головы, потом взяла его под руку, и они на-

правились не на виллу Кармен, а в город и, к удивлению всех, вошли в дом Леона Фортена.

Убитые стыдом и горем, старики безмолвно ответили на их поклон.

Девушка медленным движением руки подняла вуаль и сказала:

— Я — Марта Грандье, а это — мой брат Жан!

Старый Фортен-отец не нашелся, что ответить, но жена его, тронутая неподдельной симпатией, сквозившей в прекрасных глазах гостыи, взволнованно произнесла:

— Мадемуазель Грандье!.. Вы!.. Вы здесь!..

— Ваш сын, Леон... месье Леон... обвинен в ужасном преступлении... но он невиновен... я знаю... уверена... И вот, когда все его проклинаят и отворачиваются от вас, мы пришли сюда... с разбитым сердцем... но с надеждой, что спасем Леона!

При этих звучащих из глубины души словах у старушки покатались слезы из глаз:

— Невиновен!.. О да, невиновен!

Она бросилась к молодой девушке и крепко, до боли, сжала ее в объятиях.

— Вы считаете моего сына, моего Леона невиновным! Вы его знаете, не правда ли?

— Совсем немного! — отвечала мадемуазель Грандье, милое личико которой озарилось улыбкой. Она замолкла на несколько секунд, покраснела и продолжала с достоинством:

— Каждый день и с давних уже пор... он клал на решетку, идущую вокруг нашей виллы, маленький букет из простых лесных цветов. Эти цветы предназначались мне. Я принимала их, потому что сын ваш был так скромн, так почтителен. Мы ни разу не обменялись даже словом, и я не знала его имени до тех пор, пока он не пришел к отцу по делу. Теперь на нас обрушилось несчастье... Отец завещал нам отомстить за себя.

— И мы отомстим! — звонко воскликнул юноша.

— Наше мщение и оправдание вашего сына тесно связаны друг с другом, — продолжала мадемуазель Грандье, — и, следовательно, они будут единой целью нашей жизни! Не так ли, Жан?

— Да, Марта!

Такая решимость этих детей, совершенно не ведающих еще жизни, не имеющих поддержки ни дружеской, ни материнской, была поистине трогательна. Впрочем, какова

бы ни была их слабость, они все-таки обладали той верой в себя, которая всегда оборачивается силой, сдвигающей горы.

Вид этих прекрасных молодых людей вызывал в стариках Фортенах добрые чувства и зарождал в их сердцах луч надежды.

Выше среднего роста, скорее даже высокая, Марта Грандье не походила на девушек-куколок из высшего общества. Грациозный, но крепкий стан ее обнаруживал здоровье. Ее густые волнистые белокурые волосы составляли очаровательный контраст с большими глазами, вспыхивавшими по временам черным огнем. Изящный нос с трепещущими ноздрями указывал на пылкость характера, а резко очерченный подбородок обнаруживал вдумчивость и склонность к размышлениям. В общем, это было странное, но пленительное лицо, в котором отражались кротость и энергия, нежность и решительность.

Брат был похож на сестру, несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашением супругов Фортен присесть, тем более что на вилле Кармен их ждали одиночество, горькие воспоминания и печальные дела. Предстояло определить оставшиеся средства, отпустить слуг и установить новый порядок жизни. Видя неопытность молодой девушки, госпожа Фортен предложила ей свои услуги.

— В хозяйстве много встретится затруднений и мелочей, о которых вы не имеете понятия! Не отнимайте у меня удовольствия служить вам. О, не говорите «нет!», — произнесла она.

— Соглашаюсь с радостью, с благодарностью!

— Так едем. Чем скорее, тем лучше.

Все трое покинули старика Фортена.

Мирное посещение детьми убитого родителей убийцы произвело на обитателей Мезон-Лафита огромное впечатление. Когда же маленькая группа дружно двинулась к вилле Кармен, соседи стариков от удивления раскрыли рты и замерли, как будто пораженные столбняком. На вилле в это время находились мировой судья и следователь со своими письмоводителями. Первый прямо обратился к Марте и Жану Грандье и сообщил, что накануне смерти отец объявил их совершеннолетними. Согласно закону, господин Грандье сделал заявление судье в присутствии письмоводителя, и — по 477-му параграфу Свода гражданских законов — этого совершенно достаточно, чтобы получить право

обходиться без опеки. Тут следователь, ведущий дело, прервал объяснения своего коллеги и пригласил молодых людей на беседу в кабинет отца.

— Знаете ли вы, кто эта женщина, прибывшая с вами сюда? — спросил он их.

— Да, мадам Фортен! — сухо ответила молодая девушка.

— Мать бандита!

— Нет, милостивый государь! — гордо возразила Марта.

— Да-да, мать негодяя, подло убившего старика на улице Сен-Николя, и нравственного убийцы вашего отца!

— Нет же, нет! И если вам угодно так продолжать, мы с братом предпочтем удалиться!

Немного сконфуженный, следователь быстро сорвал печать с ящика стола, вынул оттуда пачку писем и положил их на бюро; затем, вынув из кармана другие письма вместе с записной книжкой Леона Фортена, сказал:

— Вот, смотрите!

Марта с братом наклонились и стали читать.

— Теперь сравните почерк этих писем и записок!

— Можно подумать, писала одна и та же рука! — вскричал Жан.

— Действительно, сходство поразительное! — подтвердила Марта, не понимая, к чему все клонится.

— Эта книжка и письма, бедные дети, принадлежат обвиняемому Леону Фортену. Что же касается других писем, то они написаны убийцей вашему отцу... Вы сами подтвердили тождество почерка тех и других.

— Эти письма — подделка! У Леона Фортена выкрали записную книжку с целью свалить на него вину за убийство на улице Сен-Николя!

— Эксперты решат...

— О, эксперты! — с презрением произнесла молодая девушка. — Они воистину непогрешимы!

— Наконец, — сказал следователь, выдвигая свои последние аргументы, — считаю своей обязанностью указать, как рискованно вам продолжать знакомство с женщиной, находящейся в гостини!

— Но, милостивый государь, у меня другой взгляд на вещи! Я буду посещать кого хочу и когда сочту нужным!

Из разговора было совершенно ясно, что следователь твердо уверен в виновности Фортена.

Действительно, все, казалось, было против Леона: визит

к Грандые с просьбой ссудить роковую сумму, проекты от-носительно Клондайка, ужасное сходство почерков — его и шантажиста, окровавленная книжка, найденная на улице Сен-Николя. Он не мог даже доказать своего алиби. Следова-телю пока не были известны открытия Поля Редона.

Когда товарищ прокурора передал ему телефонное сооб-щение репортера о Френсисе Бернетте, тот небрежно бросил:

— Вымыслы журналиста!

Однако товарищ прокурора упорствовал, зная ловкость и решительность своего друга:

— Кто серьезно рассчитывает сделать судебную карье-ру, не должен обращать внимания на рассказы водевиль-ных писак! — все больше раздражался следователь.

— Прикажете, по крайней мере, задержать корзину в кладовой Западной дороги!

— Хорошо, я доставляю вам это удовольствие и докажу, что ваш друг комедиант. Впрочем, вы говорили, мы завтра утром увидимся с ним?

— Да, он назначил свидание в суде, в девять часов!

Читателю уже известно, почему репортер не смог при-быть на это свидание. Целый день его напрасно ждали. Сле-дователь торжествовал. На другой день он должен был воз-вратиться в Мезон-Лафит для производства дополнитель-ного следствия и снятия печатей как на вилле Кармен, так и на улице Сен-Николя. Товарищ прокурора ехал с ним, всю дорогу подвергаясь язвительным шуточкам по поводу своей излишней доверчивости. Сойдя с поезда, товарищ прокурора купил несколько газет, развернул одну из них, вскрикнул и побледнел. Взгляд его привлекли следующие строки, напечатанные крупным шрифтом:

«Покушение на убийство журналиста Поля Редона! Поль Редон смертельно ранен!»

— Вот читайте! — сказал он следователю. — Да читай-те же!

Тот пробежал глазами сообщение и прибавил:

— Очень жаль, но это никоим образом не может нахо-диться в связи с преступлением в Мезон-Лафит!

— Так думаете?

— Вы, должно быть, изучали полицию по романам Габорио!

— Я не нужен вам пока? — не стал возражать това-рищ прокурора. — Тогда еду в Париж и возвращусь сюда к завтраку!

— Чудесно! Будете очень любезны, если пришлете знаменитую корзинку, которую я велел задержать по вашему желанию!

— Привезу ее сам!

...Только в два часа товарищ прокурора вернулся. Кажется, он был очень озабочен. Оба судьи находились в мэрии, куда только что доставили корзину. Жандарм привел слесаря, и началась трудная операция отмыкания запора.

— Ну, что Редон? — отрывисто спросил следователь.

— Он в агонии, состояние совершенно безнадежно. Вероятно, не увидит завтрашнего дня!

— А его розыски?

— Ничего не известно. Нет ни малейших следов!

После долгих усилий слесарь отпер корзину. Скептически, с насмешливой улыбкой на губах следователь поднял крышку и закричал:

— Вот так странная вещь!

В корзине были аккуратно уложены принадлежности полного костюма лесного сторожа из зеленого сукна с желтой выпушкой и суконная ливрея каштанового цвета. Обе одежды казались совершенно новыми, не надеванными ни разу.

ГЛАВА 6

Бедя. — Предчувствие. — Доктор. — Раненый. — Трепанация. — Лассо. — Мнимый сторож. — Начало доказательств. — Возвращение. — Кража. — Угрозы. — Письмо. — «Красная звезда».

Перебирая бумаги и записные книги отца, Марта и Жан узнали все обстоятельства, побудившие его к самоубийству. С точки зрения покойного, финансовые дела семьи были из рук вон плохи. После уплаты долгов и расчета со слугами (при условии продажи дома и мебели) могло остаться только несколько тысяч франков и нищета в скором будущем. Впрочем, молодые люди храбро взглянули в глаза этому будущему, решив неустанно трудиться.

Ликвидация дела не требовала особой срочности, и они сочли за лучшее употреблять время на поиски того, кто сделал их сиротами.

Марте было известно, что отец до последнего момента имел дела с парижской полицией, агенты которой не показы-

вались с самой катастрофы; это становилось подозрительным. Не попали ли они также в какую-нибудь западню? Она вспомнила, что накануне убийства в лесу был подобран человек и отправлен в госпиталь.

— Что, если этот несчастный — один из агентов, помогавших отцу? — спросила она брата.

— Возможно! — отвечал тот.

Молодая девушка порывисто встала и произнесла:

— Жан, дорогой мой мальчик, я еду в Сен-Жермен!

— Я буду тебя сопровождать!

— Нет, ты останешься здесь. Ни слова не говори о моем путешествии никому! Ни мадам Фортен, ни следователю, ни кому бы то ни было другому!

В течение получасового путешествия в Сен-Жермен Марта наметила простой, но оригинальный план действий.

Прибыв на место, она направилась прямо в госпиталь. Молодая девушка хорошо знала, что нельзя иметь свидание с раненым, не назвав даже его имени; да и вообще в больницах существуют свои правила, нарушать которые, без особого разрешения, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адрес главного врача и, к счастью, застала его дома.

После разговора с девушкой главный врач решил допустить ее к больному, предупредив только, что потерпевшему был нанесен удар чуть выше уха каким-то тяжелым предметом, кастетом или молотком, и серьезнейшую операцию трепанации черепа он едва вынес.

— Теперь я вам скажу все, — произнесла девушка, — свое имя, происхождение, события...

— Не надо, дитя мое! Храните свой секрет — он принадлежит вам одной, а мне необходимо знать только то, что поможет восторжествовать справедливости!

Десять минут спустя доктор провел Марту в госпиталь, где в маленькой комнате лежал раненый. Марта подошла к больному, голова которого, вся покрытая бинтами, покоилась на подушке, и дотронулась до его горячей руки, не решаясь заговорить. Агент видел это колебание и, понимая, что только очень серьезная причина могла привести в госпиталь эту молодую особу в глубоком трауре, сказал ясным, но тихим, как дыхание, голосом:

— Что вам угодно, сударыня?

— Я — Марта Грандьел..

— А!.. Его дочь... в трауре... и одна... Боже мой!.. Что случилось?

— Отец умер!.. В Мезон-Лафите совершенно убий-

ство... Вы сами тоже сделали жертвою преступления. И в этом обвиняют невиновного!.. Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто вас ударил?.. Чем?.. При каких обстоятельствах?.. Постарайтесь вспомнить... Умоляю вас!

Больной отвечал своим слабым голосом:

— Все, что могу сообщить, сводится к весьма немногому. Я на коне преследовал человека в каштановой ливрее, которому ваш отец вручил письмо. Этот человек вскочил на лошадь, которую держал за повод лесной сторож.

— Вы не помните, как он выглядел?..

— Кажется, был высок... силен... блондин... и очень напоминал слугу из хорошего дома... скакал... подпускал к себе... потом опять мчался вперед, как будто хотел завлечь в западню... Я это заметил слишком поздно. Ожесточенное преследование продолжалось с четверть часа, но, кажется, мы вертелись в довольно ограниченном пространстве, в пустынном месте, где нельзя было встретить ни души... Припоминаю это место: несколько сучковатых дубов, решетка с запирающейся дверцей... я один, безоружен... официального приказа не имею... Положение показалось очень серьезным... Еще несколько прыжков, и я... перед дверью решетки, широко открытой. Человек, которого преследую, оборачивается в седле... смеется и издает свист. Он мчится как стрела между стволами дубов... Что-то задевает меня по ушам, обвиняется вокруг головы... я в петле. Лассо выхватывает меня из седла и с силой бросает на землю. Оглушенный этим падением, хочу все-таки бороться, кричать, защищаться, но не успеваю. Человек, одетый в костюм лесного сторожа, прыгнул из-за дуба. Это он держал за повод лошадь другого... О!.. я узнал бы его и через сто лет. Коренастый, с длинной темно-русой бородой. Все произошло с быстротой молнии! Страшный удар по голове каким-то предметом. Казалось, я умираю!..

Марта, дрожащая и заплаканная, слушала этот прерывистый рассказ.

— Довольно, пожалуйста, довольно! — пожимала она руки утомленного больного. — Благодарю!.. От всего сердца! Вы освобождаете от отчаяния бедных неутешных стариков, возвращаете свободу, жизнь и честь невиновному. Теперь, если вам не вредно, кое-что хочу рассказать и я.

— Говорите, прошу... Но позвольте сначала небольшое замечание... Человек, набросивший на меня лассо, сделал это с поразительной ловкостью, на какую способны только южные американцы, гаучо или мексиканцы. Он иностранец...

Марта облегченно вздохнула: часть обвинения против Фортена исчезла. «Раненый — живое доказательство его невиновности. Мы докажем также, что не Леон виновник преступления на улице Сен-Николя!» — подумала она.

Потом молодая девушка рассказала все, что знала об аресте Фортена и ходе судебного разбирательства.

Жерве, которого мало-помалу охватывала усталость, находил всю историю страшно запутанной и жалел, что пока не в состоянии помочь, но обещал, как только поправится, употребить все силы, чтобы распутать дело.

Девушка горячо поблагодарила его и обещала в скором времени опять навестить. Затем вырвала листок бумаги из книжки, в которую заносились заметки о ходе болезни, и набросала:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что человек, покушавшийся на меня в Сен-Жерменском лесу, одет был в костюм лесного сторожа и на вид имел около сорока лет. Он коренастый, сильный, среднего роста. С длинной темно-русой бородой.

Сен-Жерменский госпиталь.
28 апреля 1898 года».

Марта прочла текст вслух и спросила раненого, согласен ли он под ним подписаться.

— С большим удовольствием! — ответил тот, поставив внизу листа свое имя.

— Еще раз благодарю и до скорого свидания! — сказала сияющая девушка, оставляя агента.

Она вкратце передала результаты свидания ожидавшему ее доктору и отправилась на станцию, чтобы вернуться в Мезон-Лафит. Идя быстро, счастливая своей удачей и возможностью утешить родителей Леона, молодая девушка и не заметила, что за нею следуют какие-то два господина. На станции, купив билет и удостоверившись в целостности записки агента, она положила портмоне обратно в карман и туда же сунула носовой платок.

Вскоре один из двух следовавших за нею людей оступился на лестнице и упал на колени. К нему сейчас же подбежали, чтобы оказать помощь. Виновницей падения оказалась апельсиновая корка; произошла суматоха, и Марта, унесенная человеческой волной, вошла в вагон. Приехав в Мезон-Лафит, она сошла с поезда, опустила руку в карман и хотела вынуть портмоне, где, кроме расписки Жерве, лежал дорожный билет. Дрожь пробежала по ее телу,

ноги едва не подкосились, она прошептала: «Бумаги пропали!»

Дойдя до дома, Марта рассказала все брату, но только ему одному, и решила на другой день опять поехать в госпиталь, но прежде дожидаться почтальона. Последний принес одно из тех ужасных писем, какие погубили ее несчастного отца. «Фортен виновен! Не будучи в состоянии спасти, соучастники — товарищи из «Красной звезды» — покидают его. Свидание с раненым из Сен-Жермена бесполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вам запрещается под страхом смерти хлопотать в пользу того, кто должен искупить свою ошибку. При убийстве не оставляют улики». Как и письма, адресованные Грандье, это послание запечатано было красной звездой.

ГЛАВА 7

Маленький старикашка с улицы Ларошфуко.— Молодой человек.— Париж.— Кале, Дувр, Лондон.— Товарищи из «Красной звезды».— Тоби 2-й.— По телефону.— Доказательства невиновности.

Прошла неделя. К Редону допускался только доктор, давнишний друг его. О состоянии здоровья репортера в журналах не печаталось ни строчки. Известно было только, что он, против ожидания, еще жив, но что нить этой жизни готова порваться каждую минуту.

Непроницаемая таинственность окружала некогда веселый дом репортера. На девятый день, в восемь часов утра, из него вышел маленький старичок в очках, с седой бородой, закутанный в темный широкий плащ. Очевидно, он вошел к больному рано утром, когда никто не мог его видеть. Впрочем, дом был обширен, так что носильщики, слуги, жильцы постоянно сновали взад и вперед, и старик мог пройти совершенно незамеченным. Он бодрым еще шагом дошел по улице Ларошфуко до улицы Сен-Лазар и очутился на площади Св. Троицы. Здесь остановился, выбрал одну из карет, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сделал кучеру знак остановиться. Но прежде чем сесть, старик довольно долго вел переговоры с кучером, который сначала казался удивленным, а потом кивнул и даже улыбнулся, получив золотую монету. Седок поместился в карете, и она покати-лась. Лошади бежали крупной рысью. Вот карета завернула

на улицу Лафайет и дальше домчалась до улицы Тревиз. Там скопление экипажей ненадолго задержало ее; дверца открылась — и пассажир вышел. После этого кучер сейчас же, не поворачивая головы, уехал.

Но старик с почти белой бородой и расслабленной походкой подвергся чудесному превращению. Теперь это был молодой человек отважного вида с очень бледным лицом. Одет он был в клетчатый костюм с узким воротником, заколотым булавкой в виде подковы, и очень походил манерой держаться на жокея. На вид ему можно было дать двадцать два, двадцать три года. Быстрым взглядом юношастарик окинул шоссе, увидел свою карету и быстро двинулся к станции Монтолон. Здесь он выбрал кучера, заплатил ему, открыл дверцу кареты, проскользнул между сиденьями, вышел через вторую дверцу и спокойно зашагал за вереницей экипажей в то время, как карета мчалась вперед. Наконец, эта странная личность, нуждавшаяся в таких предосторожностях, села в третью карету, сказав кучеру: — На Северный вокзал.

Спустя несколько минут неизвестный подошел к кассе. Взяв билет первого класса до Шантильи, он занял место в купе, где оставалось еще одно свободное место, забрался в угол и казался заснувшим, между тем как проницательный взгляд его следил внимательно за всем.

В Шантильи трое пассажиров сошли, но наш молодой человек продолжал спать. В Лонжо вышли еще трое, а он, добавив контролеру двадцать шесть франков сорок пять сантимов, продолжал путь в Кале, где, по-видимому, намеревался выйти. В Кале-приморском очутился он в двенадцать часов пятьдесят минут. У пристани уже разводил пары пакетбот.

Наш молодой человек, не колеблясь, поднялся на судно. Прошло пять минут, раздались свистки, и «Вперед» тронулся в Англию. Морской ветер, обороты винта, немножко боковой и килевой качки — и переезд совершен. Ровно через восемьдесят минут судно вошло в Дуврскую гавань.

Поезд на Лондон готовился уже отойти...

Таинственный незнакомец, проехавший через сушу и море без всякого багажа, съел два сандвича, выпил стакан вина и вскочил в лондонский поезд. Через час и три четверти поезд остановился на станции Чаринг-Кросс. Было четыре пополудни. Незнакомец взял кеб, дал кучеру адрес и помчался по улицам Лондона, как недавно мчался по улицам Парижа. Кеб остановился перед старым домом на

Боу-стрит, и путешественник смелыми шагами перешел аллею, пересек двор, поднялся на второй этаж, три раза постучался в дверь, вошел и, увидев служителя, спросил, принимает ли мистер Мельвиль.

Служитель встал, открыл дверь и привычным жестом пригласил посетителя войти. Тот вошел и увидел высокого, плотного господина, сложенного подобно Геркулесу, с умным и симпатичным лицом, на котором особенно выделялись серые блестящие глаза. Это был знаменитый Мельвиль, один из самых опытных сыщиков английской полиции. Несколько выдающихся процессов принесли ему известность и уважение во Франции. Обладая удивительной памятью, он знал всех мошенников Лондона, на которых навел настоящий ужас. Два раза пытались его убить, но колоссальная сила и ловкость предохраняли его от смерти. Относительно его мужества и хладнокровия рассказывали вещи, бросавшие в дрожь любителей душераздирающих криминальных драм.

Метр поднялся навстречу гостю, молча протянул ему руку и крепко, по-английски, пожал ее так, что тот не мог удержаться от легкого вскрика.

— Больно? — спросил он на чистом французском языке, без всякого акцента.

— Легче!.. Ну, и рука же у вас, мой дорогой Мельвиль!

— Вы устали?

— Не так, чтобы слишком, но достаточно!

— Поспите два часа на моем диване!

— Когда мы будем беседовать?

— Сейчас же. Вы голодны?

— Как волк!

— Так поедим... Ленч особенный. Я вас ждал и позаботился обо всем!

— Дорогой Мельвиль, вы настоящий друг!

— Равно как и вы! И еще вы — настоящая ищейка, как говорят у нас!

— Ба! Маленькая работа любителя! Но ваши слова особенно льстят мне, и я чувствую себя счастливым, имея возможность брать уроки у такого учителя!

— Вы прекрасно пользуетесь ими! Получили мое письмо?

— Третьего дня!

— Как думаете, удалось вам вырваться незамеченным?

— Думаю, что да, я очень постарался запутать свой след!

Хозяин встал с места, свистнул в слуховую трубку, отдал через нее несколько приказаний и, снова садясь на место, прибавил:

— Дом охраняется. Теперь будем говорить за столом, который уже накрыт.

Незнакомец сел за стол, сделал несколько больших глотков вина и без обиняков сказал:

— Известен вам некий Френсис Бернетт, лет...

— Сорока!

— ...Сильный, коренастый... с длинной бородой... одевается у...

— Барроу, портного на Оксфорд-стрит.

— Именно! Но вам цены нет, Мельвиль. Откуда вы это знаете?

— Пустяки, мой друг!

— Поразительно!

— Вы в таком доме, где ничему не удивляются.

— Итак, вам известен Френсис Бернетт?

— Да, еще бы! Это один из самых ужасных бандитов Англии. Злодей, всегда ускользавший из моих рук. Я уже месяц не имел о нем известий. Правда, по моей милости пребывание его в Англии сделалось довольно опасным.

— В течение последнего месяца он жил во Франции. Дело в Мезон-Лафит...

— Я не сомневался в этом, читая о преступлении в ваших журналах... Красная звезда — его эмблема или, лучше, эмблема ассоциации...

— А, так это шайка?

— ...Называемая шайкой двух тысяч...

— Их две тысячи?..

— Нет, название произошло от того, что они не берутся за дело, обещающее меньше двух тысяч фунтов стерлингов. Еще их называют, то есть они сами себя называют, «Рыцари красной звезды» или «Красная звезда»!

— О, как напыщенно, словно заглавие бульварного романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

— Увы, да! — отвечал полицейский сыщик более серьезным голосом. — Это сборище самых ужасных и ловких негодяев. Там встречаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые — отвергнутые обществом, объявившие ему ожесточенную войну. Это цвет шайки; есть и бандиты второго сорта, исполняющие всю черную работу. Им досталось от нас серьезно. А вот главари ускользнули, некоторые из них переправились через пролив и работают на материке!

— Интересно! Как захватывающий роман!

— Да,— подтвердил полицейский сыщик,— уголовные дела и доставляют, главным образом, сюжеты для подобных романов!

— Я должен записать то, что вы мне расскажете!

— Не беспокойтесь! Уже приказано одному из моих людей переписать для вас часть дела о «Красной звезде»! Вам остается только перевести ее, что нетрудно,— вы владеете английским языком, как своим!

— Поразительно!.. Успеваете подумать обо всем!

— О, немного порядка в мыслях и поступках — сущие пустяки! К тому же я рад сделать приятное джентльмену, которого глубоко уважаю!

— Вы знаете, Мельвиль, что это чувство взаимно!

— Да, знаю и очень счастлив! — сказал английский агент, снова пожимая руку своего таинственного собеседника.— Но возвратимся к нашим баранам, напоминающим скорее волков. Находя, что действовать дальше в метрополии трудно и опасно, один из них решил завладеть Клондайком, громадной сокровищницей золота...

— Так они для этой цели хотели иметь пятьдесят тысяч франков?..

— Да, две тысячи фунтов стерлингов или пятьдесят тысяч франков — минимальная цифра у этих мерзавцев. На всякий случай я послал двух моих агентов преследовать их и получаю время от времени донесения из Франции, пока очень скупые.

В эту минуту зазвонил телефон.

— Вы, патрон?

— Да.

— Ваш агент, Тоби 2-й.

— Где вы?

— В Париже!

— Что нового?

— Важное сообщение относительно убийства французского журналиста Поля Редона!

— Очень хорошо, Тоби! — ответил Мельвиль агенту и обратился к своему таинственному гостю:

— Это интересно... Возьмите один из приемников и слушайте!

Голос Тоби 2-го продолжал:

— Мистер Поль Редон был убит Бобом Вильсоном, хорошо нам известным.

— Да, ловкая рука у друга Френсиса Бернетта.

— Мистер Поль Редон, извещая по телефону Версальский суд о своих успехах, говорил слишком громко, так что бывшие по соседству Боб Вильсон и Френсис Бернетт все слышали. Эти бандиты, найдя, что мистер Редон стал опасен, решили немедленно уничтожить его и намерение свое выполнили.

— Тоби, мой мальчик, хорошо, что вы попали на след! Получите четыреста фунтов награды!

— Благодарю, патрон!

— Что еще?

— Известно, что убийцы как бы гипнотизируются своей жертвой и возвращаются на то место, где пролита кровь.

— Мы дежурили близ дома мистера Редона, но не видели ни Боба Вильсона, ни Френсиса Бернетта.

— Так-так.

— И еще: комиссар по юридическим делам должен был допросить мистера Поля Редона и обратился за разрешением к своему начальству. Когда он вошел в спальню репортера, то увидел, что постель того пуста, остыла, мебель в беспорядке... Сам журналист исчез. Его искали по всему дому, в саду, в других флигелях. Ничего! Пропал!

Несмотря на британское хладнокровие, сыщик не мог удержаться от смешка, передавшегося по телефону в уши Тоби 2-го. Гость же Мельвиля расхохотался так, будто необъяснимое исчезновение репортера было самой комичной вещью в мире.

— Вы смеетесь, патрон? — вскричал Тоби 2-й, но сейчас же спохватился: — У вас кто-то есть?

— Да, надежный человек, говорите не стеснясь!

— Хорошо! Итак, мы с товарищем узнали, что мистер Редон убит членом «Красной звезды», но у нас не было доказательств! Теперь же они есть, и в случае надобности можно передать дело в суд.

— Ага! — вскричал друг Мельвиля. — Если у ваших людей, дорогой Мельвиль, есть такие доказательства, то невиновность Леона Фортена очевидна!

— Я думаю так же. Ваше путешествие сюда может оказать действительно громадную помощь в этом загадочном деле!

Потом он прибавил в телефон:

— Мистер Тоби 2-й?

— Слушаю, патрон!..

— Теперь шесть часов, согласны вы завтра, в этот же час, сообщить свои доказательства человеку, объявившему, подобно нам, беспощадную войну членам шайки «Красная звезда»?

— Да!

— Прекрасно! Ровно в десять часов будьте на улице Ларошфуко у флигеля исчезнувшего репортера. Позвоните и спросите Поля Редона. Увидите его во плоти, а не в качестве призрака, хотя он теперь имеет двойника.

ГЛАВА 8

Опять маленький старикашка.— Удивление.— Воскресший из мертвых.— Ужасная рана.— Железная энергия.— Разоблачения Тоби 2-го.— Слепок ног.— Отождествление.— Свет.— Преступление в Батиньоле.

Как только начало бить шесть часов, у двери дома, занимаемого Полем Редоном, остановились двое мужчин. Один — высокий, сухощавый, с длинными зубами и маленькими белокурыми локонами — имел вид английского слуги. Другой — одетый по последней моде, молодой, интеллигентного вида — был джентльменом с головы до ног. Последний поглядывал на англичанина; тот со своей стороны украдкой бросал ответный нерешительный взгляд, нажимая кнопку электрического звонка. Дверь тотчас же открылась, и на пороге появилась экономка журналиста.

— Господин Поль Редон дома? — спросил на чистейшем парижском жаргоне джентльмен.

— Мистер Поль Редон? — переспросил по-английски слуга.

— Потрудитесь пройти! — сказала тогда женщина, давая дорогу.

Они вошли в спальню и увидели в ней низкого старичка, стоявшего спиной к камину, плешивого, с мутными глазами и дрожащими руками и ногами.

— Поль Редон, — сказал он тонким, как у щура, голосом, — это я!

— Ах! — вскричал озадаченный англичанин. — Вы смеетесь надо мною!

— Эй, голубчик, нельзя ли без подобных шуток! — воскликнул и джентльмен.

Старичок быстро выпрямился и крикнул задышающимся от смеха голосом:

— Да, это я!

В то же самое время плащ упал, седой парик полетел прочь, такая же борода отстала от щек и подбородка, и в результате перед пришедшими оказался молодой, немного бледный человек, с тонкими чертами лица.

— Да! Это я — Редон! Не сомневайтесь в этом, дорогой прокурор! Я сам вчера телефонировал вам из Лондона в Версальский суд, назначив свидание здесь в шесть часов. Вы очень мило сделали, что не опоздали!

— Но вы все еще неузнаваемы! — вскричал пораженный чиновник. — А борода? Ваша настоящая борода? Красивая шатеновая борода, так шедшая вам?

— Сбрита совершенно! Я пожертвовал ею ради дружбы и еще — чтобы запутать своих недоброжелателей!

— Удивительно! — произнес судейский чиновник, пожимая ему руку. — Но как ваша рана? Честное слово, мы вас собирались оплакивать!

— Да, я знаю... Благодарю! Моя мнимая смерть имела хорошие последствия: мы сейчас поговорим об этом... А теперь прежде всего, дорогой мой друг, имею удовольствие представить вам мистера Тоби 2-го, одного из самых тонких и ловких сыщиков Англии!

Англичанин поклонился просто, но с достоинством, а Редон прибавил:

— Это с вами я вчера говорил по телефону от моего друга Мельвиля, в Лондоне?

— Да, сэр.

— Садитесь, мистер Тоби, сюда, а вам, дорогой прокурор, предлагаю это кресло. Я чувствую себя разбитым непрерывным путешествием из Парижа в Лондон и обратно, а потому прошу разрешения растянуться в шезлонге!

— Но, дорогой мой Редон, скажите, что сие значит: переодевания, путешествие в скором поезде, рана, затворничество, слухи о вашей смерти?..

Журналист распахнул свою рубашку, снял повязку на груди и, показав ужасную рану, наполовину затянувшуюся, прибавил:

— Человек, желавший моей смерти, напряг все свои силы при нанесении удара и мог рассчитывать на удачу: я должен был скоро умереть. Но удар пришелся по плаastrону моего шелкового галстука, причем плотная ткань изме-

нила его направление. Вследствие этого нож вместо того, чтобы пронзить мне грудь, только перерезал слой мускулов до самых ребер, на которых и остановился!

— И вы ходите с этим?

— Уже тридцать часов!

— Ну и человек же вы!

— Человек, у которого есть цель. В первый момент я считал себя пораженным насмерть. Мысль распространить слухи о своей скорой кончине пришла мне только после перевязки. Этим маневром я хотел усыпить бдительность своих врагов и ускользнуть от них!

— Умно придумано!

— Но эта ужасная рана... еще побаливает, хотя сегодня одиннадцатый день и она на три четверти уже залечена. Доктор промыл ее, зашил, обеззаразил. Благодаря его врачебному искусству процесс зарубцевания прошел нормально, не причинив мне лихорадки.

— Удивительно, я не знаю, чему больше удивляться: вашему ли терпению или науке, совершающей подобные чудеса. Но скажите, друг мой, не подозреваете вы, кто ваш убийца?

— Вот мистер Тоби 2-й, может быть, сообщит нам о нем.

— Да, сэр! Я скажу всю правду!

— Мистер Тоби, мы с этим джентльменом владеем английским языком, как своим собственным, поэтому вам будет удобнее изъясняться по-английски!

— Хорошо, сэр! Покинув «Павильон Генриха IV» в Сен-Жермене, где некоторое время выдавал себя за путешественника, я поступил в гарсоны парижского «Виндзор»-отеля.

— В Сен-Жермене!.. Вы были в Сен-Жермене в момент совершения преступления?!

— За неделю до него и видел Френсиса Бернетта с Бобом Вильсоном; мы с товарищем следили за ними в течение нескольких дней. К сожалению, агенты французской полиции в решительную минуту помешали нам!

При этом сообщении странная мысль мелькнула в уме репортера; он ударил себя по лбу и вскричал:

— Но... вы должны узнать эти ноги!

— Какие ноги? — спросил товарищ прокурора, которого поражало несоответствие поступков, слов и мыслей его друга, их неожиданность и оригинальность.

Журналист подошел к двери своей туалетной комнаты,

открыл ее, отыскал спрятанный под обоями маленький сундучок и вынул два отпечатка, сделанных в саду на улице Сен-Николя.

— Вот отпечатки следов, мистер Тоби, их можно зачернить для большего сходства с ботинками!

— Лишнее, так как я чистил вчера утром в «Виндзор»-отеле такую же обувь и сразу узнал форму ноги: ее длину, необыкновенную даже для англичанина, обтертый задник, маленькую выпуклость большого пальца левой ноги, указывающую на начало подагры. Поверьте совести честного человека, эти ноги принадлежат Френсису Бернетту, одному из главарей «Красной звезды».

— Но тогда, если он в отеле «Виндзор», нет ничего легче, чем арестовать его! — вскричал Поль Редон.

— Он оставил отель вчера вечером.

— Тысяча молний!

— Впрочем, мой товарищ должен его выслеживать.

Этот быстрый обмен словами остался совершенно непонятным для товарища прокурора, так что он, наконец, осведомился, что все это значит.

— Помните, по телефону я просил задержать корзину на станции Сен-Лазар? — вместо ответа спросил его репортер.

— Помню!

— Корзина принадлежала негодяю, а это изображение его ног! Отпечатки сделаны мною в саду дома, где совершено преступление, на улице Сен-Николя... Следы находились под стеной ограды, в том месте, где убийца приставил лестницу. Мистер Тоби признал их за отпечатки ног Френсиса Бернетта, английского бандита, главаря шайки «Красная звезда»...

— Подтверждаете все это, мистер Тоби?

— Да, хоть бы под присягой!

Живо заинтересованный, чиновник начал теперь замечать свет, все более рассеивавший потемки, окружавшие это трагическое и таинственное дело.

Между тем Редон продолжал:

— Я передал вам полное дело, врученное мне при отъезде из Лондона старшим агентом Мельвилем. Когда прочтете его, мы поговорим о Леоне Фортене.

— Назначив вчера по телефону мне свидание, — вполголоса произнес товарищ прокурора, — вы сообщили, что надеетесь узнать имя своего убийцы и предоставить доказательства того, что он — виновник преступления.

— Я думаю, мистер Тоби удовлетворит любопытство нас обоих! Не так ли, мистер Тоби?

— Да, сударь!

— Прекрасно,— заявил судья.— Итак, у вас есть доказательства, что убийца из «Красной звезды».

Тоби 2-й порылся в своих карманах и начал, обращаясь сперва к Редону:

— Вот прежде всего нож, которым вы были поражены. Это прекрасный шеффилдский клинок, на буйволовой рукоятке которого вырезаны инициалы В и W, а под ними маленькая красная звезда о пяти лучах.

Поль Редон взял оружие, попробовал острие пальцем, провел им легонько по нитке и сказал наполовину серьезно, наполовину смеясь:

— Черт возьми! И колет, и режет: доказательством тому мое бедное поврежденное тело.

— Это нож Боба Вильсона, вытащенный мной из его собственного кармана! — продолжал Тоби.— Впрочем, он ценен только благодаря инициалам, красной звезде и происхождению. Но вот что более всего важно!

При последних словах агент вынул из внутреннего кармана своего пиджака конверт, в котором находился бледно-красный листок, покрытый буквами.

— Это лист из бювара номера, который занимал Боб Вильсон в отеле «Виндзор». Я сам возобновил в нем бумагу в надежде, что бандит воспользуется ею в качестве промо-катальной для своих писем, и не ошибся. Вот потрудитесь прочитать!

Так как буквы находились на листке в обратном виде, агент поднес его к зеркалу. После этого товарищ прокурора и репортер могли с большим трудом разобрать следующие три строки:

«Я покончил с Редоном: он знал слишком много. Человек из Мезон-Лафита окончательно погиб!

Боб Вильсон».

Тоби 2-й продолжал своим спокойным голосом:

— Это письмо Боба Вильсона. Впрочем, вот образчик — потрудитесь сравнить, господа!

Образчик и строки бювара имели такое сходство, что всякое колебание было невозможно: оба письма, несомненно, вышли из-под пера Боба Вильсона. Он — убийца Редона.

Дрожащим от волнения голосом товарищ прокурора обратился к журналисту и его помощнику.

— Ваша храбрость и изобретательность, дорогой Редон,

вместе с терпением и ловкостью мистера Тоби, дадут восторжествовать справедливости. Благодаря вам ошибка в отношении Фортена будет исправлена, невиновный получит свободу и оправдание. Мне остается только сообщить следователю все, что я сам узнал! Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь?

— О, всеми силами! — отвечал журналист. — Вот документы, добытые английской полицией и переданные Мельвилем. Прочтите их... это поразительно. А теперь нельзя ли мне свободно общаться с Фортеном? Хотел бы сообщить хорошие известия ему и старикам-родителям.

— Я сейчас возвращаюсь в Версаль, увижу вашего друга и сообщу всю правду!

— Благодарю, дорогой друг, благодарю от всей души!

— Вы взволнованы, отдохните до завтрашнего полдня, а тогда приезжайте в Версальский суд.

— Не премину это сделать.

— И вы также, мистер Тоби.

— Да, сударь, по приказу своего начальника, старшего агента Мельвиля, я остаюсь с мистером Редоном. Очень рад повиноваться его приказанию и, увидите, буду вам полезен. Прежде всего, мне нужно сделать так, чтобы негодяи не смели приблизиться к вам. Увидя рядом сыщика английской полиции, они поймут, что открыты, и быстро оставят Францию.

— В этом есть свой смысл, мистер Тоби. Располагаетесь здесь... вот комната... вы у себя... пейте, ешьте, а я — в постель! До завтрашнего полудня, дорогой прокурор! Вот документы... возьмите их!

— Благодарю!

— Прав я был, когда кричал «ловушка»?

— Да, были правы, и я благодарю вас от имени правосудия.

— Ба! Не стоит!

— Нет, стоит, вы разъяснили печальное заблуждение. Но это останется между нами, не так ли?

— Даю слово!

— Я и не ждал иного от такого человека, как вы! Мы иногда ошибаемся, потому что ошибки свойственны людям, но всегда действуем по совести и стараемся не преступить закона! До завтра!

Товарищ прокурора уехал. Редон пообедал с аппетитом, лег в постель и уснул как убитый.

В восемь часов Тоби вышел из дому, взял карету, вер-

нулся в отель «Виндзор» и потребовал расчет. Получив его, сложил в маленький сундук свой тощий багаж, снес его в экипаж и направился в квартиру Редона.

На улицах продавали второй выпуск газеты «Ле суар». Разносчики выкрикивали: «Берите последние новости... Читайте о Батиньольском преступлении... убийство капиталиста... кража пятидесяти тысяч франков! Требуйте последние новости!»

Тоби подумал:

«Пятьдесят тысяч франков... Две тысячи фунтов... Что, если и здесь замешана «Красная звезда»?»

Он купил газету, пробежал глазами описание события и сел в карету...

ГЛАВА 9

Тщетные предосторожности.— Дьявольская ловкость.— Это английская работа.— На свободе.— Вознаграждение.— Истинный друг.— Отправимся в Клондайк! — Отъезд в Америку.

Убийство в Батиньоле осталось навсегда тайной. Совершенное с неслыханной ловкостью и смелостью, оно сильно взволновало общественное мнение; но парижской полиции, несмотря на все ее искусство, не удалось отыскать ни одного следа преступников. Только, может быть, Тоби 2-й да его товарищи, агенты Мельвиля, догадывались о правде.

Жертвою был семидесятилетний старик, очень скупой и богатый, собиравший драгоценные вещи и деньги. С ним жила единственная служанка, шестидесяти лет, плохо слышавшая и любившая пропустить стаканчик.

В день убийства старик получил в банке «Лондонский кредит» пятьдесят тысяч франков и возвратился веселый, любясь шелестящими синими бумажками, потом заперся в маленьком кабинете, где находился денежный сундук и куда никто, кроме него, не входил, даже прислуга. Предосторожность скупца доходила до чрезвычайных размеров, он сделал все, чтобы превратить эту комнату в неприступную крепость: ставни, плотно закрывавшие окна, были покрыты стальными листами и снабжены целой системой запоров и пружин. Кроме того, входная дверь запиралась цепями и стальными перекладинами. Наконец, отверстие каждого камина закрывалось на высоте человеческого роста прочной

решеткой. К несчастью, хозяин забыл обить железом пол и стены, тогда бы он жил в настоящем металлическом кубе.

Но как бы то ни было, восьмого апреля освободилось помещение над квартирой старика, находившейся на четвертом этаже старого дома по улице Бурсольд. Какие-то люди перевезли сюда скудную мебель, они уходили и приходили в свое скромное жилище в определенное время, как мастеровые или служащие, и с дьявольской ловкостью ухитрились проделать отверстие в полу, как раз над комнатой-сейфом богача. Работали без всякого шума и выполнили эту каторжную работу за восемь ночей.

Должно быть, когда злоумышленники спустились к нему, старик услышал легкий шум, потому что встал и взял спичку, найденную потом в безжизненной руке, — воры ворвались в комнату, схватили его, задушили и бросили на ковер, сами же кинулись к денежному сундуку. Предпочитая грубой работе с ломом ювелирную точность, они пробили металлическую стенку при помощи стального наконечника, приложенного к маленькому коловороту с зацепками — чудо механики! Сделав одно отверстие, принялись за второе, потом заменили коловорот маленьким ручным буравом, снабженным пилой. Мало-помалу, менее чем в два часа, в стенке на уровне замка получилось широкое круглое отверстие. Однако вырвать запорный механизм не удалось; тогда один из взломщиков просто просунул внутрь узкую руку и вытащил связку в пятьдесят тысяч франков, находившуюся сверху. Почему воры удовлетворились такой добычей? Не слышали ли они какого-нибудь подозрительного шума вблизи? — неизвестно, только проделывать отверстия с другой стороны денежного сундука не стали.

Поднявшись в свою квартиру, грабители переменили одежду и покинули помещение в три часа утра.

Служанка ничего не слышала. В шесть часов постучалась к хозяину, дверь комнаты которого была, по обыкновению, наглухо закрыта. В восемь часов она опять подошла к двери, испугалась, спустилась к привратнику и попросила привести полицейского.

Убийство было обнаружено, равно как и кража. Но подозрений ни на кого не пало. Один Тоби провидел истину. Он добыл от французских агентов некоторые разъяснения, видел улики и сказал Редону:

— Это английская работа! Ваши французские бандиты не имеют таких совершенных приборов!

— Очень возможно, Тоби, — с важностью отвечал жур-

налист, — впрочем, у меня нет национального самолюбия!

Английский агент при помощи своего товарища начал розыски, но они ни к чему не привели. Пришлось сделать заключение, что убийцы покинули Францию, увозя с собою и пятьдесят тысяч франков — предмет их преступных вожделений. Кроме того, агент заявил журналисту и его друзьям:

— Вы сбиты с толку деятелями «Красной звезды». Думаю, два злодея уехали, как и предупреждали, в Клондайк — ловить в мутной воде миллионы. В их преступных руках оказался основной капитал, необходимый для начала предприятия, — пятьдесят тысяч франков.

— Но тогда молодчиков легко арестовать в Гавре или Ливерпуле на пути в Америку?

— Они слишком хитры, чтобы сесть на французский или английский пакетбот. Я думаю, преступники уже достигли границы, бельгийской или германской, и продолжают путь в Антверпен или Бремен. Ах, если б я мог быть разом в двух, трех местах!

— Ну, поезжайте сами в Бремен, а своего товарища отправьте в Антверпен.

— Не смел просить вас об этом! — сказал агент, и глаза его заблестели. — Ведь я имею приказ наблюдать за вами, охранять вас!

— Благодарю, мой Тоби, я теперь сам себя могу охранить и защитить. Не бойтесь ничего и посылайте каждый день известия!

Когда оба агента уехали, Редон вернулся в Версаль и подоспел как раз к освобождению Леона Фортена. Несчастный пленник очутился на свободе, ничего не понимая, как и в день своего ареста.

Его выпустили из заключения точно так же, как и арестовали, без всяких разъяснений. Он сначала не узнал своего верного друга Редона, без бороды, бледного, с лихорадочным блеском в глазах.

По дороге в Мезон-Лафит Редон рассказал вкратце все, что произошло, скромно приписав себе только незначительную долю хлопот для освобождения товарища.

Когда они достигли дома, Леон открыл дверь, влетел в комнату вихрем и, увидев мать, протянул к ней руки, крича сквозь слезы:

— Мама!.. Бедная моя мама!

Старушка обняла его, проронив разбитым голосом:

— Мальчик мой, дорогой... Наконец-то... Мы не жили...

разлученные с тобою... О, эти судьи!.. Тебя, саму доброту, честность... подозревать!..

Он вырвался из объятий матери и кинулся на грудь к отцу, который не произносил ни слова, а только плакал, как ребенок; он был бледный, почти бездыханный.

Только после этого Леон и его друг заметили двух молодых людей, поднявшихся навстречу. Это была прекрасная девушка в глубоком трауре, растроганная и не пытавшаяся сдерживать слез, и ее брат.

В то время как Поль Редон пожимал руки старикам, знавшим, какое участие он принимал в освобождении сына и не находившим достаточно слов, чтобы отблагодарить его, Леон с восхищением вскричал:

— Мадемуазель Грандьё! Вы здесь? О, да благословит вас Бог за это!

— Милостивый государь, — сказала та с достоинством, — роковая судьба соединила ваши страдания с нашими, и мы с братом желали первыми, после ваших родителей, засвидетельствовать свое уважение!

Растроганный, забывший все пытки заключения, он горячо пожал протянутые руки молодой девушки и ее брата.

— А что у вас нового, мадам Фортен? — спросил Редон.

— Плохие новости, на нас все указывают пальцем, нельзя выйти на улицу, бедный Леон потерял свою должность в Сорбонне, вот письмо, извещающее об этом!

— Ах, — с горечью сказал Леон, — судебная ошибка не проходит даром! Теперь я без должности, имею массу врагов. Что делать, Боже мой, что делать?

— Покинуть отечество, — посоветовал Редон, — устроиться за границей и отплатить презрением за презрение!

— Но я беден, а мои родители тоже не имеют средств!

— Это устроить очень легко! — возразил журналист. — Папаша Фортен, сколько вам нужно в год, чтобы прожить прилично?

— Я не знаю, право, — робко заявил тот.

— Ну, вот, у меня есть на берегу моря, в дорогой Бретани — я бретонец — прелестный домик с садом. Вы поселись в нем и будете сажать овощи... Жизнь там дешевая. Довольно ста франков в месяц!

— Но, дорогой Поль... — прервал его Леон.

— Что ты хочешь от дорогого Поля? Я твой компаньон, не так ли? Мы создадим, если хочешь, общество. Я внесу капитал, ты — свой ум и свои технические позна-

ния, а материальная жизнь твоих родителей будет обеспечена частью капитала.

— Я перестаяю понимать!

— Изволь, объясню: тебе нужно пятьдесят тысяч франков, чтобы начать дело в Клондайке. Я даю эту сумму, поскольку уверен, что заработаю на ней пятьдесят миллионов! На Север же мы отправимся вместе.

— Итак, решено, едем наживать капиталы?

— Чем раньше, тем лучше, и думаю, с помощью твоего открытия миллионы быстро потекут в наши руки. Вероятно, там мы встретим и злодеев «Красной звезды», которые совершили столько преступлений, принесли столько горя. Я бы не прочь отплатить им той же монетой.

Брат Марты поднялся при этих словах и, дрожа от гнева, произнес:

— Господа, они убили моего отца, возьмите и меня!

— Хорошо, молодой мой друг! — с горячностью отвечал журналист. — Сколько вам лет?

— Шестнадцать, но, клянусь, я по храбрости не уступлю взрослому!

— В 1870 году многие юноши ваших лет были неустрашимыми солдатами. Вы едете с нами!

— Благодарю, не пожалеете. Что касается сестры, то...

— Она не покинет тебя, друг мой! — прервала молодая девушка, вставая в свою очередь.

— Как, мадемуазель?! — вскричал Леон. — Вы решаетесь подвергнуть себя пыткам ледяного ада, лишениям, холоду... ужасному, мертвящему холоду?!

— Наш покойный отец завещал отомстить убийцам, и я буду везде преследовать их, перенесу любые страдания, даже смерть, без колебания, без сожаления, без жалоб!

Все это сказано было спокойно, с холодной решимостью человека, не желающего передумывать.

Чувствовалось, что под нежной кожей девушки кипит горячая кровь, а в ее сердце — отвага героя. Оба друга почтительно склонились, не будучи в силах устоять перед такой энергией.

Тогда девушка продолжала:

— Будьте уверены, я не помешаю. Бедный отец как будто предчувствовал и воспитал меня по-американски. Я приучена к трудностям, занималась всевозможными видами спорта. Наконец, у нас есть небольшие деньги — около десяти тысяч франков. Это наш с братом пай в предприятие. Таким образом, мы сделаемся компаньонами, не так ли?

— Мадемуазель, — почтительно отвечал журналист, — для нас ваши желания — закон! Теперь последнее слово! Надо приготовиться к отплытию в Америку в течение недели!

— Но мы готовы! — в один голос отвечали брат и сестра.

— Чудесно! А ты, Леон?

— Мне надо три дня, чтобы устроить свое снаряжение!

— Решено! Я со своей стороны жду важного известия, которое рассчитываю получить не раньше, чем через два дня. От этого зависит время нашего отъезда!

Марта с братом вернулись на виллу Кармен, которую они вскоре должны были покинуть навсегда. Леон Фортен заперся в своей маленькой лаборатории и с увлечением отдался работе. Старики Фортены, удрученные мыслью о близкой разлуке с сыном, но, сознавая ее неизбежность, готовились к отъезду в Бретань.

Таким образом прошло двое суток. Редон начал уже волноваться, как вдруг получил телеграмму. Он запер сундуки и в омнибусе Западной компании отправил их на станцию Сен-Лазар. Сам же, дав необходимые инструкции консьержке, пешком отправился на вокзал Западной дороги.

К ночи Редон прибыл в Мезон-Лафит. Здесь собрались, предупрежденные депешей, Марта Грандье, ее брат и Леон Фортен с родителями. Каждый чувствовал, что решительная минута наступила. После обычных приветствий Редон вынул из кармана телеграмму и прочел:

«Бремен, четверг, 5 мая 1898 года, 2 часа. Компаньоны «Красной звезды» сегодня утром сели на пакетбот «Император Вильгельм», отправляющийся в Нью-Йорк, потом в Канаду и Клондайк. Уезжают в полдень. Я следую за ними. Адресовать письма — Силька-Ванкувер, потом Доусон-Сити. Тоби 2-й».

— Поняли? — спросил Редон. — Нет, конечно! Сейчас объясню! — и он подробно передал им свои приключения, начиная с того момента, когда сделал отпечатки следов ног убийцы в саду на улице Сен-Николя.

Когда все было выяснено, сообщены все сведения относительно «Красной звезды», он прибавил:

— Сегодня пятница, вечер, шестое мая. Завтра утренним поездом мы отправляемся в Гавр, в шесть часов. В прилив снимаемся с якоря и вперед! В Америку, куда зовут нас мщение и богатство!

Часть вторая

ГНЕЗДО САМОРОДКОВ

ГЛАВА 1

Страна золота.— Золотая лихорадка.— Рудокопы передового отряда.— Огильви.— Бескорыстие.— Нищета и миллионы.— На приступ.— Вторжение.— Много званных.

Два года тому назад географы не знали даже названия Клондайка, этого скромного ручья, притока могучего Юкона, катящего свои воды по вечно мерзлой почве Канады и Аляски, а сегодня все повторяют это имя, происходящее от индейского слова «трон-дюнк», это значит «много рыбы». Клондайк теперь полон золота!..

Это — Эльдorado страны снегов, таинственное место, где должна находиться громадная золотая сокровищница... золотой мешок, открытие которого привело бы к падению стоимости драгоценного металла во всем мире. Но Клондайк вместе с тем представляет также ледяной ад, где дрожат от золотой лихорадки, где носятся в воздухе алчные желания, где мечется отчаяние, где гибнут во множестве люди, пораженные безумием.

Да, ледяной ад, где свирепствуют страшные холода в сорок пять, пятьдесят и пятьдесят пять градусов, где скалы трескаются с громовым шумом, где мясо рубят топором, сало и масло пилят пилой, где ртуть доходит до плотности свинца, где жизнь кажется невозможной и где во время бесконечных месяцев полярной ночи работают, как бешеные, люди, стекшиеся сюда почти со всего света.

Уже два года близ места, где скрещивается шестьдесят четвертая северная параллель со сто сорок вторым западным меридианом, люди всех племен, говорящие на всевозможных языках, охваченные одинаковой алчностью, бьют кирками мерзлую почву, содержащую золотые зерна.

17 июля 1897 года судно «Портланд», возвращаясь из Клондайка, доставило в Сан-Франциско шестьдесят рудокопов. Истощенные, оборванные, измотанные дорогой,

эти люди казались пораженными всеми болезнями, какие только может вынести человеческий организм. Сгибаясь под тяжестью сундуков, мешков и всяких причудливо завязанных тюков, которых никому не передоверяли, они остановились у банка и здесь, перед воротами, раскрыли свою поклажу. В ней было около двух тысяч килограммов самородков... Миллион сто двадцать тысяч долларов!.. шесть миллионов франков!

Старатели обменяли золото на деньги и богатые или, по крайней мере, хорошо обеспеченные устремились опять на участки, концессионерами которых были. На расспросы они отвечали: «Мы из Клондайка», — и рассказывали о своих мучениях в ледяном аду, о зиме, проведенной в палатке при пятидесятипятиградусном морозе, об ужасном труде, о смерти товарищей...

— Да!.. Да!.. Все так... Но золото?

— Золото?.. Оно там везде!

И это была правда.

Приезжие привели город в лихорадочное состояние, скоро новость, поведенная ими, достигла берегов Атлантического океана, старой Европы... целого света. В несколько дней Клондайк и его притоки сделались знаменитыми. Рудокопы окрестили их: Хонкер, Бир, Эльдorado, Бонанза — это наиболее известные, изобилующие золотом места.

Очень быстро были организованы экспедиции, намечены стоянки, чуть ли не разбиты будущие города, где устраивались склады одежды, орудий, провизии. Потом суда, нагруженные людьми, скотом, собаками, инструментами, припасами, стали отплывать то из Ванкувера, то из Сан-Франциско. Негоцианты, ковбои, пасторы, хористы, земледельцы, авантюристы, промышленники, моряки, ремесленники — все превращались в старателей и присоединялись к пионерам.

Между ними находился и В. Кормак, опытный золотоискатель. Он грезил о золоте, спрятанном под Полярным кругом, двадцать лет. Двадцать лет, как в лихорадке, искал его, не теряя мужества, стойко перенося неудачи. Впрочем, в мерзлой земле ему попадались золотые зерна.

В нескольких стах милях от Кормака, на юге, трудилась другая группа рудокопов; их было около тысячи, и лагерь назывался Форти-Миль. Завороженные индейскими легендами, они в действительности находили очень мало золота и жили весьма скудно.

В августе Кормак, работая вместе с деверем своим, индейцем, намыл золота на три сотни франков. Удивленный, он набрал еще земли и опять намыл на четыреста франков.

В течение двух дней ему удалось заработать семь тысяч франков, а россыпь, казалось, нисколько не истощалась. В неделю он стал обладателем двадцати тысяч франков, но тут вышла вся провизия. Тогда он отправился в лагерь Форти-Миль, купил сала, муки, картофеля, сообщил некоторым товарищам о своем богатстве и уехал обратно.

Те, не колеблясь, последовали за ним и прибыли на берег ручья, названного Кормаком «Эльдорадо». По обычаю рудокопов, они разделили землю на участки в семьдесят шесть метров каждый и лихорадочно принялись за работу.

Первые результаты были головокружительны. Никогда еще старатели, даже в сказочные времена Калифорнии и Австралии, не видели подобного богатства. Двое из близких друзей Кормака, старый Джон Казей и молодой Кларенс Берри, вступили в товарищество. У последнего была грациозная и миниатюрная жена, распутившийся цветок, роза Севера среди снегов. При усердной помощи мадам Берри компаньоны добыли за двенадцать дней из выемки около трех метров глубиной золота на сорок тысяч франков.

Четверо других товарищей, Джой Мак-Найт, Дуглас, Фир и Гартман, оказались еще более счастливыми: в течение трех недель они намыли золота на сто двадцать тысяч франков.

Наконец, охотники меховой компании из Сан-Луи, работая одни, извлекли из земли драгоценного металла на тридцать шесть тысяч франков за восемнадцать часов.

Все эти люди, до тех пор зарабатывавшие по пяти, десяти су в день, казалось, обезумели. Они не пили, не ели, не спали, до крайности возбужденные лихорадочной работой.

Как и у Кормака, у них вышла вся провизия, так что нужно было отправляться в Форти-Миль. При виде мешков, наполненных золотыми зернами, тысяча с лишком рудокопов, как один человек, отправились в Эльдорадо, захватив все, что могли.

Двое молодых людей, Рид и Лерминье, добились успе-

ха, почти беспримерного в летописях рудокопов. Они в две недели извлекли из выемки в восемь метров триста тысяч франков!

Тогда канадец Жозеф Леду, владевший лесопилкой на реке Сикст-Миль, перенес свою фабрику на новое место, туда, где Клондайк сливается с Юконом. Через два года здесь лежал уже целый город с тридцатью тысячами жителей, Доусон-Сити.

Однако неизбежным следствием наплыва народа в Клондайк явились раздоры между поселенцами, соперничество, убийства. К счастью, межевщик канадского правительства, Вильям Огильви, во время одной из вспышек раздора находился неподалеку во главе группы топографов, посланных определить границу между Америкой и Канадой. Он согласился измерить все участки, установить все границы владений и быть беспристрастным судьей среди людей, привыкших выяснять отношения с помощью револьверов. Он один сохранял среди всеобщей лихорадки хладнокровие и упорно отказывался от богатых даров, заявляя, что «государство платит ему жалованье за добросовестную работу, а не за устройство собственного материального благополучия».

Такой поступок снискал Огильви высокое уважение, его решения стали почитаться законом. Он один мог установить порядок между этими сумасшедшими.

Тем временем золотоискатели, рассеявшиеся было по обширным пустыням Аляски и влачившие там жалкое существование, все больше наводняли Клондайк.

Сколько ужасных драм породила эта погоня за золотом! Руководствуясь компасом, в ужасную полярную ночь люди шли через снега, таща сани, питаясь замороженным мясом собак, когда выходило сало, подвергаясь страшным холодам, ночуя прямо на снегу... Сколько их погибло ужасной смертью! Но зато как награждены были те, которые победоносно вышли из грозного испытания!

Зима проходила среди лишений и сверхчеловеческого труда. Большинство жило в снеговых хижинах или в палатках из шерстяной ткани. Впрочем, неумолимая золотая лихорадка воспаляла их кровь, сжигала тело, держала в пламени весь организм до мозга костей и делала невосприимчивыми к холоду. Весной уехала партия из шестидесяти пяти рудокопов, богатых настолько, чтобы позволить себе некоторый отдых. Это были пассажиры «Порт-

ланда», прибытие которых в Сан-Франциско произвело на горожан известное уже читателю волнение.

Вслед за ними месяц спустя «Эксельсиор» привез и вторую партию рудокопов в шестьдесят человек. Среди них был калифорниец Берри и его неустрашимая подруга. Берри собрал за зиму на восемьсот тысяч франков золотой пыли и зерен и приобрел участок, стоящий более пяти миллионов.

Его товарищ Балти привез шестьсот пятьдесят тысяч франков; Жозеф Леду, основатель Доусон-Сити, — пятьсот тысяч.

Канадцы с именами, похожими на французские — Дефонтен, Мишо, Бертонне, Денонвилье, Бержерон, Жильберт, прибыли, владея полумиллионом каждый! И это — за десять месяцев работы!

Тогда-то и началась горячка. Со всех сторон стекались жаждущие золота, бравшие буквально приступом пароходы. Они отправлялись на поиски без провизии, не обращая внимания на ужасный климат, не считаясь с тем, что с октября реки промерзают до дна и почти прекращается снабжение провиантом.

Несчастные безумцы бросались на штурм страны льдов, терпя голод, холод, переступая через замерзшие трупы, устилавшие снеговую пустыню. Отовсюду прибывали бесчисленные партии. Пароходы останавливались в Скагуэй или в Дика.

От последнего пункта до Беннета, где начинается санный тракт, считается пятьдесят километров. На половине пути возвышается скала высотой в 1068 метров, покрытая снегом, на вершину которой ведет узкая дорожка. Ни собаки, ни лошади, ни мулы не могут по ней карабкаться — ни одно животное, кроме человека.

Навьюченные поклажей в четыре пуда весом, согнув спины, с разбитыми поясницами и подбородками, чуть не касающимися колен, будущие миллионеры усердно взбирались по тропинке, цепляясь за уступы пальцами рук и ног, пыхтя, ворча, кляня судьбу и все-таки медленно продвигаясь вперед. Как муравьи, двигались они черной лентой, отчетливо видневшейся на белом снежном покрове. Изнуренные до крайности, в пару, будто только что выйдя из бани, достигали искатели золота вершины и резким движением сбрасывали с плеч ношу, скатывавшуюся далеко вниз. За первым тюком следовал другой, потом третий... по числу забравшихся людей. Внизу все это

смешивалось, иные вещи наполовину зарывались в снег.

Так скатывалось до тысячи килограммов съестных припасов и пожитков, необходимых рудокопу в течение года.

Иные разделяли свой тюк на десять маленьких, которые постепенно доставляли на вершину и спускали вниз, десять раз повторяя страшно опасный путь. Затем поклажа разбиралась и нагружалась на сани, которые тянули собаки и люди вместе.

Это место называют перевалом Чилькот.

Ужасна эта дорога при ледящем ветре, поднимающем снежную бурю! Страшен привал несчастных, старающихся укутаться потеплее, чтобы заснуть и проснуться потом наполовину замерзшими!

От озера Беннет до Доусон-Сити считается пятьсот километров. Это расстояние пароходом проходят в пять дней в конце весны, когда воды свободны ото льда. В разгаре же зимы санный путь занимает по крайней мере двадцать пять дней. И как он мучительно тяжел!

Само вашингтонское правительство и пароходное начальство, стремясь предупредить катастрофы, часто телеграфирует своим агентам в Сан-Франциско и Ванкувер:

«Задержите отъезд... Остановите рудокопов... Скажите, чтобы дожидались весны».

Но пятнадцать тысяч любителей легкой наживы неудержимы:

— Мы хотим ехать!.. Вот деньги... Плата за проезд... Нас не имеют права задерживать... Место!.. Место!.. И вперед!

И пароходы отходили, а народ прибывал все более иступленный, и замерзшие трупы все чаще устилали горестную дорогу к золоту. Ничто не могло остановить этого безумия, этой алчности, этой дьявольской погони за миллионами. Мученики ледового ада падали, умирали, но, несмотря ни на что, число их все увеличивалось. Впрочем, впоследствии, когда первое волнение, произведенное вестью о клондайкском золоте, прошло, приняты были некоторые меры для поддержания порядка и предохранения ловцов удачи от гибели: образовались общества для упорядочения прибытия и отправления золотоискателей; в газетах, журналах стали появляться различные путеводители с полезными советами, с перечислением необходимого в этих краях снаряжения и его стоимости, со сведениями о местных требованиях гигиены. Предпри-

нимались также меры к облегчению трудностей ужасного перевала через Чилькот. Делались даже попытки устроить подвесную канатную дорогу в ожидании постройки настоящей железнодорожной линии, проведенной два года спустя через Уайт-Пасс — перевал, соседний с Чилькотом.

Однако, не ожидая более удобных путей сообщения, и бедные и богатые, и сильные и слабые, — словом, все, решавшиеся на это путешествие зимой, выносили бесчисленные муки и часто умирали страшной смертью среди ледяного безмолвия. Те же, кто были достаточно разумны, чтобы дожидаться весны, совершали это путешествие водой быстро и даже приятно.

ГЛАВА 2

Впечатления лицеиста. — Новые друзья. — Канадец и его дочь. — Что следует запастись, отправляясь в Клондайк. — Летнее путешествие. — От Ванкувера до Скагуэя. — Перевал Мертвого коня. — От Скагуэя до озера Беннет. — На пути в Доусон-Сити.

— Ну, что вы скажете об истекших двух неделях? — спросил Редон молодого лицеиста.

— Это какой-то сон, какая-то феерия! — отвечал тот. — Я положительно восхищен! Этот неожиданный отъезд из Гавра, прекрасный переезд через Атлантический океан, неделя в Нью-Йорке, затем Монреаль, путешествие по Канадской тихоокеанской железной дороге и, наконец, Ванкувер!! Мне просто не верится, что все это не сон!

— Да, да, Жан прав, — хором воскликнула вся маленькая компания, — путешествие прелестно!

Невольными свидетелями этих восторженных возгласов стали двое симпатичных посторонних: громадного роста человек, плечистый, с ясным, светлым взглядом и крупными грубоватыми чертами лица, носившими отпечаток недюжинной энергии, чистосердечия и удивительного добродушия (на вид ему казалось не более тридцати пяти лет, хотя в действительности было полных сорок пять, если только не все пятьдесят), и молодая девушка, красивая, рослая, румяная, с густой каштановой косой, большими синими глазами, с кротким и вместе с тем смелым и решительным выражением лица, несколько похожая на своего спутника. Очевидно, это были отец и дочь.

— Ну, а вам, господин Дюшато, эти шесть суток в железнодорожном вагоне не показались скучными и утомительными?

— О нет! Канадцы неутомимы, а радость знакомства с настоящими французами ни с чем не сравнима. Я уверен, что и дочь моя Жанна того же мнения! Вы не поверите, господа, как мои соотечественники бывают счастливы, когда судьба сталкивает их с людьми, прибывшими прямо оттуда, с нашей далекой прародины!

— Для нас,— сказал журналист,— эта встреча тоже счастье. Вы, Дюшато, так внимательны и заботливы: закупили на всех полную экипировку, съестные припасы, причем по ценам втрое более низким, чем ожидалось.

— Э, господа, стоит ли об этом! Ведь земляки же! Мы с дочерью отправляемся в Клондайк, вы едете туда же; мне издавна знакома эта страна, а вам внове. Как же не помочь?!

Разговор этот происходил в общей столовой, откуда все перешли в комнаты, загроможденные самым разным снаряжением.

Громадный ньюфаундленд с умными глазами внимательно следил за людьми, ласково виляя хвостом.

— Вот, господа,— говорил Дюшато,— необходимая обувь для четверых мужчин и двух дам... Шесть пар резиновых сапог, шесть пар кожаных, шесть пар сапог, подбитых гвоздями, шесть пар лыж и шесть пар мокасин из оленьей шкуры!

— И только?..

— Все это необходимо в стране льдов и снегов! А вот и чулки: сперва носки шерстяные, потом чулки пуховые, чтобы надевать поверх носков, и, наконец, меховые чулки, что надеваются поверх всего!

— Но у нас будут ноги, как у слонов! — воскликнул журналист.

— Да, конечно, особенно с шерстяными кальсонами, теплыми панталонами, меховыми штанами и парусиновыми шароварами!

— Ну, нечего сказать, завидная перспектива! Да в таком наряде и двигаться-то нельзя!

— Морозы здесь суровые, и надо защищать себя от холода! — наставительно проговорил канадец.

— Ой, да я не хочу здесь зимовать! Я ужаснейший мерзляк!

— Что делать! Здесь никогда нельзя поручиться,

где будешь зимовать. Иной год лето длится четыре месяца, а иной — два; холода могут застигнуть невзначай, и тогда волей-неволей нельзя будет двинуться с места!

— Боже правый! При морозе в пятьдесят градусов я и жив не останусь! — воскликнул журналист.

Слушая все эти вопли, Дюшато не мог удержаться от улыбки и продолжал:

— Мы купили фланелевые рубашки, шерстяные куртки, шерстяные верхние одежды и, сверх этого, капюшоны мехом внутрь! А это вот меховые колпаки для головы. Видите, как тепло и удобно! Для рук же, которые очень чувствительны к холоду, заготовлено по две пары перчаток и по паре меховых митенок.

— И это все?

— Ах, нет! Еще полный комплект непромокаемых одежд... Знаете, клеенок матросских! Не забыты и каучуковые плащи.

— Но тогда потребуется канат, чтобы мы могли сдвинуть с места наши драгоценные тела, отягощенные тремя, четырьмя, пятью обертками!

— Не бойтесь, вы пойдете легко, как если бы ничего не имели на себе, полетите в холодном воздухе с легкостью птиц!

Девушки, Леон и Жан весело рассмеялись.

— С одеждами покончено, — продолжал канадец, сохраняя свою серьезность, — теперь надо немного белья, платков и салфеток; затем меховые мешки-постели, одеяла из мехов... Наконец, я купил еще две печки и две палатки! Видите, как хорошо! Это покрывала из просмоленного полотна для наших тюков, весом от семидесяти до восьмидесяти фунтов каждый, в них масса вещей: кухонные принадлежности, железные тарелки и блюда, вилки, ложки, ножи, стаканы, различные инструменты, ящики для промывания золота, веревки, пакля, пилы, гвозди, топоры, ножницы, точильный камень, рыболовные снаряды, прекрасные багры, красивая коллекция удочек и бечевочек, нитки, иголки, булавки, шерсть, дымчатые очки от солнца и снега, табак, фитили, спички, охотничьи ножи, ружья и патроны, сетки от москитов и масло против них.

— В снегу-то москиты?

— Теперь лето, сударь! Воздушная тварь, голодавшая в стужу, не пощадит нашей кожи. Теперь перечислим съестные припасы; они остались в магазине, где под моим наблюдением были упакованы приказчиками. Тут есть:

пшеничная мука, овсяная крупа, морские сухари, сахар, сушеные яблоки и лук, сушеный картофель, овощи для супа, шпик, масло, соль, перец, горчица, сушеная шептала, сушеный виноград, рис, чай, искусственная закваска, ящик с различными консервами, плитки лимонного сока — за исключением небольшого количества лакомств для дам, это все!

— Прекрасно! Какая жалость, что там так холодно зимою, а то путешествие обратилось бы в прекрасную увеселительную поездку!

— Зато лето начинается, и вы можете наслаждаться москитами и жарою. Здесь она недолгая, но поистине адская. А теперь, дорогие соотечественники, если вы действительно торопитесь с отъездом и не желаете даром тратить время — за работу! — и, первым подавая пример, канадец схватил мешок, запрягал в него несколько вещей, измерил глазом тяжесть и объем тюка, завернул, скруглил его, пристукнул и сказал:

— Видите, это совсем нетрудно! Несколько оборотов просмоленной бечевки, крепкие узлы, и готово.

Примеру его последовали молодые люди и девушки. Работали безостановочно, и мало-помалу груда мешков становилась все больше. Потребовалось не менее десяти часов усиленной работы, чтобы покончить с этим делом, от которого зависел самый успех экспедиции. Когда же, наконец, все было готово, канадец, взяв горшок сурика и громадную кисть, изобразил несколько символических линий на каждом тюке, чтобы их можно было узнать с первого взгляда.

Настала ночь. Французские путешественники планировали маленькую поездку в город Ванкувер, Дюшато им отсоветовал:

— Посетим его на обратном пути, когда будем миллионерами... Минуты дороги! Наш путь совершится на борту «Гумфри», который отправляется завтра днем... Сейчас унесут наши тюки... Вот носильщики... Плуты зарабатывают по шестидесяти франков в день... Мы переходим улицу, и по другой стороне, в пятидесяти шагах — пристань. Вот номера наших кают. Понесем лучше сами наш ручной багаж для большей сохранности.

Они шли среди людей, сгибавшихся под грузом тюков, среди мулов, тащивших дроги, достигли пристани, перед которой свистел, качаясь и выпуская клубы дыма, большой пароход. На следующий день наши путешественни-

ки взошли на борт «Гумфри». Дюшато с собакой Портосом последним перенравился через мостик. Суматоха кончилась. У каждого пассажира попроще было свое место за столом на нижней палубе, у привилегированных — на верхней. Наши друзья устроились попарно: Марта Грандье в одной каюте с Жанной Дюшато, Леон Фортен с Жаном Грандье, Поль Редон с Дюшато, к последним присоединился и добрый Портос.

Через пять с половиной дней пароход достиг Скагуэя, конечного пункта пути. Началась высадка, затем таможенные формальности, так как Скагуэй находится на американской территории.

Благодаря терпению и нескольким долларам, незаметно опущенным в руки неподкупных американских чиновников, Дюшато выиграл время и проводил в город, лежащий в километре от таможни, свою храбрую маленькую компанию. Хорошо изучив путеводитель, он избрал дорогу через Белый проход — более длинную, но зато несравненно более удобную, чем перевал Чилькот. Разборка пакетов, переговоры с содержателями пунктов перевозок, погрузка бесчисленных тюков на лошадей и мулов заняли немного времени, — и скоро наша компания отправилась в путь. Дорога, пролежавшая через Белый проход, называлась «Дорогой мертвой лошади». Вся она была усыпана конскими костями — прошлой осенью на ней пало более трех тысяч животных. Благополучно преодолев ее, наши паломники прибыли к озеру Беннет, где начинается уже речной путь, и здесь погрузились на пароход «Флора», сидевший в воде не глубже двух футов.

ГЛАВА 3

На «Флоре». — Высадка. — Юкон. — В Доусон-Сити. — Действие оттепели. — «Высший свет» страны золота. — Гостиница «Бель-Вю». — Ценою золота. — Конная полиция. — Безопасность.

От озера Беннет до Доусон-Сити около 870 километров, примерно столько же, сколько от Парижа до Марселя. По расчетам пароходного начальства, чтобы пройти это расстояние, требуется пять суток. В действительности же все иначе, свободному плаванью очень мешают многочисленные пороги, которые нужно обходить с величайшей осторож-

ностью. Пословица «человек предполагает — случай располагает» особенно справедлива при таком путешествии. Навигация только началась, пароходы совершали первые рейсы, и было неизвестно, как пройдут они два труднейших порога, расположенных в каналах Идеальная Миля и Белая Лошадь (река принимает в себя несколько озер, которые сообщаются одно с другим естественными каналами).

За озером Беннет следует озеро Тагиш. Их соединяет канал Рука Ветра. Озеро Тагиш соединяется с озером Марш Бродом Антилоп, и, наконец, довольно длинный канал соединяет озеро Марш с последним озером — Лабарж. Этот канал и принимает в первой части своего пути название Идеальная Миля, а в последней, где течение достигает страшной быстроты — сорока пяти километров в час, — Белая Лошадь. Во время ледохода эта скорость увеличивается, а с нею вместе возрастают и опасности.

Стояла адская жара. Не будь в отдалении совершенно белых снежных гор и ледяных скал, можно было бы подумать, что это Прованс. Редон, вечно зябнувший и воспевавший дифирамбы солнцу, схватил на оба уха по так называемому солнечному удару. Они покраснели, вздулись, и из опухоли потекла сукровица, даже немного крови. Он первый же, впрочем, начал смеяться над своими ожогами.

Между тем пароход прибыл к устью озера Лабарж. В европейской стране самая элементарная осторожность требовала бы останавливаться ночью, но здесь в это время года ночи, собственно говоря, нет. Солнце закатывается в одиннадцать часов вечера и всходит в час утра. Таким образом, заря смешивается с сумерками, и день царит в течение всех двадцати четырех часов. Поэтому пароход шел без передышки. Но вот встретились страшные пороги Пять Пальцев и Ринк, находящиеся в четырех верстах друг от друга.

«Флора», счастливо переправившись через первые, застряла на последних и дала течь. Нужно было направиться к берегу реки, укрепиться якорями, разгрузить кладь, облегчить судно, осмотреть трещину и заложить ее с помощью кусков дерева, пакли, меха, кожи и т. п.

Когда пробоина была заделана, пароход двинулся дальше в сопровождении целой флотилии лодок с пассажирами и их пожитками... Вот и форт Селькирк, один из старых укрепленных магазинов, какие компания торговцев мехами Гудзонова залива строила повсюду. Вокруг магазина раскинулось шестьдесят индейских хижин и около двадцати

палаток рудокопов. Они образуют маленькую деревню, в которой энтузиасты видят даже будущую столицу канадской Северо-Западной территории.

Отсюда, уже по Юкону, одной из величественных рек Дальнего Севера, пароход доходит до Доусон-Сити — новой столицы страны золота. Вид первого города золотого царства, однако, был мало привлекателен для людей, с самого Монреаля, то есть более двух недель не знавших отдыха и вздыхавших по хорошей постели и ванне.

Капитан «Флоры» указал нашим друзьям меблированную гостиницу «Бель-Вю», самую «выдающуюся» в Доусоне. Сюда и направились наша компания.

По примеру американских городов Доусон состоит из авеню (прогонов) и улиц, пересекающихся друг с другом под прямым углом. Улицы тянутся с востока на запад, а авеню — с юга на север.

Первое авеню, модное, задающее тон, идет севернее Юкона и называется Фрон-стрит. Но вид его далеко не респектабельный.

— Черт возьми! — произнес Редон, коснувшись ногой земли. — Добрая пара непромокаемой обуви была бы нелишней!

— А еще лучше — маленькая плоскодонная лодка или плот! — прибавил Леон.

Молодые девушки только засмеялись и отважно, зная наперед, что жизнь, полная приключений, имеет много неудобств, пошли по тротуару, похожему на болото. По нему прогуливались, задравши нос, с сигарами в зубах местные франты — сливки общества Доусон-Сити.

— Честное слово! — вскричал озадаченный Редон. — Судя по одеждам и физиономиям, эти типы со двора чудес.

В самом деле, представьте себе, читатели, кучу грязных и причудливых лохмотьев; плешивые, паршивые, как спины бродячих собак, меха; желтые клеенки, рваные каучуковые сапоги с бесчисленными дырами, смятые до неузнаваемости шляпы, дырявые фланелевые рубашки; набросьте все это на человеческое тело так, чтобы башмак был соседом сапогу, а мех — клеенчатым панталонам; затем дорисуйте исхудалые головы, с лихорадочно горящими глазами, с растрепанными волосами и бородами, — и вы получите полное представление о лучших людях «золотого общества», которые бродили по грязи в ожидании шести часов.

Весь этот балаганно-пестрый, но самоуверенный наро-

дед обменивался фамильярными поклонами, а больше разговаривал о добытом днем металле и держался с апломбом сказочных богачей. Лохмотья, было видно сразу, ничего здесь не значили, и субъект, задирающий нас, у которого одна нога в сапоге, а другая в башмаке, штаны в заплатках, а на плечах дырявый каучуковый плащ, мог обладать полумиллионным состоянием в Канадском коммерческом или в Британском Северо-Американском банке. Поэтому никого не удивляло, что дамы, одетые вполне прилично, подают руки этим джентльменам, не замечая их «вечерних» нарядов.

Да и самый вид «золотого царства» производил отталкивающее впечатление своей грязью и вонью. Зимой пятидесятиградусный холод придавал всему плотности камня и скрывал грехи в общественном благоустройстве. Летом же тут везде стояли лужи, тепловатые, отвратительные, с тучами moskitov — земля не всасывала уже воды, а на глубине семи вершков оставалась замерзшей, непроницаемой и твердой, как скала. Ко всему этому присоединялась еще и страшная сырость, порождавшая лихорадку и невообразимое зловоние от гниющих отбросов, кучами валявшихся повсюду.

Несмотря, однако, на это, в Доусон-Сити живут весело, и всевозможные казино, игорные дома, рестораны, танцевальные залы процветали, как нигде.

В такой-то город судьба и привела наших друзей. Остановились они, по совету капитана «Флоры», в лучшей гостинице, и Редон в качестве опытного путешественника справился о цене у клерка:

— Сколько в день?

— Десять долларов с персоны! — был ответ.

— Хорошо, нас шестеро!

— Тогда шестьдесят долларов... Плата вперед!

— Мы рассчитываем пробыть два дня, а потому вот сто двадцать долларов!

— Собака остается с вами?

— Да, а как же?

— Ее содержание будет стоить два доллара в день.

— Bravo! Вот кто умеет обделывать дела!

— О,— продолжал клерк,— собака такого джентльмена, как вы, не может искать себе пищу в кучах мусора!

Вообще все в Доусон-Сити оказалось баснословно дорогим. Свежий картофель стоил три франка штука, дороже трюфелей во Франции, апельсин — пять франков, яблоко —

два с половиной франка, пара цыплят — сто семьдесят франков, а в ресторане — сто двадцать франков за штуку, кусок бифштекса с вареным картофелем тридцать франков, бутылка абсента, коньяка или даже просто виски — сто франков, бутылка пива — от двадцати пяти до тридцати франков, за шампанское же и другие вина платились баснословные суммы в триста франков и более.

Соответственно этому назначались и цены за квартиры. На главной улице, например, нечего было и думать нанять помещение дешевле ста пятидесяти франков за квадратный метр в месяц. А между тем это ведь не квартиры, а грязные, вонючие конуры!

Словом, жить в Доусон-Сити могли позволить себе только проезжающие, которые останавливались в городе всего на несколько дней, или те, кто, обогатившись на приисках, желал спустить здесь известную часть своей баснословной добычи.

Публика же менее удачливая, только ждущая улыбки фортуны, селилась на самой окраине, — здесь раскинулся настоящий палаточный пригород: на грязной, вонючей почве разбито семьсот-восемьсот парусиновых жилищ, где незадачливые золотоискатели задыхаются летом от жары, а зимою мерзнут от холода.

Эти палатки служат вместе с тем и провиантскими магазинами. Тут в течение почти семи месяцев все съестные припасы: сыпучие, мясные, жидкие, не исключая даже спирта, замерзают как камень, так что двое приятелей, желая угоститься рюмочкой вина, просто подходят к небольшой дощечке, служащей подносом, где стоят две небольшие ледяные сосульки в виде наперстков, берут их прямо рукой, чокаются и затем препровождают в рот, где замороженная водка тает. Просто, мило и оригинально!

Что касается общественной безопасности, то Редон получил следующий ответ клерка:

— О, вы можете быть вполне спокойны! Здесь никогда не случается ни краж, ни насилий, ни каких-либо происшествий, нарушающих общественную тишину и спокойствие, несмотря на то что население состоит в большинстве из весьма подозрительных личностей. У нас здесь превосходнейшая конная полиция из двухсот пятидесяти человек, строго наблюдающая за всем, что происходит в городе и его окрестностях! Это люди недюжинной силы, необычайно выносливые и всеми уважаемые, каждый гражданин охотно оказывает им содействие, когда необходимо. На их

ответственности всецело лежит и безопасность горожан, и неприкосновенность всех богатств города. А здесь во всякое время хранится золота больше чем на пятьдесят миллионов долларов, но старатели не припомнят ни одной серьезной попытки украсть его! Что же касается съестных припасов, то их вообще принято оставлять в палатке или в избушке не закрытыми, и никто никогда не трогает ни крохи чужого добра!

«Право же, наш век — золотой век для воров и мошенников, — подумал про себя Поль Редон, — все основано на доверии! Какое обширное и благодатное поле деятельности для ловких и искусных мошенников, вроде членов шайки «Красная звезда»!»

ГЛАВА 4

Новички. — Хозяйки и работники. — Законы, указы и концессии. — Сколько золота! — Явились или слишком рано, или слишком поздно. — Эксплуатация золотоносных участков. — Первая промывка золота. — Разочарование. — Находка Портоса. — Гнездо самородков.

Наши будущие миллионеры стали понемногу устраиваться. Проведя два дня в гостинице, они сняли потом квартиру на Шестой авеню, стоимостью в тысячу франков в месяц, куда и сложили провизию и зимнее снаряжение. Сами же поселились в палатке за городом среди тысяч рудокопов.

Настала новая жизнь, полная странностей и неожиданностей и лишенная самого элементарного комфорта. Спать приходилось на земле, подостлав, чтобы предохраниться от сырости почвы, пропитанной водою, как губка, звериные шкуры вместо матрасов.

Молодые девушки разместились в одной из палаток, где хранились провизия и снаряжение. Они стряпали и занимались хозяйством, а мужчины приносили воду и дрова.

Каждый исполнял свои обязанности с готовностью, как бы тяжелы они ни были.

Жанна Дюшато была для Марты Грандье опытной и любящей наставницей. Оказалось, молодая канадка еще раньше сопровождала своего отца и дядей в далекие экспедиции летом и зимой и не терялась нигде и ни в чем. Так, с помощью простого сучка она могла развести огонь при

ветре; все находило у нее применение и приносило пользу: ящик из-под консервов, кусок доски...

Отец девушки, в свою очередь, приобщал своих новых друзей к трудной и очень утомительной профессии дровосека. Ходить за дровами приходилось далеко, так как окрестности Доусон-Сити уже лишены леса. Обыкновенно на эти поиски отправлялись Леон, Поль и Жан под предводительством канадца. От непривычной работы на руках молодых людей вздувались волдыри, поясницу ломало, со лбов катился градом пот. Зато когда нагруженные, как мулы, они возвращались домой, их встречал превосходный стол из поджаренного сала, овсяного супа и тяжелых, как свинец, блинов.

Так прошло несколько дней. Вокруг наших друзей шумела толпа, где каждый жил сам по себе, не заводя никаких знакомств, не интересуясь соседями, даже не глядя на них, как будто мысль о деньгах убила в людях всякую общительность.

Всех занимало только золото и золото.

Теперь, чтобы читатель мог понять все детали нашего рассказа, нужно объяснить организацию золотопромышленности в Клондайке.

Золотоносные участки Северо-Западной территории Канады разделены на четыре округа, получивших названия по именам своих главных рек — Юкон, Клондайк, Индиан-Ривер и Стеварт-Ривер. В долинах здешних рек и речек и встречается золото в виде россыпей и самородков. Каждый рудокоп, прибывший сюда, имеет право получить участок (клем), заплатив семьдесят пять франков; таких клемов он может взять только четыре за всю жизнь. Зато ему предоставлено право перекупать их сколько угодно у других. Получив право на клем, охотник за золотом выбирает свободное место для работы, руководствуясь своей опытностью, раскопками, предварительной промывкой земли. Когда этот этап завершается, является правительственный чиновник-землемер и определяет границы участка. Участки, перпендикулярные реке, имеют обыкновенно с каждой стороны тридцать восемь сажен, если они лежат на плоскогорье; тридцать восемь — в долине и сто пятьдесят на склоне; напротив, если они лежат по реке и занимают берега ее, то — тридцать восемь сажен с каждой стороны. Когда размеры клема уточнены, золотоискатель получает документ, по которому имеет исключительное право производить разработку золота на своем участке, построить дом,

бесплатно пользоваться водою, протекающей через указанный участок, чтобы промывать землю. На саму же почву концессия не дает никаких прав, и договор аннулируется, как только участок перестает постоянно и добросовестно разрабатываться.

Из всего этого видно, что быть свободным золотоискателем недешевое удовольствие. Поэтому сюда едут люди с капиталами. Но часто, после тщетных попыток найти богатое месторождение, все припасенные раньше деньги исчезают, и тогда неудачник становится носильщиком, поваром, землекопом, словом, работает на других, превращаясь в пролетария, впрочем, совершенно безобидного, так как здесь закон строг, да и существует суд Линча, выносящий иногда ужасные приговоры, воспоминание о которых врежется в мозги навсегда.

Однако довольно предисловий. Возвратимся к прерванному рассказу.

Дюшато и Жанна, Марта Грандье, Леон Фортен, Поль Редон и Жан Грандье — все шестеро сделались свободными золотоискателями, так как канадский закон дает мужчинам и женщинам одинаковые права на владение участками; затруднение вызвал только возраст Грандье-младшего, которому исполнилось всего шестнадцать лет, тогда как по закону искатель золота должен иметь не менее восемнадцати. Но когда наша шестерка представилась правительственному агенту, чтобы сделать свои заявления, последний при виде высокого роста, широких плеч и пробивающихся усов юного Грандье великодушно дал ему все восемнадцать, на что польщенный Жан, конечно, не возражал. Друзья получили право взять двадцать четыре участка для эксплуатации, выбрав для предосторожности по одному клему в каждом округе.

Когда все формальности были закончены, они покинули Доусон-Сити и направились в золотое поле вынимать первые номера грандиозной лотереи, помрачавшей умы двадцати тысяч больных золотой лихорадкой, прибывших сюда со всех континентов.

Дорога к этому Эльдorado была ужасная. Грязь стояла по колено, а тут еще нападение целых стай москитов, укусы которых может довести непривычного человека до иступления. А каково было при таких условиях тащить поклажу! К счастью, средства наших друзей позволили им нанять повозки для багажа, хотя и по чудовищной

цене. Бедняки же, взвалив весь груз на себя, еле тащились, согнув спины, опустив головы...

Но золото, притягивающее к себе, подобно магниту, человечьи души, заставляло забывать про все, люди свыкались и с дороговизной, и с москитами, и с усталостью.

Против ожидания лето на Севере — мертвый сезон. Работают здесь в это время только от шести до восьми недель и единственно те, кто с ноября по конец апреля рыл шурфы, извлекая из них золотоносный песок для дальнейшей промывки. Операция эта требует самых простых приемов и приспособлений. Они называются по-английски sluice и roker.

Sluice-box (шлюзный ящик) представляет собою деревянную трубу, точнее, желоб, открытый с обоих концов, имеющий форму корыта. Дно его устлано шерстяным ковром с продольными перекладинами. Несколько таких ящичков, наполненных землей, ставят один на другой и наклоняют на тридцать градусов посредством подставок. Потом направляют на них сильную струю воды, искусственно отведенную из соседнего ручья. Вода увлекает глину и камни по деревянным желобам, а золото, вследствие своей тяжести, падает вниз и остается на шерстяной ткани.

Когда рудокоп находит, что возжеленного металла намыто достаточно, он очищает шерсть жесткой щеткой, затем продолжает промывку.

Что касается рокега (качалки), то это — колыбель, составленная из железных сит, прикрепленных к качающейся раме. Рудокоп кладет в сито столько земли, сколько может уместиться, потом одной рукой, с помощью широкого ковша, льет воду, а другою действует, как бы качая колыбель. Вода отделяет примеси, и золото, проходящее через сито, падает на платформу, покрытую шерстяным покрывалом.

Примитивнейшее оборудование дает сказочные доходы — так много в Клондайке золота!

Но чтобы летом начать промывку, необходимо трудиться всю зиму. Поэтому многие новоприбывшие, мечтавшие собирать золото, как картофель, смущенно посматривали друг на друга и печально возвращались в Доусон. Им нечего было делать, летом рыть ямы невозможно: земля не тверда, обваливается; нужно дожидаться, пока почва замерзнет.

Но наши друзья философски отнеслись к этому обстоя-

тельству и хотели уже возвращаться в Доусон-Сити, когда Марте пришла в голову неожиданная мысль:

— Так как мы имеем еще один клем по соседству, надо познакомиться и с ним! — предложила она.

— Грязь не пугает вас, мадемуазель? — сказал Редон, с важностью шлепая по колена в грязи.

Девушка только беззаботно улыбнулась, проговорив:

— Ба, грязь! Немного больше, немного меньше, не все ли равно? Ведь правда же, Жанна?

— Конечно, правда!

— Так идемте, господа? Эта концессия моя, и предчувствую, наше путешествие не будет бесполезным.

И вот они снова пустились в путь и шли более полусуток. С помощью плана отыскивали свой участок на скате холма. Благодаря этой покатоности вода с него сбегала, и потому можно было двигаться посуху.

Наши друзья разбили палатки и поспешили прежде всего приготовить обед, уже в пятый раз в этот день, так развился у всех аппетит. Впрочем, это был скорее ужин: часы показывали одиннадцать ночи, но солнце еще не зашло. Наконец, за полчаса до полуночи оно скрылось, и золотоискатели, отложив до следующего дня свои дела, легли спать. Но уже в половине четвертого утра все были на ногах. Солнце, поднявшееся двумя часами раньше, стояло высоко и сильно пригревало.

Люди, успевшие здесь получить участки, давно были за работой. Довольные, что день продолжается без малого круглые сутки, они трудились, точно негры-невольники или каторжники, до истощения сил, до полного изнурения.

Соседи знакомились между собой, вступали в разговоры, но и здесь все интересовались только золотом, говорили лишь о нем.

Однако участки были бедны, что не мешало, впрочем, рудокопам испытывать свое счастье: «Авось,— думал каждый,— я все-таки наткнусь на богатое месторождение?»

Работа старателя, в сущности, очень несложная. Сперва поднимают верхний слой почвы, затем роют все глубже и глубже, добывая большие комья земли, которые кладут в железное корытце, вмещающее с полпуда. С этим корытцем идут к ручью и, присев на корточки, погружают в воду по самые края, все время покачивая. Мало-помалу камешки, глина и другие примеси отделяются и уносятся водой, а на дне остается лишь чистое золото.

Этот простой прием требует, однако, известной ловкости

и умения. Обыкновенно соседи всегда с охотой обучают новичков такому способу промывки, и обе наши девушки сразу выказали большое проворство; мужчины же оказались менее способными.

Все шестеро горячо принялись за дело, но, увы! — на первых порах их ждало разочарование: на дне корытца скапливалось ничтожное количество золотого песка. Проработав двенадцать часов без перерыва, наши друзья решили прекратить работу и усталые, измученные и разочарованные хотели уже возвратиться в свой бивуак. Вдруг какой-то маленький зверек, выпрыгнув из норки, стремглав кинулся между лапами Портоса. Обрадовавшись развлечению, собака стала гоняться за ним, но едва успела сделать три-четыре скачка, как грызун скрылся, словно провалившись под землю.

— Ищи! Ищи, Портос! — крикнул ему Жан.

Собака принялась разрывать землю.

— Апорт! — командовал лицеист.

Портос на мгновение уткнулся носом в землю и вытащил что-то, но затем, бросив, стал рыть глубже. В этот момент луч солнца, упав на находку пса, заиграл ослепительно-ярким блеском. Жан поспешно схватил комок и произнес:

— Весит более десяти фунтов, и мне кажется, что это золото!

— Золото! Покажите-ка его сюда! — и ком стал переходить из рук в руки. — Вот когда счастье-то привалило! — воскликнул Редон.

Услышав про находку, с соседних участков сбежались старатели.

— Да, это в самом деле золото, самое чистое, самое превосходное, какое мне только случалось видеть, а я ведь двадцать лет пекусь и мерзну в этой проклятой стране! Поверьте, друзья, этот самородок стоит не менее десяти тысяч франков, — проговорил старый рудокоп.

— Десять тысяч франков — кусок металла величиною с крупную картофелину мутно-желто-землянистого цвета!

Между тем Портос продолжал усердно рыть лапами землю.

— Надо посмотреть, нет ли там еще таких самородков! — проговорил Жан, взглянув на собаку. Все кинулись к яме, вырытой ею, и громкий крик радости вырвался из десятка уст.

— Клянусь честью! — воскликнул старый рудокоп. — Вот гнездо самородков! Ну, в добрый час вы начали свое дело!..

ГЛАВА 5

Что называется гнездом самородков.— Золотая лихорадка.— Кровь и золото.— На замерзшей почве.— Почему не делают раскопок летом? — Дровосеки.— Рудокопы.— Журналы, газеты и их делегаты.— Неизвестность.— Планы бандитов.

И в Калифорнии, и в Южной Африке, и в Австралии рудокопы называют золотым гнездом такое место, где в земле, подобно клубням картофеля, лежат рядом разной величины самородки. В данном случае таких самородков оказалось двенадцать штук, причем самые мелкие — с хорошее куриное яйцо, а самые крупные — много больше мужского кулака.

— О, вы счастливые люди! — при виде этого неожиданного богатства воскликнул старый рудокоп, весь бледный от волнения. — Ведь это разом целое состояние! Вам будут завидовать!

— Но это еще не все! Я уверен, мы будем золотыми королями! — воскликнул Поль Редон и, взяв в руки два клубня, стал подбрасывать их, взвешивая на руке, играя с ними. — Никогда не поверил бы, что вид этого богатства так подействует на меня: хочется петь, плясать и скакать от радости. Да вижу, что и вас всех, друзья мои, охватила также золотая лихорадка, такой же золотой бред! Вы хотя и молчите, но глаза такие безумные!

И действительно, золото как-то особенно действует на человека, опьяняя, подобно хорошему крепкому вину. Ведь странно: когда люди наталкиваются на громадные залежи железа, меди, угля, представляющие собою те же миллионы и сулящие порой несравненно большие богатства, не бывает такого бреда, таких галлюцинаций, грозящих потерей рассудка. Происходит ли это оттого, что золото даже в грубом виде является воплощением всех человеческих наслаждений, радостей жизни и одновременно воплощением роковой, тяжелой работы, мучительной борьбы за существование — трудно сказать. Но даже суровый Дюшато сперва побледнел, затем покраснел и был не в силах произнести ни одного слова. Между тем глаза его горели, как раскаленные угли.

— О, и я хочу видеть... Хочу дотронуться своими руками до этого золота... Дайте, дайте мне его сюда! — с трудом выговорил он, наконец. — Ах, Жанна, дитя мое...

наконец-то мы будем богаты!.. Жанна, слышишь ли?.. Ведь это богатство! Громадное богатство!..

Молодая девушка тоже оживилась, за нею Леон, потом сама Марта. Только Жан остался нечувствителен к припадку сумасшествия, вызванному подарком судьбы: для Дюшато и его дочери это открытие означало конец убогой жизни в канадской хижине без радости и надежды; для Марты оно оборачивалось независимостью; Леону Фортену обеспечивало достойную жизнь родителей и осуществление научных проектов. А Жан видел в золоте прежде всего средство отомстить за смерть отца. Но поможет ли оно ему? Как эти слитки накажут убийцу?

Между тем, пока люди волновались около самородков, Портос продолжал ожесточенно рыть землю и добрался таки до грызуна. Бедная землеройка билась у него в зубах, но, увлеченные видом золота, Редон и его друзья не обращали на это внимания.

— Сколько здесь... скажите? Тысяч на сто франков будет? — дрожащими губами произнес журналист.

— Как знать? — отвечал старый рудокоп. — Когда найдена жила, то этим дело не кончается! — Он взял кирку и с удвоенной силой увеличил отверстие. Камни полетели, и всюду засверкали блестящие точки.

— Вот!.. Я говорил! — продолжал он прерывающимся голосом. — Вот... Вот!.. Еще!.. Но что вы смотрите? Возьмите лопату и поднимите это все... Прекрасно! Золотая масса!

Редон схватил лопату и бросился к груде обломков, среди которых блеснули новые самородки. Он рылся с жадностью, упоением, из груди его вылетали короткие восклицания — «ах, еще, еще!».

Канадец собирал «золотые картофелины» и клал их в кучу.

Вдруг кирка ударилась о твердое, как скала, препятствие.

— Кончено! — сказал канадец, бросая орудие.

— Как!.. Нет больше золота! Уже! — вскричал разочарованным тоном Редон.

— О, чувствую, даже уверен, его еще множество, но я коснулся замерзшего слоя, а люди еще не выдумали инструмента, чтобы раздолбить такую землю!

— Но как же поступают зимой?

— Зажигают огонь в ямах: через двенадцать часов лед подтаивает, земля размягчается на два фута. Вот ее-то и пускают для водяного промывания.

— Значит, надо ждать зимы?

— Да, два с половиной — три месяца!

— Нет, я хочу сейчас же начать разработку, как зимой! Не правда ли, ведь это и ваше желание, Леон?.. И ваше, Дюшато?..

— Конечно! — энергично ответили оба.

— Смотрите, опасно! — проговорил старик. — Почва не тверда; по мере того как вы будете рыть, она станет обваливаться.

— Можно укрепить лесами!

— Вода доберется до вас!

— Мы ее вычерпаем!

— Здесь летом из глубины почвы выходят смертоносные газы: они вас задушат.

— Умирают один только раз.

— Ну, и молодец же вы! — воскликнул восхищенный рудокоп. — Право! Дайте мне хорошую цену, и я готов пойти на риск!

— Сколько же угодно за день?

— Сто франков, если не дорого!

— Получите двести... Мои друзья согласны?

— Да!.. Да!.. Двести франков! — вскричали в один голос молодые люди и девушки.

Итак, эксплуатация началась, несмотря на опасности. Теперь нужно было добыть дрова. Немедленно приступили к делу.

Леон, Поль и канадец, под предводительством старика, очистили место и стали копать четырехугольное отверстие в два квадратных метра; Жанна же, Марта и Жан отправились за дровами. При помощи рюкзаков и топоров они скоро набрали по связке сучьев. Молодой человек помог своим спутницам взвалить эти связки на плечи, и все трое, обливаясь потом, достигли участка. Потом пришлось принести еще столько же. Затем дрова сложили в яму и зажгли.

— Теперь, — произнес Редон, — пока земля оттаивает, нам не мешает наполнить чемоданы!

Эта мысль пришла всем по душе.

Самородки были собраны и снесены под просмоленный навес.

Неслыханное обилие и чрезвычайная величина их вызвали среди соседей настоящий столбняк; на памяти рудокопов не было видано ничего подобного. Золота здесь, считая по самой низкой цене, было не менее шестидесяти

килограммов на сумму сто восемьдесят тысяч франков.

Весть о счастливой находке наших друзей быстро распространилась, полетела в Доусон-Сити и произвела там всеобщую сенсацию. Репортеры двух главных в столице золота газет — «Клондайкский самородок» и «Юконская полночь» — немедленно выехали на клем, еще не имевший названия. Им нужны были автографы, интервью, документы, фотографии счастливых! Конечно, Редон прекрасно принял коллег. Новые знакомые проглотили несколько кусков мяса и сухарей, выпили по стакану виски и уехали через два часа.

Работа, прерванная на некоторое время, возобновилась, так как почва уже оттаяла на глубину метра. Оставалось только удалить пепел.

Кирки старого рудокопа и Дюшато застучали по горячей земле, и Леон Фортен и Поль Редон стали поднимать лопатой куски и бросать наружу. Здесь Жанна, Марта и Жан осматривали их и выбирали большие и маленькие самородки.

В яме, где работало четверо мужчин, наступила адская жара. Засучив рукава своих рубашек, они все ушли в работу.

— Ну, друзья мои, и денек! — сказал Редон, вытирая рукой пот, струившийся по его лицу. — Мы получаем тысячу франков в час. Недурно!

— Черт возьми! — произнес в это время старый рудокоп. — Взгляните-ка сюда! Можно подумать, найдена «Мать золота», пресловутое золотое гнездо Юкона! — С этими словами он отколол киркою почти такую же глыбу, какую отрыл Портос.

Леон и Поль взглянули на нее, друг на друга и без слов поняли все.

— Ну, товарищ, берите ее в свою собственность! — сказал восхищенный журналист.

Старик сначала не понял.

— Берите же, говорят вам, — продолжал Редон, — это вам... Не так ли, дамы?

— О, от всего сердца! — воскликнули девушки.

Старик сначала побледнел от волнения, затем кровь прилила к его худому лицу, побуревшему от двадцатилетней работы на открытом воздухе, и он едва мог произнести:

— Вы... золотые сердца... Вы — достойны своего счастья!.. Моя благодарность... принадлежит вам навсегда!..

Я — ваш... Мое имя — Пьер Лестанг, уроженец прихода св. Бонифация, близ Виннипега, в Канаде.

— А, моя родина! — вскричал Дюшато, протягивая ему руку. — Я должен был догадаться об этом по вашему произношению!

— Но мы все соотечественники!.. Да, по доброй, старой Франции! — прибавил Фортен.

Во время этого разговора к золотоносной яме приблизилась небольшая подозрительная компания. Лохмотья доусонцев были не лишены живописности, а вид довольно красноречиво свидетельствовал о преступных замыслах; но счастливые искатели золота не обратили на это внимания, как не заметили взглядов, брошенных гостями на палатки, яму и кучу самородков.

После долгого немомго созерцания чужой удачи незнакомцы медленно направились к дощатому барaku, где наскоро был устроен трактир, и уселись за бутылкой виски. Один из них, оглянувшись кругом, тихо проговорил:

— Все ли вы видели? Смотрите, не забудьте! Особенно позаботьтесь о собаке! Черт возьми! У них более ста килограммов золота, стоящего, по крайней мере, триста тысяч франков! Нужно, чтобы оно было нашим.

ГЛАВА 6

Два человека конной полиции. — Западня. — Два трупа. — Страшная резня. — Еще один мертвец. — Упорный сообщник. — Пожар. — Мнимые полицейские. — Охрана для гнезда самородков.

Неделю спустя зловещие незнакомцы, положившие глаз на золото наших друзей, собрались в деревушке Фурш. Расположенная при слиянии двух рек, Эльдorado и Бонанзы, Фурш была малой копией Доусон-Сити — такая же грязь и топь, те же увеселительные заведения, те же люди, только общественная организация более первобытная, жизнь более дорогая, а удовольствия более грубые.

Здесь имелся полицейский пост, но стражи порядка из-за множества дел никогда не сидели на одном месте, разъезжали по горам и долам и при случае не отказывались от угощения.

Около трех часов того же дня два полисмeна вернулись в Фурш. У первого дома, харчевни, где радостно веселились

рудокопы, один из кутил остановил их, пожелал по-английски доброго дня и прибавил хриплым от виски голосом:

— Вы чокнетесь с нами, не так ли?

— Идет! — ответили они. — Мы уже четыре дня в дороге и хотим пить, а еще больше есть! Но позвольте раньше вычистить лошадей!

— Ни за что! Это делает харчевник!

Явился хозяин трактира. Это был высокий и крепкий мужчина тридцати лет, с белокурыми волосами и длинной бородой. Он с видом знатока осмотрел лошадей.

— А я вас не знаю! — сказал один из полисменов.

— Ничего удивительного! Я здесь только неделю... Сменил Джо Большую Губку, умершего от белой горячки.

— Это должно было произойти! — подхватил второй полицейский. — Бедный Джо не пил меньше галлона в день!

— Мы познакомимся, господа, и вы будете приняты с не меньшим радушием, чем у моего предшественника! Но довольно болтать!.. Входите же... Я займусь лошадьми.

Сопровождаемые человеком, пригласившим их на улице, полисмены вошли в довольно большую залу, где всего четверо посетителей с аппетитом пили и ели. Их познакомили и дали место за монументальным столом, заставленным разными яствами.

Тут же два бокала были наполнены немного дрожавшими руками до краев, и для начала все звонко чокнулись.

Привыкнув к шумному радушию местных рудокопов, оба гостя принимали угощение, не дожидаясь упрасиваний.

Хорошие едоки и любители выпить, что не удивительно в людях, несущих службу при пятидесяти градусах мороза, они опрокинули полные стаканы и потом принялись за еду с поспешностью солдат во время похода.

Хозяин харчевни вернулся с новыми бутылками и закуской. Обменявшись с одним из выпивавших значительным взглядом, он проговорил:

— Лошади приведены в порядок, джентльмены, вы можете быть спокойны!

Полисмены поблагодарили и продолжили пиршество. Они расстегнули сюртуки, ослабили пояса и, работая челюстями, стали слушать застольную песню одного из собутыльников... Правда, это была убогая поэзия, сомнительная музыка, но пища и поглощаемые напитки восполняли отсутствие слуха и голоса у певца.

Так протекли часы. Наконец, видя, что попойка вот-вот превратится в грязную оргию, полисмены объяви-

ли, что обязанности службы заставляют их удалиться.
— Как!.. Уже?.. Ведь так весело! — вскричали их собеседники.

Но те настаивали и встали.

— Ну, еще бокал... прощальный! Стакан вишневого ликера... Это «Черный лес», стоящий двенадцать долларов бутылка!

Полисмены вынуждены были согласиться. Оба выпили. Вдруг глаза их расширились и сделались неподвижны, рот сжался, пальцы скрючились, — и стаканы выпали из рук. Конвульсивное подергивание пробежало с ног до головы, и оба, без крика или вздоха, упали замертво.

— Умерли, Френсис? — спросил один из пьяниц, которого это страшное событие, казалось, отрезвило.

— Да, я убил их без колебаний и угрызений совести! — отвечал совершенно спокойно убийца. — Добрая порция синильной кислоты, добавленной в стаканы, — и готово! Они перешли от жизни к смерти без всяких страданий!

— Но против нас будет все население... Закон Линча!..

— Не бойся, кара за убийство здесь не сильнее, чем за кражу! Лучше помоги — нужно раздеть догола джентльменов, пока теплые. — С этими словами разбойник направился к тому несчастному, что, согнувшись пополам, упал лицом на стол, раскинув руки, расстегнул ему пояс, к которому крепилась кожаная кобура с револьверами, снял один рукав мундира, потом другой и сказал:

— Мы одинакового роста... Будет мне как раз впору!

Но человек, только что говоривший о законе Линча, опять принялся за свое:

— Не согласен убивать... Я хочу воровать, но отказываюсь убивать... слышишь, Френсис?.. Не рассчитывай же на меня впредь — наш договор разорван.

— Твое последнее слово?

— Да!

— Подумай, ведь ты получишь более миллиона фунтов.

— Цифра грандиозная, но повторяю: не хочу быть убийцей!

Тогда с быстротою молнии Френсис схватил револьвер полисмена и выстрелом в упор наповал убил собеседника.

— Сам виноват, дурак! Я хочу иметь дело только с готовыми на все людьми и устраняю слабых, которые завтра могут сделаться изменниками!

— Браво, Френсис! — вскричал охрипшим голосом

один из трех оставшихся собутыльников. — Ты — настоящий предводитель! Мы последуем за тобою даже в преисподнюю, если вздумаешь туда прогуляться. Не так ли, товарищи?

— Да!.. Да!.. Френсис хорошо сделал. Долой трусов! Долой изменников!

В этот момент в зал, наполненный пороховым дымом, вошел содержатель харчевни.

— Пистолетный выстрел! Френсис, ты виноват? Забыл, что мы не в Калифорнии или Австралии?!

— Боб, он не был надежен! Однако нас стало четверо, а должно быть пятеро!

— Брось! Мы здесь легко найдем еще одного компаньона, а если нет — призовем кого-нибудь из Англии. Теперь же надо срочно освободиться от этих тел!

— Лишь бы только выстрел не привлек кого! Разве зарыть их здесь во дворе? — проговорил хозяин.

— Ты забываешь, что земля промерзла на два фута глубиной и тверда, как скала!

— Верно! Какая идиотская страна!

— Ну, не говори, это — страна миллионов!

— Я вижу только одно средство избавиться от этой кучи мяса, — сплевывая, промышчал один из разбойников. — Разрезать тело на куски, зашить в брезент и бросить в реку или в заброшенную рудокопами яму!

— Твое средство великолепно! Ну, не будем терять ни минуты. Я запру дверь, как будто бы ушел куда!

С этими словами четверо бандитов, раздев несчастных полисменов донага, положили трупы на стол и принялись кромсать. Страшная работа была быстро и, как это ни кощунственно звучит, споро исполнена. Злодеи словно веселились — отпускали непристойные шутки, пили вино... Внутренности и члены отравленных были запакованы в просмоленное полотно и по виду напоминали свертки провизии. С трупом человека, убитого из револьвера, бандиты собирались поступить точно так же, как вдруг Боб, ударив себя по лбу, вскричал:

— У меня — мысль, хорошая мысль, избавляющая от лишней работы! — и, не вдаваясь в подробности, взял веревку, довольно длинную и прочную, сделал петлю и затянул ею шею мертвеца. — Мы сделаем так, как будто он повесился или, точнее, повешен: гениальный способ узаконить выстрел в голову.

— Не понимаю! — проговорил Френсис.

— Увидишь!

Он взял кусок белого картона и, написав «Обвиненный и казненный за кражу судом Линча», повесил его на грудь несчастного.

— Воспользуемся двумя часами ночи, чтобы унести труп отсюда и повесить на дерево.

— Чудесно придумано, товарищ! Но прежде — маленький маскарад.

Френсис разделся, надел полную форму полисмена и сказал Бобу:

— Делай то же!

Боб повиновался и в несколько минут сделался неузнаваемым. Оба бандита в костюмах конных полисменов могли теперь обмануть самый опытный глаз. Между тем два соучастника вымыли стол, на котором производилась ужасная операция, потом принесли бутылки, и попойка продолжилась.

Вдруг в дверь раздалось несколько ударов.

— Кто там? — проревел Боб. — Убирайтесь! Здесь сидят счастливцы, желающие веселиться без посторонних! Приходите завтра!

Стук прекратился: новые посетители харчевни удалились, хорошо понимая желание миллионеров веселиться в своей компании.

Время шло; настала темнота. Оба бандита, переодетые в полицейских, с бесконечными предосторожностями вынесли труп товарища, не встретив никого, повесили его на первое дерево и возвратились в харчевню; здесь Френсис, казавшийся начальником, дал им последние приказания:

— Условьтесь, как избавиться от человеческих останков! Будьте осторожны, никоим образом не возбуждайте подозрений и терпеливо ждите нашего возвращения в таверну «Человек-Пушка». От этой первой операции зависит, будет ли у нас ослепительное богатство, которое я обещал... Миллионы!

— Решено, рассчитывай на нас!

Мнимые полисмены немедленно отправились в конюшню, оседлали коней и поехали по направлению к холмам. Двое их товарищей остались в харчевне и стали думать, куда спрятать окровавленные тюки. Тюков было шесть, и каждый весил около шестидесяти фунтов. Френсис советовал спустить их в заброшенные ямы. Но таких по соседству не было. В воду! Но они могли всплыть, кроме того, переноска потребовала бы троекратного длинного, трудного

и опасного путешествия к реке. Тогда одному из бандитов пришло в голову разломать внутренние перегородки тракта, прикрыть ими останки и вместе с маслом, окороками, салом поджечь. Они так и сделали — выпили сколько могли спирту, остатки плеснули в огонь и вышли, заперев дверь. Все воспламенилось в мгновение ока.

В деревне Фурш не было ни пожарной бочки, ни пожарных, и жители, расселившиеся редко из боязни красного петуха, теперь оставались спокойными зрителями того, как огонь уничтожал последние следы чудовищного преступления. А два поджигателя двинулись в Доусон-Сити на свидание с двумя лжеполисменами. Между тем последние неторопливо ехали по течению Эльдорадо, провожаемые по дороге поклонами и приветствиями встречных. Как ни в чем не бывало они отвечали поклоном на поклон, пожатием на пожатие, словно были самыми честными людьми на свете.

Богатые участки следовали один за другим, затем по мере приближения цепи холмов, разделявших бассейн Бонанзы от бассейна Индианы, встречались все реже.

Тут бандиты дали лошадям несколько часов отдыха и потом продолжили свой путь, направляясь к клему французов.

Они приехали, когда утомленные тяжелым и непрерывным трудом, счастливые рудокопы сели за стол: его, впрочем, заменяла простая подставка, перед которой каждый устроился на корточках.

Кушаний, приготовленных молодыми девушками и приправленных ни с чем не сравнимым соусом — аппетитом, было в изобилии.

Полицейских встретили приветствиями, пригласили освежиться и разделить завтрак.

Те с готовностью приняли приглашение, слезли с коней, заботливо осмотрели их, как своих преданных помощников, и лишь затем присели перед импровизированным столом.

— Вот так счастье! — вскричал старый рудокоп. — Перевозим в банк более двухсот фунтов золота, и эти двое молодцов будут сопровождать нас!

— Это действительно счастье! — сказал Редон. — Нам много говорили о порядке и безопасности в этой стране, но я не совсем доверяю живущей здесь бедноте!

— Я тоже, — прибавил Леон, — и успокоюсь только тогда, когда наше имущество окажется в надежном месте!

— Можете рассчитывать на нас! — с важностью произнес мнимый полисмен Френсис.

— Мы скорее позволим себя убить, чем дотронуться до вашего добра! — подтвердил его соучастник Боб.

— Верим вам и будем спать, ни о чем не тревожась! — заключил канадец.

ГЛАВА 7

Хитрость разбойников.— Во время сна.— Гнездо самородков переходит в другие руки.— Умерли ли они? — Хлороформ.— Неприятное пробуждение.— Обокражены.— Бешенство Редона.— Поиски Леона.— Тревоги ученого.

Полицейские казались очень утомленными, что для рудокопов, знавших их трудные и опасные обязанности, не было удивительным. И потому, когда ужин подошел к концу, французы предложили гостям отдохнуть. Те сначала отговаривались, впрочем, больше для приличия, потом согласились; место для ночлега им отвели в большой шелковой палатке мужчин. Марта же и Жанна, как и в Доусон-Сити, поселились в самом маленьком шатре, где был также и склад съестных припасов.

Наступила ночь, и громадное багряное солнце скрылось за горизонтом, но все-таки царивший полумрак давал возможность различать окружающие предметы, пусть и в неопределенных очертаниях. Наши друзья Леон Фортен, Поль Редон, Дюшато, старый рудокоп Пьер Лестанг и Жан Грандье растянулись на своих постелях и крепко заснули. Полисмены расположились у входа в палатку, чтобы наблюдать за лошадьми, стреноженными и жевавшими стебли злаков, скошенных по соседству.

Прошло около получаса. Вдруг на земле, приподняв ткань, занавешивавшую вход в палатку, показалась голова, потом через минуту — другая. Около колышка отверстие осталось плотно закрытым, возможно, затем, чтобы помешать воздуху проникнуть внутрь жилища. Там чувствовался легкий эфирный запах; запах странный, возбуждающий, похожий на аромат зрелых ранетов. Скоро головы пришельцев скрылись.

Прошло еще полчаса. Люди за палаткой слегка зашевелились. Поднялся неясный шепот, невнятный разговор.

— Дело сделано! Я налил изрядную дозу, способную превратить их всех в деревянных человечков.

— А собака?

— И она, кажется, готова! Теперь можно приняться за сокровища!

— У меня захвачена свечка, чтобы рассмотреть самородки.

— А если, против ожидания, один из спящих проснется и будет шуметь?

— На то есть нож; первый, кто попытается поднять тревогу, будет зарезан, как цыпленок! Но я спокоен!

— Идем же!.. Только тихо, без малейшего шума, чтобы не разбудить женщин!

Одна из двух голов опять появилась, и ее обладатель вполз в палатку, наполовину выпрямился, чиркнул спичкой, зажег свечу и внимательно осмотрелся.

Никто не просыпался, из уст спящих вылетало едва заметное дыхание, бывшее недавно шумным и глубоким. Все разбросались в живописном и трагическом беспорядке. Лица спящих, бледные и вытянутые, при колеблющемся свете казались лицами трупов. Губы были сжаты, ноздри раздуты, глаза плотно закрыты, руки скрещены. Одна собака лежала с широко раскрытыми тусклыми, мертвыми глазами.

Человек, державший свечу, был Френсис. Он потрогал массивными сапогами со шпорами неподвижные тела, как бы желая убедиться в их полной нечувствительности, потом пробормотал:

— Их не разбудила бы и пушка... все идет хорошо! Боб, будь наготове!

Бандит бесшумно, ползком выбрался из палатки, держа в зубах кинжал. К счастью, утомленные Жанна и Марта спали очень крепко, не то при малейшем слове или жесте негодяй безжалостно прирезал бы их. Подышав чистым воздухом, Френсис вновь вернулся в палатку.

Самородки были разделены на четыре части и упакованы в пакеты, каждый весом около пятидесяти фунтов; хранились они под матрасами четырех компаньонов в маленьком углублении.

Френсис без всякого стеснения воткнул свечу в землю и, приподнимая правой рукой одно за другим неподвижные тела, левой вытаскивал пакеты с золотом. Его соучастник принимал их. В десять минут все было кончено. Обокрав дочиста золотодобытчиков, бандиты оседлали лошадей, крепко привязали сокровища к седлам и спокойно двинулись в путь по направлению к северу. Через несколько

минут они исчезли в пустынной дали, не будучи замеченными редкими соседями, спавшими в своих палатках.

Между тем часа в два утра молодые девушки почему-то пробудились и, удивленные окружающей тишиной, медленно поднялись с мест. Жанна первая, покинув то, что Редон в шутку называл дамским купе, направилась к мужскому отделению и принялась звать отца, не понимая, каким образом деятельный канадец, всегда встававший раньше других, мог спать столь глубоким сном.

— Ну, отец, вставай! Солнце уже высоко!

В ответ не раздалось ни шороха, ни даже лая собаки, obviously очень чуткой.

Молодую девушку охватил страх; звенящим от отчаяния голосом она позвала подругу.

— Марта! Идите скорее... несчастье... О Боже мой!.. Я боюсь!..

Марта быстро подбежала к палатке и, войдя в нее, при виде пяти неподвижных, как трупы, мужчин испустила горестный крик.

— Мертвы... О!.. Нет... это невозможно!

Обезумев от ужаса, она бросилась в глубь палатки и остановилась, пораженная каким-то запахом, напоминавшим запах хлороформа. В то же время ее подруга обнаружила отсутствие лошадей.

— Полицейские уехали!

Подозрение закралось в сердце Марты, невольно спрашивавшей себя, чем объяснить это внезапное исчезновение; однако рассуждать было некогда. Призвав на помощь все свое хладнокровие, она закричала подруге:

— Воздуху!.. Нужно воздуху!.. Скорее!.. Вынесем их отсюда!

С откуда-то взявшейся силой обе девушки вынесли из палатки по очереди всех мужчин и положили на землю. Тела были еще теплые.

— Жанна!.. Холодной воды... Бегите, пожалуйста!

Пока канадка, захватив кружку, бегала к соседнему ручью, Марта расстегнула ворота больных, обнажила их грудь и стала растирать, но вскоре пришла в отчаяние, видя бесполезность этих усилий. Наконец, когда возвратилась Жанна с водой, она, намочив платок, стала прикладывать его к неподвижным лицам.

— Делайте то же, Жанна, трите сильнее! — сказала она подруге.

Розоватый оттенок показался на коже Лестанга, и

девушка, пытаясь вспомнить некоторые правила гигиены и помощи раненым, решила применить искусственное дыхание. Она нажимала на грудь старого рудокопа, чтобы уменьшить объем легких, потом внезапно отпускала, желая вызвать сильный вдох. Средство оказалось действенным, старик стал слабо шевелиться. Теперь очередь была за Леоном.

Руки молодой девушки дрожали при прикосновении к доброму, преданному другу. Язык его был слегка сжат зубами, и пульс почти незаметен. С изобретательностью, удивившей ее саму, девушка схватила железную ложку, всунула ручку между челюстями, с силою раскрыла их и, не зная, что делать, влила большой глоток виски в рот. А нужно заметить, Леон употреблял только воду. Потому, как только горячительный напиток коснулся рта и обжег его, горловые мускулы молодого человека подернулись и живот слегка поднялся. Тотчас после этого кровь хлынула к лицу, легкие наполнились воздухом, тело порозовело, глаза открылись, — и Леон внезапно ожил.

Энергичным усилием он поднялся на ноги и при виде молодой девушки, улыбавшейся сквозь слезы, нетвердым голосом произнес:

— Мадемуазель Марта, я спасен вами, благодарю!

Тут Фортен заметил других мужчин, все еще распростертых на земле, и Жанну, смачивающую их свежей водой. Ему тотчас же пришла в голову мысль об отравлении ядовитыми газами, вырвавшимися из почвы.

— Задохнулись? — спросил он молодую девушку.

— Покушение, полисмены исчезли... Проснувшись, мы нашли вас умирающими!

Леон тотчас поднялся, дотащился до Жана, насильно открыл ему рот, схватил пальцами, обернутыми носовым платком, язык его и произвел несколько ритмичных движений. Это средство, лучшее при удушье, действовало очень быстро и возвратило к жизни молодого человека.

В то время как Марта занялась старым рудокопом, а Жанна своим отцом, Леон принялся за Редона. Опять вытягивание языка сделало чудо, но потребовало от еще слабого Леоны доброй четверти часа труда.

— А Портос? — вспомнили о собаке. Однако оказалось, что ньюфаундленд отлично обошелся без врачебной помощи. Он явился из глубины палатки, зевая и шатаясь, как пьяный. Собака присоединилась к людям, старавшимся прийти в себя.

— Где же полицейские? — спросили, едва ворочая языками, канадец и репортер.

— Уехали!

Этот отъезд, слишком похожий на бегство, показался всем более чем подозрительным.

— Лишь бы они не обокрали нас! — воскликнул Леон.

Эта же мысль беспокоила и других, и все нетвердыми еще шагами бросились осматривать кладовые под своими постелями. Они, как известно, были пусты. Только присутствие молодых девушек удержало поток проклятий, готовых было сорваться с губ компаньонов. Но от этой сдержанности ярость не уменьшилась.

— Нас провели самым жестоким образом! — вскричал Дюшато.

— Но глупее всего, — пробурчал Редон, — что мы обокрали в тот момент, когда журналы Доусона публикуют наши интервью, наши портреты, наши фотографии, когда всякий завидует нам, принимая за счастливейших, сказочных владельцев знаменитого гнезда самородков!

— Лучше внушать зависть, нежели жалость! — философски вмешался Леон Фортен. Мы поквитаемся, добыв новые богатства!

— Болтай себе на здоровье! — возразил на это с комическим оттенком Редон. — Неужели ты думаешь, что найдется вторая землеройка, которая, зарывшись во вторую нору, натолкнет Портоса на второе гнездо?

— Как знать?! — прервал загадочным тоном Леон Фортен. — Я сам мог бы действовать, без Портоса.

— Так не теряй же времени и поищи! Скучно заносить в разряд убытков великолепную грудку золота, похищенного полицейскими чинами! А я находил их такими добряками!

— Ну дай же мне начать поиски!

— Ты хочешь остаться один?

— Да!

С этими словами Леон повернулся спиной к остальным членам группы и стал медленно пересекать клем по всем направлениям. Время от времени он наклонялся, потом на минуту становился на колени и вскоре продолжал поиски, вызывая живой интерес друзей. Он работал около часа. Потом утомленный, покрытый потом, возвратился к палатке, где его ждал накрытый стол.

Фортен сохранял непроницаемость, заставлявшую девушек улыбаться, но раздражавшую мужчин и особенно Редона.

Завтрак затянулся. За исключением Марты и Жанны каждый чувствовал боль в конечностях и затрудненное дыхание. К физическим последствиям хлороформа присоединялось еще и уныние по поводу кражи. Наконец, Редон, будучи не в силах сдерживаться, воскликнул:

— Ну!.. Пожалуйста, скажи нам о золоте. Что ты нашел?

— Клем почти везде имеет золото, но в малом количестве!

— Ах, Боже мой! Мадемуазель Марта, ваш клем плох! Итак, ни малейшего гнезда самородков?

— Я нашел кое-что, но не смею раскапывать. Слишком боюсь неудачи!

— Напротив, возьмем кирки и лопаты, осмотрим место, и дело с концом! А ты, дружище Портос, сопроводи нас!

Все семеро — мужчины, женщины и ньюфаундленд — быстро оставили палатку и отправились к месту, указанному Леоном.

Последний, слегка побледнев, кусал свой длинный ус и казался сильно взволнованным. Конечно, в нем сказывался обыкновенный человек, который никогда не может равнодушно смотреть на золото. Но ученый имел и другую причину волноваться: он хотел знать, чего же в действительности стоит его открытие — открытие особого металла, притягивающего золото.

ГЛАВА 8

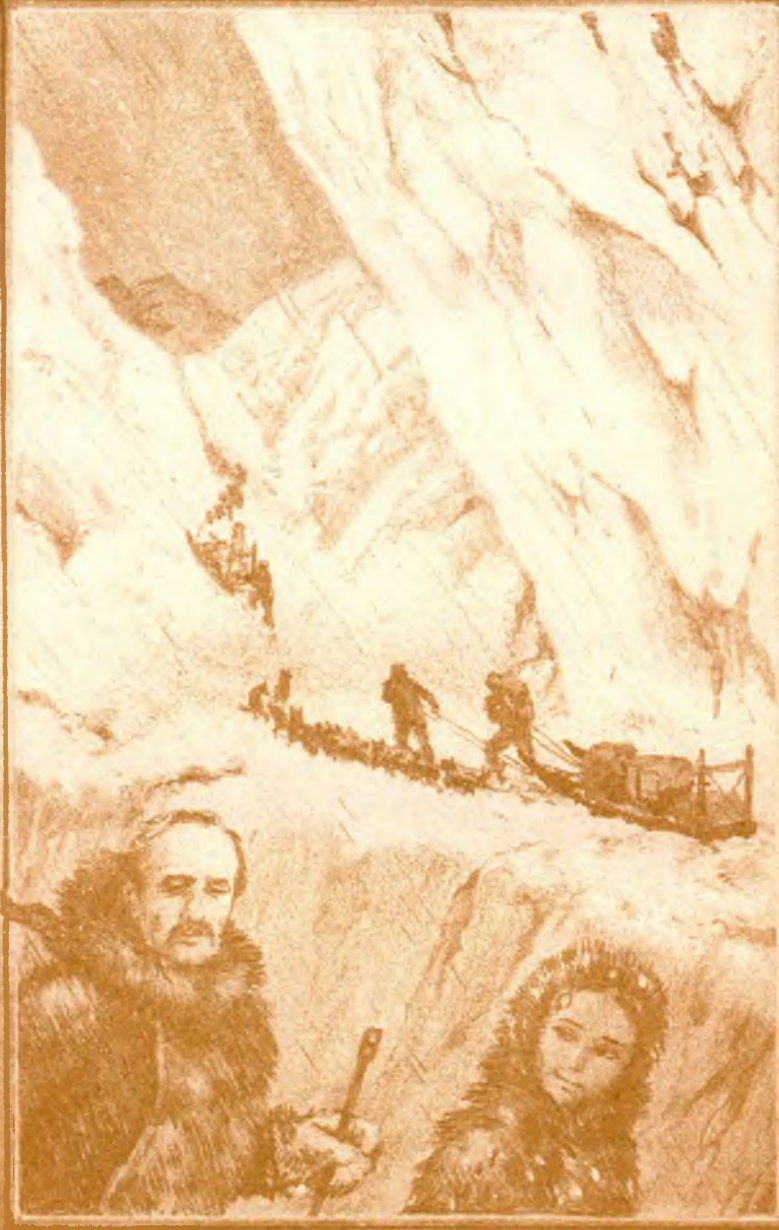
Новое открытие.— Не случайность.— Гнездо самородков.— Редон пал духом.— Избалованный счастьем.— Золотая буссоль.— Периодический закон Менделеева.

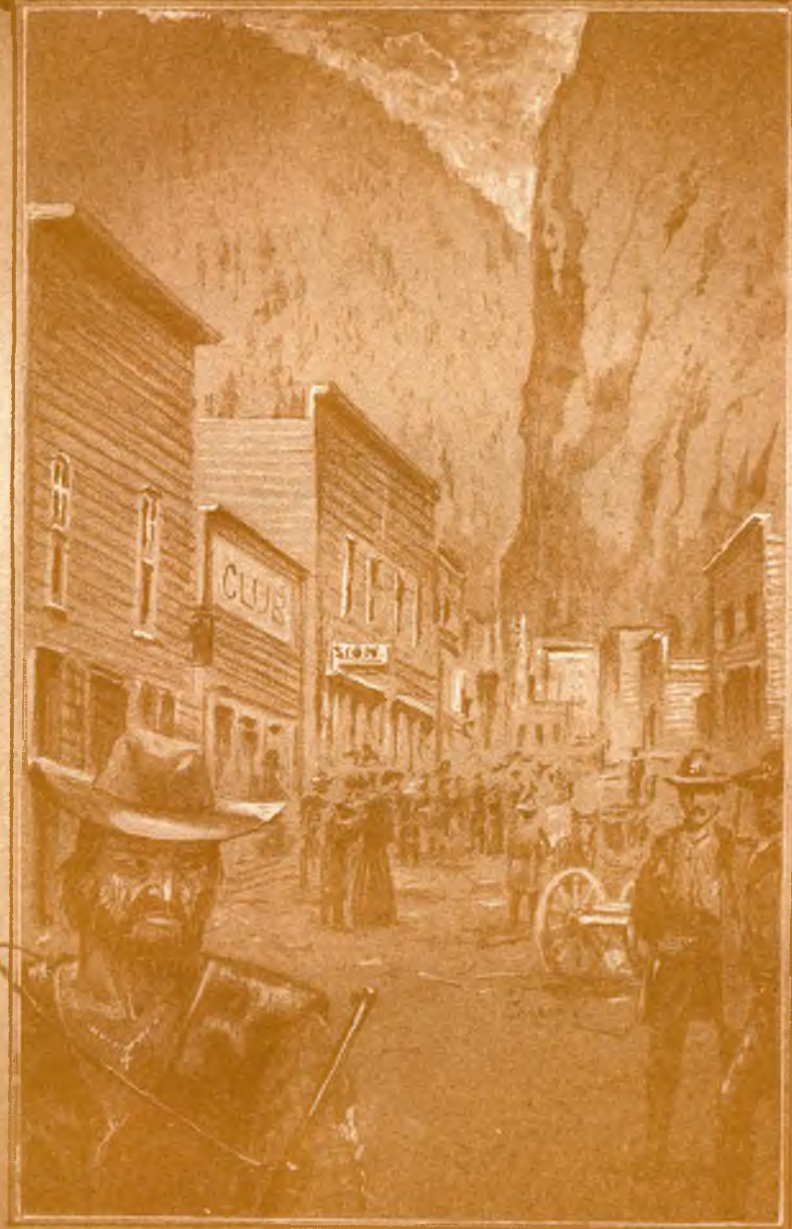
Итак, Фортен направился к клему в сопровождении всей компании, включая и девушек; все были крайне заинтригованы поведением молодого ученого. Дюшато просто решил, что Леон не в своем уме, увидев, как тот ходит и размахивает своим брелоком. Старый канадец, с двадцатилетнего возраста бывший на золотых приисках и принадлежавший к числу самых опытных рудокопов континента, напоминал сейчас тех крестьян, которые, слушая речи профессора земледелия, говорят под сурдинку:

— Посмотрите, этот прекрасный господин из города

хочет научить нас, как выращивать морковь и капусту!

Группа пересекла клем и пошла к западной границе его, до которой едва осталось два метра.

— Здесь! — произнес немного дрожащим голосом Леон, обозначив место крестом, начертанным на почве.

— Ну, будем рыть! — сказал Редон, делая первый удар киркою.

Старый канадец пожал плечами и, обращаясь к Дюшато, заметил вполголоса:

— Нет!.. Это детская затея... Ничего не найдут!

Тот понимающе кивнул, как бы говоря: «Э, я и сам хорошо знаю! Но что делать, если это доставляет удовольствие нашим землякам!» — и принялся за работу.

Рыли уже полчаса. Яма увеличивалась в ширину и в глубину. Через минуту должен был начаться ледяной слой. Вдруг лопата журналиста наткнулась на что-то твердое и издала отчетливый звук.

— Что это?

Старый рудокоп, бросив свою кирку, наклонился и, подняв небольшой ком, вскричал от изумления:

— Боже!.. Золото!..

Потом, будто взятый предмет жжет его, он бросил к ногам Фортена прекрасный слиток золота, величиной с каштан.

— Черт возьми! — вскричал, в свою очередь, Редон, разрывая рукояткой своей лопаты кусок земли. — Жила возвращается! Bravo! Мы вновь разбогатеем!

— Опять счастливый случай, или француз приходится сродни дьяволу?!

Леон подобрал слиток, поднес Марте и с улыбкой сказал:

— Надеюсь, мадемуазель, здесь нет ни малейшей случайности, как думает наш бравый товарищ!

— Кажется невероятным, но я верю вам!

— Это чисто научное открытие, смысл которого, если позволите, объясню немного позднее.

— А мне, месье Леон, скажете? — спросил Жан, внимательно смотревший на слиток в руке сестры.

— Да, друг мой, на случай несчастья я хочу вас сделать своим наследником, а это наследство сделает вас царем золота!

— О, не говорите так, прошу!

Восклицание Дюшато прервало эту беседу, шедшую вполголоса.

— Еще слиток!.. Меньший по величине, но такой же чистоты!

Действительно, второй кусок золота был величиною с орех.

— Еще один! — На этот раз кричал старый рудокоп Лестанг.

Мало-помалу после трех часов работы самородков набралось около трех килограммов на кругленькую сумму в десять тысяч франков. Такого на участках Клондайка не бывало еще никогда. Даже отъявленные скептики пришли в экстаз от подобного результата.

Однако вскоре все стали чувствовать сильное недомогание. Было ли это следствием хлороформа или просто усталостью — неизвестно. Только журналист, Леон и Жан отказались от работы.

— В таком случае, господа, мы с Жанной останемся здесь, чтобы закончить начатое! — проговорила Марта.

— Но, мадемуазель...

— Пожалуйста, идите отдыхать! Мы прекрасно поработаем без вас и... за вас!

Мужчины удалились и молча пересекли клем наискось.

На губах Жана Грандье был вопрос, и он поглядывал на Леона, колебался, но все-таки в конце концов вымолвил:

— Месье Леон... вы обещали сейчас...

— Что, мой дорогой друг?

— Сказать Марте и мне... Секрет открытия... золота... Марты нет, правда... но вы можете объяснить ей потом...
— Тс-с!.. Тише... Войдем в палатку... вы узнаете все!

Убедившись, что ни одно нескромное ухо не слышит их, Леон вынул из внутреннего кармана жилета маленький инструмент, насаженный на прочную никелевую цепочку.

— Поль, ты хочешь спать?

— О нет! — вскричал журналист. — Я узнаю штучку, помогающую открыть золото...

Леон улыбнулся и, обращаясь к Жану, проговорил:

— Видите сию «штучку», как назвал ее сейчас шутник Редон? На самом деле это — буссоль, но буссоль особенная: ничто не может привести в движение ее иглу. Поворачивайте, отклоняйте, направляйте по всем четырем сторонам света, она окажется неподвижной. Но если, держа ее одной рукой, другой поднести кусок золота, то игла придет в движение и направится к золоту, которое ее

притягивает, как магнит железо. Видите: она вертится, отклоняется вправо и влево по мере того, как перемещается кусок золота. Прибавим еще, что способность ее к движению проявляется только в присутствии золота, исключая все другие до сих пор известные металлы.

— Но, месье Леон, это ведь чудо! — с удивлением вскричал молодой человек.

— Чудо?

— Очень хотелось бы знать причину столь странного явления!

— Мне тоже, — отвечал добродушно ученый, — но пока просто констатирую факт, как и вы... пользуюсь им, а объяснить — увь! — затрудняюсь...

— Из какого же металла сделана игла?

— Это могу объяснить, так как сам открыл его незадолго до известных вам ужасных событий и назвал металлом «Х», как когда-то Рентген свои знаменитые лучи. Но старинный друг отца настоял, и минерал пришлось окрестить «леонием».

Затем Леон продолжал:

— Я не думал сразу поразить ученый мир своим открытием, решив прежде проверить его здесь, в Клондайке. Эта игра и привела меня сегодня ко второй залежи клема, точно указав место, где лежит гнездо самородков.

— Как это? Скажите, месье Леон!

— Очень просто! Я руководствовался буссолью, как мореплаватель компасом.

Сначала в вертикальном положении игла оставалась неподвижной, потом направились к западу... Тогда я стал держать ее горизонтально, и это дало мне направление, потом опять поставил вертикально, и игла, повернувшись вокруг своей оси, образовала некоторый угол. Таким путем маленький инструмент и вел меня к цели, пока игла не остановилась вертикально. Здесь обозначилась залежь золота.

— Тогда мы можем философски отнестись к краже, совершенной мнимыми полисменами? — произнес все более пораженный молодой человек.

— Да, по-видимому!

— Что же касается леония, вашего металла, то я воображаю, скольких трудов и осложнений он стоил...

— О нет! — возразил Леон. — У меня ведь, подобно всем химикам, занимающимся открытием новых элементов, был руководитель. Вся моя заслуга, если только она была,

состоит лишь в приложении к практике теории знаменитого русского химика Менделеева!

— Как это?

— Вы хотите знать?

— Чрезвычайно любопытно.

— Постараюсь, насколько возможно, объяснить. Как известно, Лавуазье, исходя из закона, что путь светила зависит от его массы, массы окружающих тел и от расстояний между ними, пришел к выводу: «В некотором месте небесной сферы существует планета, которую никто не видел и существование которой даже никто не подозревает. Эта планета занимает такое-то положение, весит столько-то, описывает такую-то орбиту... Ищите ее, направьте свои телескопы на такое-то место и обязательно найдете».

Вычисления Лавуазье оказались так точны, что вскоре действительно астроном Галле нашел планету Нептун. Замечания Лавуазье аналогичны теории знаменитого Менделеева. С давних пор химики заметили, что некоторые элементы по своим химическим и физическим свойствам имеют определенное сходство, вследствие чего их и подразделили на группы, например, галогены — бром, хлор, йод.

Позднее установили периодическое отношение между атомными весами тел и другими их свойствами. Эта идея была разработана, проверена, приложена ко всем известным фактам и дала возможность установить более рациональную классификацию химических веществ. Менделеев еще глубже исследовал вопрос и придал ему полноту, приложив это периодическое отношение к будущим открытиям, так что теперь можно безошибочно обозначить наперед свойства неизвестных еще элементов. Великий русский химик, исходя из того принципа, что «химические и физические свойства простых элементов составляют периодические функции масс атомов этих элементов», расположил элементы в группах в порядке возрастания их атомных весов. Таким образом, получилась таблица, где собраны все до сих пор известные элементы, но со значительными промежутками между ними. Менделеев утверждал, что эти промежутки будут заполнены впоследствии открытием новых, еще неизвестных элементов, и заранее определил физические и химические свойства их.

— О! — произнес Редон со вздохом, похожим на мычание. — Кровь прилила к голове, в глазах мутится, хочется рычать, стрелять из револьвера, разбить что-нибудь!..

Леон, дружище, говори со мной по-китайски, по-иrokeзски, по-патагонски, на овернском и нижнебретонском наречии, но, ради нашей дружбы, ради всего, что тебя трогает, не говори более химическим языком!.. Умоляю тебя!..

— Но все это очень ясно, не правда ли, Жан? — сказал Леон. — Вы хорошо поняли?

— Гм!.. Мне кажется, я могу сформулировать тезис: так же как Лавуазье мог сказать астрономам после своих вычислений: «Там существует планета, ищите ее», так и Менделеев может сказать химикам: «Там существует элемент, ищите его».

— И его находят. Упорные, настойчивые умы долго бились и, наконец, заполнили некоторые пробелы в Таблице элементов Менделеева. Для примера назову вам галлий, открытый нашим соотечественником Лекоком де Буабодраном, скандий, открытый шведом Нильсоном, и германий, открытый немцем Винклером; все свойства этих элементов в точности соответствуют тому, что предвидел Менделеев... Со своей стороны и я пожелал прибавить свое звено в эту цепь. После долгих трудов мне удалось открыть леоний.

В этот момент послышался громкий храп: Редон, отчаянно боровшийся против одолевавшего его сна, сдался на милость Морфею, то же сделал Жан, и Леон, посмотрев на друзей, решил, что и ему не мешает последовать их примеру.

ГЛАВА 9

Серьезный случай. — Спасение. — Тяжелые раны. — Неожиданность. — Тоби 2-й. — Выводы полицейского агента. — Удивление пострадавших. — Приходится покинуть участок. — Возвращение. — Тоби не терял времени.

Печальный случай увенчал открытие золотого гнезда, найденного Леоном Фортемом с помощью таинственной буссоли.

Не подлежит сомнению, что лето действительно неподходящее в этих местах время для земляных работ: несмотря на крайние предосторожности, всегда следует опасаться обвалов, которые могут заживо погребсти под собой неосторожных рудокопов. Другой, не менее страшной опасностью для золотоискателя является выделение газов.

Лестанг и Дюшато усердно работали на участке. Усопнившись сначала в чудесных свойствах буссоли Леона, они теперь горячо уверовали в нее и, подстрекаемые жадной наживы, трудились, не жалея ни сил, ни пота, откапывая почву, кое-как подпирая стены ямы и углубляясь все больше и больше.

На третьи сутки случилась та катастрофа, какую и следовало предвидеть: произошел обвал и началось сильнейшее выделение газов.

Жан, Марта и Жанна возвращались из леса с вязанками дров, а Леон и Поль вертели ворот над ямой, доставая со дна с помощью большого ведра золотиносные комья земли, добываемые канадцами. Вдруг послышались какой-то глухой шум и страшные крики: «Помогите! Помогите!» Одновременно с этим из ямы распространился удушливый, отвратительный запах сероводорода. Не теряя времени, Леон прыгнул на дно ямы, имевшей полторы сажени глубины, и, убедившись, что рабочих засыпало чуть не до половины, крикнул: «Скорей давайте лопаты, заступы! На помощь!» К спасательным работам подключились Жан, обе девушки и Поль Редон. К счастью, выделение газов прекратилось и на дне можно было дышать, хотя и с трудом. Подгоняемые страхом за своих друзей, молодые люди работали с удвоенной энергией, и спустя два часа удалось, наконец, высвободить двух несчастных, без признаков жизни, с запекшейся кровью на губах.

Удрученная горем, Жанна бросилась к отцу, которого считала уже мертвым, испуская раздирающие душу крики. К счастью, Леон имел очень серьезные медицинские познания, и после двухчасовых усилий Дюшато и Лестанг были возвращены к жизни. Первый получил несколько ран, а второй сломал ногу. С большой ловкостью Леон с помощью Жана и Поля занялся лечением. Раненые испытывали большое облегчение, но — увы! — на долгие недели оказались неспособными ни к какой работе. Следовало во что бы то ни стало возвратиться в Доусон-Сити, чтобы посоветоваться с врачом и обеспечить беднякам необходимый уход.

Это значило: вся летняя кампания потеряна и новые раскопки участков придется отложить до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумлению, оба канадца были рады случившемуся.

— Наконец-то мы освободились от дела! — говорил старик, с благодарностью пожимая руки Леона. — Теперь обстоятельства не будут противодействовать вам!

— Да, — прибавил Дюшато стоически, — слишком большое счастье искуплено теперь нашими страданиями. Чтобы ублажить судьбу, требовалась жертва — и ею явились мы! А вы, господин волшебник, будете... человеком легендарным... откроете в долине Юкона громадную сокровищницу золота... гору или пещеру... «Мать золота»... Вы найдете ее, найдете!

В этот момент бедно одетый человек, утомленный дорогой, вежливо приблизился к нашей компании. Он был один и, должно быть, шел долиной вдоль реки.

Оба раненых находились уже в палатке вместе с девушками. Молодые люди вышли, чтобы позаботиться о возможно быстрой перевозке Лестанга и Дюшато в Доусон, и здесь, увидев незнакомца, ответили на его поклон с заметной холодностью: печальное приключение с мнимыми полисменами сделало их подозрительными. Однако пришедший, нисколько не смутившись, любезно проговорил:

— А! Месье Редон... Как я счастлив видеть вас!

Удивленный журналист внимательно посмотрел на незнакомца и вдруг воскликнул:

— Тоби!.. Вы здесь, мой brave Тоби! — и, протянув обе руки, обменялся коротким дружеским пожатием. Затем прибавил: — Дорогой Леон, позволь представить мистера Тоби, правую руку знаменитого Мельвиля. Мой добрый Тоби, рекомендую — мой друг Леон Фортен, первая жертва «Красной звезды»!

Оба энергично пожали друг другу руки, и Редон, который еще не пришел в себя от этой встречи, воскликнул:

— Ах, сколько произошло необыкновенных событий со времени получения вашей депеши из Бремена! Но скажите, пожалуйста, вы знали, что найдете нас здесь, или это счастливая случайность?

— Вы забываете о доусонских журналах, где помещены и биографии, и портреты, и автографы, и сообщения о ваших необыкновенных удачах. Сообщения очень опасные, поверьте мне, так как лучше скрывать свое богатство, чем кричать о нем на всех перекрестках!..

— Кому вы говорите это — наученным горьким опытом?!

— Разве уже произошло несчастье?

— Нас обчистили с неслыханной ловкостью. Украли все наше золото, это около трехсот тысяч франков!

— Так, значит, я прибыл еще раз слишком поздно.

О, почему вы не написали мне, как договаривались, в Ван-кувер или в Доусон-Сити!..

— Глупость... Непростительная забывчивость!

— Несчастье!.. Случилось большое несчастье!.. Худшее, может быть, чем вы думаете.

— Но извините, дорогой Тоби, я заставил вас стоять и даже не предложил выпить и закусить. Извините и не думайте худо о нашем гостеприимстве! Все, что здесь находится, принадлежит вам.

— Распоряжайтесь по своему усмотрению! — прибавил Леон.

— Благодарю, господа, от всего сердца, но не сейчас! Поговорим вначале о деле, так как время не ждет!

— Ну что же! Слушаем!

— Меня привело сюда не только желание увидеть вас: я выслеживаю бандитов.

— А местная полиция не спешит помочь вам?

— Она пускает в ход все средства, чтобы осложнить мою задачу, и даже не хочет признавать меня!

— Почему же?

— Желает во что бы то ни стало скрыть все совершающиеся здесь преступления, даже мелкие, чтобы не помешать новому притоку рудокопов в Клондайк. Ведь для новичков надо создать хотя бы видимость, что люди и капиталы здесь в полной безопасности, а в обществе царят спокойствие и доверие. Так, например, скрывается, что двое конных полисменов недавно обратились в дезертиров...

— Черт возьми! Наши воры! — вскричал Леон. — Должно быть, они уже далеко!

— Я имею основание думать, что их исчезновение не будет оглашено. Пропавших отнесут к умершим случайно во время отправления своих обязанностей.

— Но это преступление!

— Но, господа, не думаете ли вы, что начальник полиции будет рассказывать каждому встречному истину, которую я подозреваю и которую скоро подтвердят новые доказательства: оба полисмена, завлеченные в западню в Фурше, были убиты в харчевне и трупы их сожжены.

— Черт возьми! Что вы говорите, Тоби?!

— Убийцы же, взяв их форму, оружие и лошадей, отправились на северо-западный клем и украли у обладателей клема сто килограммов золота...

— Тоби!

— После этого они переехали через Клондайк, убили

лошадей, сожгли форму, уничтожили оружие и вернулись пешком в Доусон-Сити; награбленное же золото превратили в слитки и обменяли на банковские билеты... Войдя во вкус, бандиты остались в Доусоне, часто посещают увеселительные заведения, готовятся к новому подвигу и ждут благоприятного момента.

— Но, Тоби, вы рассказываете ужасные вещи!

— Ужасные или не ужасные, но это факты, которые, конечно, не увеличат доверия здешнего народа к властям и не будут способствовать успешному бизнесу. Отсюда ясно: власти все скроют. И только я буду знать, что убийцы несчастных полисменов и ваши воры — Френсис Бернетт и Боб Вильсон, главы «Красной звезды».

— Мои палачи! — вскричал Леон Фортен вне себя.

— Мошенники, продырявившие мне кожу, чтобы отправить на тот свет! — прибавил журналист.

— Гениальные бандиты, — продолжал важно Тоби, — с которыми я один веду войну!

— Но мы вам поможем!

— О, господа! Не сомневаюсь ни в вашем желании, ни в вашем мужестве, но...

— Сомневаетесь в нашей ловкости, не так ли? — спросил Редон.

— Скорее в ваших полицейских способностях!

— Не бойтесь, дорогой Тоби! Я сделал донесение, которое, скажу не хвастаясь, возбудит удивление самых ловких полицейских. Вы увидите, Тоби, увидите!

— Если так, господа, то лучше мне быть с вами. Оба бандита не оставили никакого следа в этой пустыне, но предчувствие говорит: они вернулись в Доусон. Нагрянем и мы в столицу!

— Ну, хорошо! Время, однако, и поесть!

Полицейский агент, приглашенный в палатку, был представлен маленькому обществу в качестве преданного друга Редона, прибывшего из Европы, случайно встретившегося здесь, в золотых полях. За столом ему рассказали о краже, о сопровождавших ее обстоятельствах, о бегстве двух ложных полисменов. И Тоби, слушавший внимательно, произнес между глотками кофе: «Кража при помощи хло-роформа — их излюбленный прием. Кто эти бандиты сомневаться долее невозможно».

По старой привычке, которую никогда не забывает настоящий полисмен, он бегло осмотрел канадцев и определил, что никогда раньше не встречал их, поэтому

держался настороже и побуждал других к тому же. Это взволновало Редона, который по выходе из-за стола, а затем и из палатки начал пылко протестовать:

— Дюшато — отец Жанны, этой удивительной девушки, которая находилась около мадемуазель Грандье! Я люблю ее от всего сердца, и высказывать недоверие невозможно!

— Кому?.. Отцу или дочери? — с улыбкой спросил Тоби. Редон не отвечал, он засмеялся и вернулся в палатку, где Жан и Леон начали уже приготовления к отъезду. Через шесть часов все было кончено, оставалось только условиться с перевозчиком, что было сделано в минуту. Затем положили в повозку обоих раненых, и она неспешно двинулась.

Это медленное путешествие заставляло Тоби бездействовать. Наконец, он потерял терпение и сказал:

— Подожду вас близ гостиницы. У меня будут уже наверное новости! — и помчался вперед.

Когда тридцать часов спустя караван остановился перед скромным приютом, Тоби, загримированный, неузнаваемый, мог с полным основанием сказать Редону:

— Я не потерял даром времени! Как только устроитесь, покажу вам лицом к лицу ваших воров!

ГЛАВА 10

Увселительные места в Доусон-Сити.— Тоби сдержал свое слово.— Лицом к лицу.— Воры и убийцы.— Скандал и арест.— Перед судом.— Обвинение.— Свидетели.— Поражение.— Приговор.— В тюрьме.— Торжество бандитов.

Наши друзья провели в Доусон-Сити уже двадцать четыре часа. Удобно устроив раненых во второй хижине, соседней с первой, они пригласили американского врача, и больные стали терпеливо ждать выздоровления. Никаких осложнений не предвиделось.

Тоби прибыл живописно одетым — был в широкополой шляпе, в голубой куртке с золочеными пуговицами, в галстук цвета индиго с белыми горошинками. На ногах — высокие сапоги. При этом — монокль в глазу, закрученные усы, довольный вид; он, словом, выглядел настоящим франтом... Полярного круга!

— Идите! — сказал он тихо в тот момент, когда наступила одиннадцатичасовая темнота.

Сделавшись равнодушными к обычаям европейской моды, надев панталоны и сапоги, измятую шляпу, фланелевую рубашку и куртку сомнительной свежести, Леон и Поль последовали за полицейским.

Оборванцы в живописных лохмотьях фланировали по улицам и медленно направлялись в увеселительные заведения — салуны, кафе, отели, освещенные приметными светильниками.

Отовсюду разнообразные инструменты издавали нестройные музыкальные аккорды, прерываемые выкриками людей-зазывал, которые за плату должны были завлекать в заведения возможно больше посетителей. Тоби провел своих спутников в обширное помещение, разделенное на три части: концертный зал, бальный зал и салун. В первом — бритые мужчины и накрашенные дамы выкрикивали модные куплеты. Во втором — джентльмены и леди, руководимые дирижером, усердно танцевали. В третьем — играли в рулетку, в трант-карант, в покер и баккара. Во всех трех залах пили, курили и жевали табак.

Однако нигде не замечалось ни тени настоящей веселости. Казалось, здесь веселятся по заказу, аплодируют без увлечения, танцуют нехотя, пьют, не чувствуя жажды, и играют не умея. Преобладал американский стиль, а всем известно, что американская веселость далека от шаловливости.

Но содержатели притонов, распределив в таком порядке развлечения, знают, что делают. Зрители концертного отделения мало-помалу приходят в возбужденное состояние, влекущее их к напиткам. Танцы усиливают разгоряченность гостей, и в игорную залу они переходят, что называется, совсем готовенькими...

Леон, Поль и Тоби, остановившись на несколько минут из любопытства в бальном и концертном залах, прошли в салун.

— Вы игроки? — спросил Тоби.

— Нет! — ответил Леон.

— А я слегка! — сказал в свою очередь журналист.

— Тем лучше! Тут проигрываются огромные суммы и, подозреваю, банкометы ловко передергивают!

В казино рассчитывались не деньгами, а жетонами, обмененными на золото в кусках или в виде песка. Сведенная к обмену фиктивных ценностей, игра, несмотря на азарт, теряла тут драматическую сторону, делавшую ее такой убийственной в игорных домах Калифорнии, Австралии и

Южной Африки, со времени открытия там копей. Настоящая трагедия происходила разве только в вертепе казначея, куда стекались действительно в неисчислимом количестве всевозможные ценности.

Наши трое друзей, войдя в зал, сразу были окружены дымом папирос и сигар, запахами вина и виски. Относительная тишина царила только среди игроков, теснившихся у столов, при свете керосиновых ламп. Слышался только шепот, и то скоро смолкший, звяканье стаканов, глухой шум постоянной ходьбы, иногда — крепкая брань, и над всем этим возвышался сухой, отрывистый голос банкометов, произносивших таинственные слова:

— Господа, ставки!.. Больше нельзя!.. Нечет, чет, красное!..

Пробыв несколько минут в зале и привыкнув к его атмосфере, Поль и его друг остановились близ стола, за которым восседало двое мужчин. Они были видны только на три четверти, но голоса их казались подозрительно знакомыми. Тоби прошептал только одно слово:

— Подойдем!

Ловко маневрируя среди понтеров, они скоро пробрались в первый ряд, посмотрели на лица говорящих, и взгляды их скрестились со взглядами более чем когда-либо невозмутимых банкометов. Молодые люди едва могли подавить крик удивления и гнева. Это они!.. Ложные полисмены!.. Воры!.. Двое негодяев, похитивших самородки!

Дрожь пробежала по телу, друзья побледнели и не слышали даже Тоби, напоминавшего о спокойствии. Наконец, они раздвинули игроков, подошли к банкометам и, ни слова не говоря, схватили их за шиворот. Те, застигнутые врасплох, стали сопротивляться и звать на помощь, но руки Поля Редона и Леона Фортена были как клещи.

— Что происходит? Прекратите насилие! — вмешались игроки, готовые принять сторону банкометов.

— Эти люди — бандиты! — вскричал звонким голосом журналист. — Неделию назад они украли двести фунтов золота, переодевшись в форму полисменов, которых убили!

А Леон подхватил с еще большей горячностью:

— Да, бандиты, совершившие в Англии и Франции самые ужасные преступления! Это два главаря шайки «Красная звезда»!

Услышав такое обвинение, симпатии общества уступили место весьма понятному негодованию. Некоторые игроки стали даже награждать банкометов очень чувствительными

пинками. И тогда в интересах правосудия и справедливости начал действовать Тоби.

— Джентльмены! — вскричал он. — Прошу выслушать! Вот документ, подписанный лорд-шефом Лондонского суда, с приказанием задержать этих людей во всяком месте британской территории...

— Хорошо! Арестуем их! — прервал один игрок.

— Отведем к начальнику полиции! — прибавил другой.

— На суд! — сказал третий.

Негодяи, лишенные возможности убежать и даже сопротивляться, вскричали:

— Мы лучшего и не желаем! Ведите нас к судьбе! Он оправдает нас!

Двое добровольных полисменов, какие всегда находятся в подобных случаях, взяли по веревке и крепко связали руки банкометам. Последние, боявшиеся сначала подвергнуться суду Линча, ободрились, подняли голову, вздернули плечи и иронически посматривали на окружающих, как бы говоря: смеется тот, кто смеется последним!

Это была невиданная дерзость, и французы едва сдержались.

Судьи не оказалось дома, как и начальника полиции. И все-таки арест, узаконенный указом, имевшимся у Тоби, был произведен. Банкометов посадили в тюрьму.

Через сутки, в соответствии с английским законом, состоялся первоначальный допрос в присутствии двух адвокатов подсудимых; как и везде, в Доусон-Сити быстро появились ловкие юристы, ищущие золота и кляузных дел. Тоби и оба француза присутствовали здесь в качестве обвинителей.

Пленники называли себя: один — Ребенон Смитом, другой — Джо Нортон.

— Это ложь! — вскричал Тоби. — Высокого зовут Боб Вильсон, а того, кто пониже, — Френсис Бернетт. Оба хорошо известны лондонской полиции, их приметы есть в Скотланд-Ярде. Вот, впрочем, господин судья, дело, снабженное печатями и подписями.

Судья взял бумаги, быстро пробежал их, обратив внимание особенно на приметы, и велел обвиняемым приблизиться, затем сказал:

— Невозможно сомневаться... Впрочем, я громко прочту эти документы, чтобы все: адвокаты, свидетели и обвиняемые могли удостовериться в тождестве примет преступников и обвиняемых.

Когда он кончил, адвокаты не могли удержаться от многозначительной мины: бесполезно было отрицать полное сходство банкометов с убийцами.

— Что вы имеете сказать? — спросил судья ловких проходимцев.

— Прежде всего, в чем нас обвиняют? — нахально спросил Ребен Смит, или Боб Вильсон, до сих пор молчавший.

— Потрудитесь сформулировать свои жалобы! — обратился судья к трем друзьям.

— Я обвиняю этих людей в том, что они украли из нашей палатки около двухсот фунтов золота, погрузив нас самих при помощи хлороформа в глубокий сон! — сказал Леон Фортен.

— А я, — подхватил Тоби, — обвиняю их в том, что в деревне Фурш они завлекли в ловушку и убили двух конных полисменов, а трупы своих жертв сожгли вместе с домом, где совершили преступление.

— Есть у вас доказательства? — спросил судья.

— В свое время я представлю их!

— Хорошо! Это все?

Между тем обвиняемые только улыбались, тихо переговариваясь с адвокатами, глядевшими на них с изумлением. Наконец, Редон заговорил:

— Я, в свою очередь, обвиняю этих людей в попытке умертвить меня около шести месяцев тому назад в Париже... В подлом убийстве ночью старика на улице Сен-Николя в Париже, в преступлениях, при разборе которых предписано британскими властями выдать преступников французскому суду...

— А я, — опять поднял голос Леон Фортен, — обвиняю их в дьявольских махинациях, доведших до самоубийства француза Грандье... Обвиняю в том, что они выдали меня за виновника своих преступлений и засадили в тюрьму!..

— Подтверждаю, что это истина! — прервал Тоби. — Я был тогда во Франции по приказанию своего начальника, инспектора Мельвиля. Потеряв и вновь найдя след этих людей (слишком поздно, к несчастью!), я отплыл вместе с ними пятого мая из Бремена в Нью-Йорк на «Императоре Вильгельме» и все время держал их под наблюдением.

— Но, — спросил судья, — почему же вы не арестовали их раньше?

— Потому, что английские власти не позволяют этого в случае, если преступления совершены во Франции. Кроме

того, я тогда еще не получил приказа об аресте, присланного недавно по телеграфу. Наконец, они в то время еще не совершили преступления на канадской территории. Все эти условия, делающие арест законным, существуют только несколько дней.

— Верно! — произнес судья и прибавил, обращаясь к подсудимым: — Что вы имеете сказать?

— Многое, господин судья! — отвечал Джо Нортон, или Френсис Бернетт. — Прежде всего, несмотря на сходство примет, вы в заблуждении; я это сейчас докажу. Полицейский агент, обвиняющий нас, утверждает, что мы пятого мая сели в Бремене на немецкий корабль. Вот паспорт и расписание, доказывающее, что мы сели седьмого мая в Ливерпуле на «Луканию», судно общества Кунарда. Агент был, вероятно, жертвою сходства или мистификации. То, что мы были в Ливерпуле между пятым и седьмым мая, могут под присягою подтвердить капитан, счетный агент и пассажиры «Лукании». Далее, наши обвинители утверждают, будто мы убили в Фурше двух полицейских и украли на клеме двести фунтов золота. Я прошу их сказать, в какой день и час совершены оба преступления. Это можно?

— Конечно! — сказал судья. — Господа, вы слышали вопрос обвиняемого, потрудитесь отвечать!

— Убийство полисменов было совершено второго июля между четырьмя и шестью часами вечера! — сказал твердым голосом Тоби.

— Вы хорошо знаете день и час?

— Называю точное время!

— Что касается кражи, — сказал, в свою очередь, журналист, — то она была совершена четвертого июля, между одиннадцатью часами и полуночью.

— Хорошо! — проговорил Джо Нортон. — Теперь мы уличим вас в клевете, злоупотреблении силой и ложном свидетельстве.

— Посмотрим!

— Господин судья, прикажите, пожалуйста, привести всех свидетелей, обыкновенно посещающих наш дом. Мой товарищ и я представим вам лист с тридцатью подписями... Можете получить еще столько же, если пожелаете!

— Значит, вы не признаете себя виновными?..

— О, мы невинны, как новорожденные младенцы!

Судья приказал отвести их в тюрьму, пока не будут допрошены свидетели, назначил завтрашний полдень для

продолжения разбирательства и прибавил, обращаясь к трем друзьям:

— Что касается вас, господа истцы, то потрудитесь пожаловать в этот же час!

Леон, Поль и Тоби удалились, заинтересованные и даже обеспокоенные такой уверенностью бандитов, дьявольская ловкость которых была им хорошо известна. Сыщик, наскоро определив положение, прибавил:

— Надо ожидать всего, особенно — невозможного и неправдоподобного!

И он не ошибся. На другой день тридцать наиболее почтенных граждан Доусон-Сити явились в суд. Честные и справедливо уважаемые, они шумно болтали, курили, жевали табак, спрашивая себя, зачем этот вызов. Здесь были представители всех стран, особенно много канадцев и янки.

В то же время прибыли адвокаты и обвинители; последние все больше беспокоились. Затем ввели обвиняемых, и допрос свидетелей начался.

Френсис Бернетт с ироническим спокойствием сказал судье:

— Мы, мой товарищ и я, обвинены в том, что совершили убийство в деревне Фурш второго июля, между четырьмя и шестью часами вечера и на другой день украли между одиннадцатью часами вечера и полуночью двести фунтов золота на клеме Верхнего Эльдорадо. Хорошо! Я клятвенно утверждаю, что мы не покидали своего жилища с самого приезда в Доусон, что нас все видели в эти дни здесь и что, стало быть, мы не могли быть разом в двух местах, так далеко друг от друга находящихся. Потрудитесь допросить свидетелей!

Это заявление произвело действие взрыва и сразило троих друзей.

Первый свидетель назвал свои имена и прозвища, приложил губы к переплету Библии и громко сказал:

— С первого июня я посещаю каждый день заведение господина Ребена Смита и Джо Нортон. Утверждаю, что с первого июня видел того и другого по крайней мере два раза в течение суток.

— Не помните, видели ли вы их второго и четвертого июля? — спросил судья.

— Я только что сказал и повторяю — все дни без исключения!

— Хорошо! Другой свидетель!

Второй свидетель дал аналогичное показание. Он

также часто бывал в заведении, в шесть часов и в полночь. Никогда Смит и Нортон не отсутствовали.

Третий, четвертый видели их каждый день, говорили с ними, пили в их компании, проигрывали деньги.

Остальные, вплоть до двадцатого, тридцатого и далее, подтвердили то же.

Ни Ребен Смит, ни Джо Нортон, обвиняемые в преступлениях, для совершения которых необходимо было несколько дней, не покидали даже на шесть часов Доусон-Сити.

Убитые этим, Леон, Поль и Тоби не верили своим глазам, своим ушам...

Конечно, свидетели говорили правду. Но трое друзей сохраняли, несмотря на это, уверенность, которую ничто не могло поколебать. К несчастью, это загадочное явление было необъяснимо, а одной уверенности, чтобы выиграть дело, недостаточно: требовались доказательства. Между тем бандиты, спасенные благодаря алиби, стали в позу оскорбленных. Устами своих адвокатов они принесли на обвинителей жалобу в преступном доносе, ложной клятве, незаконном аресте, оскорблении чести и т. п. и т. д... Обвинители стали обвиняемыми! Толпа свидетелей покрыла их руганью, а судья приказал взять под арест.

Таким образом, в тот момент, когда убийцы получили свободу, жертвы были заключены в тюрьму. Но и это было еще не все: Смит и Нортон, в которых наши друзья (более, чем когда-либо) видели Бернетта и Вильсона, потребовали компенсацию за моральный ущерб в двадцать тысяч долларов!

Тоби, Поль и Леон, бывшие только что героями дня, вооружили против себя общественное мнение. Голос народа, редко бывающий голосом Бога, осудил их единодушно.

Судья также осудил их, и причем жестоко, назначив каждому трехмесячное заключение в тюрьме и десять тысяч долларов судебных издержек в пользу Ребена Смита и Джо Нортон.

Затем он приказал немедленно отвести виновных в тюрьму и дал только три дня на сбор нужной суммы денег.

Леон и Поль с твердостью встретили страшный удар и не произнесли ни слова.

Тоби же повернулся к негодяям и, взглянув прямо в лицо, сказал на прощание:

— Не торжествуйте слишком скоро и слишком сильно! Мы еще встретимся!

Часть третья

«МАТЬ ЗОЛОТА»

ГЛАВА 1

Восход и заход солнца.— Пятиминутный день.— При сорока пяти ниже нуля.— Ружейный выстрел.— Возвращение Жана.— Караван.— В пути.— В стране холода.— Жестокое разочарование.

— Ну что? Сколько градусов?

— Да всего сорок пять ниже нуля!

— Всего?! Вот это мило!

— А ты, дорогой Поль, не так уж болен и вовсе не такой уж мерзляк, как сам старался себя уверить. Скажи на милость, для чего ты вылез из своего спального мехового мешка?

— Все приедается, мой Леон, даже и сон, а я ведь проспал почти целые сутки и теперь захотел взглянуть на восход солнца. Только и лениво же оно здесь! Ну, поторопись, сонное светило, мы ждем тебя!

В ответ на это раздался звонкий молодой смех.

Стоявшие среди круга, образуемого рядом нагруженных саней на гладкой снежной полянке, Поль Редон и Леон Фортен обернулись.

В десяти шагах от них стояла заиндеветая юрта, откуда вышли два человека, пол и возраст которых трудно было определить. Залитые красноватым светом багрового сияния, фигуры приближались к молодым людям.

— Здравствуйте, мадемуазель Марта, не правда ли, я угадал, что это вы?

— Ну да, на этот раз угадали! — отвечала Марта Грандье. Поль Редон и Жанна Дюшато также обменялись рукопожатиями.

— Не правда ли, мы теперь похожи на медведей, поднявшихся на задние лапы? — засмеялась Марта.

— Редон и я — пожалуй... но вы...

— Мы до смешного похожи на вас в этом полярном наряде, с поднятыми меховыми воротниками, доходящими

до глаз, в шапках, надвинутых на самые брови, в меховых шароварах, заменяющих юбку, в синих очках, скрывающих глаза.

— Не желаете ли прогуляться немного? — предложил журналист.

— Охотно! — согласилась уроженка Канады. — Но надо надеть лыжи. Не бойтесь, я не буду смеяться, если вам случится разок-другой растянуться на снегу с непривычки. С моей помощью вы все скоро станете заправскими лыжниками, что необходимо в наших краях.

И обе молодые пары, надев лыжи, обошли круг, огражденный саями и охраняемый надежно стражей из упрямых собак, тоже проснувшихся и лениво потягивавшихся на снегу, в котором ночевали.

Такие встречи и прогулки происходили ежедневно во время восхода солнца, когда звезды постепенно бледнеют и затем исчезают, а утренние сумерки становятся все лучезарнее, и вдали выплывает из тумана безбрежная снежная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. В воздухе тихо, не ощущается ни малейшего дуновения ветерка — только благодаря этому и можно выносить здесь страшные морозы. Но вот над землей, показывая вначале лишь багрово-красный краешек, медленно выплывает громадный малиновый диск, окрашивающий своими лучами девственно-белый снег в нежно-розовый тон. Соприкасаясь нижним своим краем с линией горизонта, этот диск минуты две-три остается неподвижным, а затем постепенно начинает таять и, наконец, совершенно исчезает.

Внезапное исчезновение дневного светила невольно производит удручающее впечатление и на людей, и на животных. И хотя после того несколько часов длятся сумерки, все-таки день, в астрономическом смысле слова, уже прошел, и до следующего восхода остается ждать двадцать три часа и пятьдесят минут — не более и не менее.

Наши друзья готовили обед, снимали кое-что из верхней одежды, грелись у печки, затем опять выходили на двор кормить собак, а в промежутках между делом дрогли в юрте, на дворе, у печки, в постели, словом, повсюду и везде.

— Бр-р-р! Однако не сладко зарабатывать насущный хлеб в этом ледовом аду! — промолвил Редон.

— Не грехи, мы получили сто двадцать тысяч долларов за клем. Разве это худо? Право, нам не так плохо живется здесь!

— О, ты неисправимый оптимист! По-твоему, все прекрасно!

— Да, потому что я счастлив! — сказал Фортен, кинув многозначительный взгляд Марте, опиравшейся на его руку.

— Да, конечно! Ты счастлив... но от этого теплее в Клондайке не становится. Вперед, мадемуазель Жанна, не то, я чувствую, сейчас превращусь в ледяной столб.

— Во всяком случае, ваш язык еще не замерз, месье Поль, это не подлежит сомнению! — отвечала девушка, и все трое весело рассмеялись. — Вы называете эту страну снегов и морозов Ледяным адом, господа? Но, право, грешники здесь — люди веселые, хотя иные и ропщут на свою судьбу!

— Как долго нет Жана! — проговорила вдруг Марта, слегка озабоченная продолжительным отсутствием брата.

— Не беспокойся о нем, — сказала Жанна, — ведь он уже не ребенок: ему шестнадцать, а в этом возрасте молодые канадцы предпринимают в одиночку экспедиции, которые продолжаются иногда целые недели.

В этот момент, как бы в подтверждение ее слов, в тощих кустарниках, росших на гряде небольших возвышенностей, тянувшихся к западу, раздался выстрел.

— Вот видите! — воскликнула Жанна. — Это его винчестер... а там вон и дымок от выстрела!

— Я решительно ничего не вижу! — произнес журналист. — И положительно не понимаю, как вы можете отличить выстрел из его ружья от выстрела такого же винчестера вашего батюшки или Лестанга!

— Выстрел — это голос ружья, и каждое имеет свой характерный, особый звук, который для нас, детей страны охоты, представляет ту же разницу, как и голоса людей! — наставительно проговорила канадка. — Что же касается отца или Лестанга, то они с индейцем, который обещает показать дорогу к Золотой горе, не могут вернуться раньше, чем через два дня.

— У вас просто на все имеются ответы, и мне волей-неволей приходится молчать! — отвечал молодой человек.

Между тем Жан на своих легких лыжах с удивительной быстротой приближался к ним. Чувствуя себя превосходно в наряде эскимоса, бодрый и румяный, юный лиценст казался сильным, здоровым мужчиной.

— Ну что? Какой была охота? — спросил Леон.

— Очень удачной, — весело отозвался юноша, — я

уложил на месте двух зайцев, белых, как горностаи, и, кроме того, прелестное животное, которое по некоторым соображениям принял за вапити*, оно ростом с жеребенка, с роскошными ногами. Я захватил с собой всего один окорок, но и тот весит не менее двадцати фунтов!

— Ну, да, конечно, это вапити,— подтвердила молодая канадка.— Вас можно поздравить: таким трофеем гордятся даже самые ловкие и смелые охотники моей страны.

— Нет, право, удивительный молодчина наш юный Немврод: по двадцати часов кряду проводит в снегах, без всяких путеводителей, кроме небесных звезд да своего компаса, спит под открытым небом на морозе, когда и белые медведи замерзают,— и все ему нипочем!

— Нет, месье Поль, прошу извинить, на этот раз я спал не под открытым небом, а в чудном гроте или, вернее, в пещере с песчаной почвой, где температура даже без костра и печей весьма высокая. Туда я стащил разрубленного топором на части вапити и, завалив вход снегом, явился к вам, чтобы захватить санки и отправиться обратно за мясом, которое, судя по всему, должно быть превосходнейшего вкуса!

— О, ваше открытие, Жан, неоценимо для нас! Мы превратим пещеру в склад для провианта и, если она достаточно велика, сможем даже жить в ней, пока будем разыскивать «Мать золота».

— По всей вероятности, очень велика: над нею возвышается целый холм!

— А далеко это отсюда?

— Да часов семь ходьбы для привычного человека, а для нашего каравана с собаками и саними не менее полу-суток!

— Ну, все равно, как только Жан успеет обогреться и отдохнуть, надо будет пуститься в путь. В этой пещере нам будет несравненно лучше, чем под открытым небом!

— Я готов хоть сейчас! — сказал Жан.

— Нет, нет,— необходимо плотно поесть на дорогу и собраться!

После хорошей, основательной закуски стали снимать палатку и вырывать железные скобы креплений, все это сложили вместе с домашней утварью. Маленький караван, состоявший из пяти саней, запряженных двадцатью эскимосскими собаками, дружно тронулся в дорогу.

* Вапити — канадский олень.

Местность повсюду была совершенно ровная, а плотный снег настолько тверд, что полозья почти не уходили в него, и возки легко скользили по поверхности, что значительно облегчало путь. Собаки бежали бодро, люди на лыжах иногда подсобляли им, подталкивая сани сзади. Жанна направляла поезд, и собаки, повинаясь ее голосу, весело бежали к востоку. Луна светила вовсю, время от времени Жанна останавливала караван, кто-нибудь из мужчин брал привязанную сверху лопату, нагребал довольно высокий снежный холм, и поезд трогался дальше. Эти возвышения служили путеводными столбами для Дюшато и Лестанга: прибыв к месту прежней стоянки, они должны были по этим знакам отыскать новое местопребывание своих компаньонов.

Долгое время путь был гладкий, томительно-однообразный, но удобный; вдруг местность изменилась: со всех сторон теснились темные глыбы камней, казавшихся черными при ярком свете месяца. Руководствуясь указаниями Жана, маленький поезд спустился в небольшую ложбинку, окруженную со всех сторон скалами и замыкаемую высоким холмом, почти горою, у подножия которой, точно туннель, чернел вход в пещеру.

— Вот она! — воскликнул Жан.

Еще минута, и все принялись весело расчищать снег. Туша вапити была на месте, только успела уже совершенно заледенеть. Собак поспешно выпрягли, предоставив их самим себе, а сани выстроили полукругом перед входом; только затем наши друзья начали осматривать новое жилище.

Они утомились, и каждый думал прежде всего о своей постели. Все спешили достать из саней предметы первой необходимости и устроиться на ночлег, а Жан, вооружившись маленькой керосиновой лампой, проник в глубь пещеры. Суженная у входа до полутора аршин в ширину и менее сажени в высоту, пещера эта представляла собой нечто вроде коридора, затем вдруг расширялась настолько, что образовывала большой круглый зал, стен которого не было видно в темноте.

Здесь оказалось настолько тепло, что меховые одежды стали излишни. Все восторгалось открытием Жана, сознавая, что впоследствии, когда входное отверстие завесится какой-нибудь шкурой, жилище будет просто превосходным. Поставили печку, зажгли лампу и стали готовить чай. Леон в это время достал свою буссоль. Удивительная

точность прибора была такова, что ни разу с момента, как наши путешественники вступили на золотоносную почву, стрелка не оставалась абсолютно неподвижной. Так как золото здесь встречается повсюду, она постоянно отклонялась то в одну, то в другую сторону, то вниз, то вверх, указывая на присутствие драгоценного металла в недрах земли. Но на этот раз стрелка была совершенно неподвижна. Напрасно он наклонял и встряхивал буссоль, напрасно постукивал по ней ногтем,— ничто не помогало; он встревожился: уж не испортился ли прибор, и, достав из маленького кожаного мешка самородок золота величиной с орех, поднес его к своей буссоли. Обыкновенно в таких случаях игла делала быстрый поворот и следовала направлению самородка, но теперь она даже не дрогнула. Холодный пот выступил на лбу молодого человека: очевидно, золото уже не действовало на леоний... Что же теперь делать?

ГЛАВА 2

Фанатики золота.— Тайна индейца атна.— Отправление.— В пути.— Надо воздействовать.— Первая победа.— Подвиги школьника.— Пир.— Кошмар.— Смертельная опасность.

Все золотоискатели Клондайка одержимы мечтою найти «Мать золота», ту сказочную залежь драгоценного металла, которая, по рассказам, должна содержать золота более, чем на целый миллиард. На эту тему существует даже легенда, известная индейцам с незапамятных времен и распространяемая теперь с особым усердием золотоискателями. Многие уже стали ее жертвой, но, несмотря на это, находятся все новые и новые фанатики, готовые переносить самые страшные мучения, идти на верную смерть ради своей золотой мечты.

Это те же алхимики средних веков, ищущие философский камень: им мало богатейших россыпей золотоносного песка, мало даже самых крупных самородков; подавай лишь те сказочные залежи, те сплошные пласты драгоценного металла, которые прозваны «Матерью золота». Остальное для них не представляет почти никакой ценности. Это какие-то маньяки, загипнотизированные жаждою несметных богатств. Одним из таких фанатиков был и Пьер Лестанг, рудокоп и страстный золотоиска-

тель, влекомый химерой «Матери золота». Между тем он был, пожалуй, единственным человеком, невероятные, упорные усилия которого могли в конце концов увенчаться успехом. Долгие годы он жил среди индейцев, скрытных и недоверчивых по отношению к бледнолицым; только в прошлом году, когда Лестанг спас жизнь одного из вождей, индейцы подружились с ним, еще раз доказав свету, что благодарность и признательность — добродетели, присущие людям любого цвета кожи.

— Я знаю, что ты хотел бы найти желтое железо, до которого так жадны все бледнолицые,— сказал ему однажды индеец,— и укажу место, где его так же много, как простых камней, и где глыбы его так велики, как вот эти обломки скал!

Лестанг слушал с замиранием сердца. Индеец дал понять, что залежи «желтого железа» находятся очень далеко, места те труднодоступны и опасны, но человек, упорный и настойчивый, смелый и отважный, всегда достигает желаемого.

«О, это, наверно, «Мать золота»! Да! Да! Не подлежит сомнению!» — обезумев, мысленно повторял Лестанг.

— Знаешь, брат мой, надо идти искать это желтое железо! — обратился он к краснокожему.

— Если брат мой хочет, пойдем! — просто отвечал индеец.

Дело было зимою, а в том году холода доходили до пятидесяти двух градусов ниже нуля. И все-таки двое смельчаков пустились в дальний и трудный путь. Претерпевая страшные лишения, эти отважные люди упорно шли к цели; однако, несмотря на все усилия, им не удалось достигнуть обетованной земли. Лишившись всего необходимого, полуживые от холода и голода, съев по дороге своих собак, потом их шкуры, ременную упряжь саней, они вернулись к индейцам более похожие на живые скелеты, чем на людей, состоящих из мяса и костей.

Тогда Лестанг понял, для достижения цели необходимы другие средства и условия и, расставшись со своими друзьями-индейцами атна, отправился на Юкон, где нанялся в рудокопы и стал копить деньги, в надежде набрать необходимую сумму для снаряжения новой экспедиции.

Случай столкнул старика с нашей компанией франко-канадцев, и вскоре он сделался одним из членов этой

дружной семьи, окружившей его уходом, ласками и заботой. И чувство глубочайшей признательности побудило рудокопа, как когда-то индейского вождя, открыть друзьям все, что он знал о «Матери золота».

— Надо идти туда, надо отыскать эти чудовищные сокровища! — Лестанг услышал в ответ почти то же, что много лет назад сам произнес в подобной ситуации.

Но теперь, как раз теперь, труднейшая экспедиция имела хорошие шансы на успех. После первого блистательного дебюта в стране снега наше маленькое общество испытало немало горьких неудач: во-первых, кража гнезда самородков, затем ужасный случай с двумя канадцами, чуть было не стоивший им жизни, потом несправедливое и возмутительное обвинение, арест, трехмесячное тюремное заключение и штраф в пятьдесят тысяч франков, которому подверглись Поль, Леон и Тоби. Когда же им вернули свободу, пришла зима, холодная, долгая, суровая. Правда, это самая благоприятная пора для разведок, но наши франко-канадцы были не особенно склонны к подобного рода работе, к тому же громадное большинство золотоискателей, англосаксов или космополитов, стало смотреть на них после тюрьмы косо и недоверчиво — интриги господ Боба Вильсона и Френсиса Бернетта сделали свое дело: друзьям не хотели сдавать внаем ни одной, даже самой жалкой лачуги под жилье, никто не соглашался работать на их клеме, порой они наталкивались и на прямые публичные оскорбления.

Дальнейшее пребывание в Доусон-Сити оказывалось невозможным, и они продали свой великолепный участок, получив сто двадцать тысяч долларов чистоганом, хотя эта концессия стоила вчетверо больше. Ничем более не связанные, смельчаки решили, невзирая на все ужасы Ледяного ада, готовиться к встрече с «Матерью золота». Быстро снарядили экспедицию, сделали громадные запасы провианта, необходимой одежды, динамита, орудий и оружия, снарядов и керосина. Все это разместили на шести саниах так, чтобы на каждом находилось по шестой доле всего перечисленного — мера, необходимая на случай гибели или пропажи одного или нескольких возков.

Каждые сани должна была везти упряжка из пяти сильных, здоровых, хорошо обученных собак. Но для сбережения их сил Лестанг предложил по крайней мере на первой части пути заменить собак лошадьми, нанятых пусть даже за неслыханно высокую плату.

Маленький караван двинулся через проток Юкона по льду толщиной в двенадцать вершков; лошади везли кладь, а сами участники экспедиции шли пешком, почти по колено в снегу.

В шесть дней они успели пройти восемьдесят миль, затем лошади и проводники вернулись обратно в Доусон-Сити, и наши друзья остались одни. План старого Лестанга, избранного единогласно начальником экспедиции, заключался в том, чтобы сначала достигнуть всем вместе того места, до которого с индейцем он прежде уже доходил, а затем, разбив стоянку и оставив там почти всю экспедицию, вдвоем с Дюшато отправиться в индейскую деревню за старым другом из племени атна. Под предводительством последнего маленькое общество должно было отправиться туда, где, по словам легенды, находится золотое сердце Юкона.

Вся первая половина программы была выполнена, и молодые люди вместе со своими мужественными спутниками ожидали только возвращения двух канадцев с индейцем атна. Прошло более двух недель с тех пор, как Лестанг и Дюшато ушли, более двух недель оставшиеся скучали в своих палатках.

Чтобы избежать сидячей жизни, столь пагубной в этих широтах, молодые люди решили ежедневно посвящать несколько часов занятиям на вольном воздухе.

Леон и Марта совершали длинные прогулки, беседуя о прошлом и при сорока пяти градусах мороза строя планы на будущее. Что же касается журналиста, то он сначала предпочитал оставаться в палатке, греясь у печки, невзирая на подтрунивания товарищей. Только Жанна смогла, в конце концов, переупрямить его.

Это была первая победа молодой уроженки Канады над парижским «зябликом», утонченным и мниморасслабленным. Девушке удалось заставить Редона выходить на воздух ежедневно хоть на полчаса, и с этого времени здоровье репортера начало заметно улучшаться. Он понемногу привыкал к морозу, меньше кутался, перестал вечно сидеть у огня.

Ну а Жан Грандье чувствовал себя в этой насквозь промерзшей стране, как в родной стихии. Смелый и отважный, полный сил и здоровья, он не пугался никакой стужи, никакой непогоды, охотился целыми днями и почти никогда не возвращался без добычи. Этот шестнадцатилетний мальчик, не поморщившись, шел на медведя, на вапи-

ти — большого северного оленя, который, даже насмерть раненный, обыкновенно кидается на охотника и одним ударом рогов пропарывает ему живот. Презирая всякую опасность, юноша далеко уходил от лагеря в сопровождении лишь верного ньюфаундленда Портоса, тоже чувствовавшего себя прекрасно среди морозов и снегов. Товарищи часто называли юношу траппером, настоящим траппером — северо-американским охотником, ремесло которого требует особой силы, ловкости, мужества.

Во время одной из своих экскурсий юноше и удалось, как мы знаем, найти пещеру, где и поселилось все маленькое общество. Здесь им уже не грозила никакая опасность ни от мороза, ни от диких зверей. При более основательном осмотре оказалось, что уже на некотором расстоянии от входа температура была не ниже минус трех, а немного подалее вглубь термометр показывал нуль, тогда как в палатке, несмотря на раскаленную печь, никогда не бывало выше минус пятнадцати.

Пещера эта разветвлялась в разные стороны в виде гусиной лапы тремя узкими коридорами.

Наши друзья, не имея особой надобности, не дали себе труда осмотреть их, разместившись в среднем круглом зале, достаточно просторном и удобном. Собаки устроились у входа на мягком песке и тут же принялись пожирать остатки убитого Жаном вапити. Между тем хозяева их принялись с особым наслаждением жарить на вертеле, приспособленном к печке, сочный окорок этой дичины. Вкусный запах жареного мяса распространился по всей пещере, проникая и во все темные коридоры. После долгой веселой беседы все с удовольствием предались сну.

Только одна маленькая керосиновая лампа, надетая на высокую бамбуковую трость, освещала эту общую спальню, разделенную надвое занавеской из полотнища палатки.

Все мирно почивали в продолжении нескольких часов.

Вдруг Поль Редон, спавший в глубине пещеры, внезапно пробудился от ночного кошмара. Ему снилось: какая-то страшная тяжесть налегла на грудь и давит его, потом кто-то перекатывает с бока на бок и топчет, топчет... В висках застучало, сердце усиленно забилося, наконец, он сделал страшное усилие и открыл глаза.

Ужаснейшее зрелище представилось ему при свете маленькой лампы, из груди вырвался страшный хрип: действительность оказалась кошмарнее сна.

ГЛАВА 3

Серый медведь.— Прерванный сон.— Выстрел.— Жан и Леон.— Редон представляет собою поле битвы.— Героиня.— Самообладание.— Свойство минеральной эссенции.— Смерть гризли.

Без сомнения, самое громадное, самое сильное и самое свирепое животное из всех диких обитателей Нового Света — серый медведь, или гризли. Несмотря на свои размеры, он проворен и ловок, как пантера, сильнее, чем бизон, и всегда находится в ярости, всюду оставляет за собой смерть и разрушение. Средней величины гризли имеет в длину сажень и двенадцать вершков и весит около сорока пудов, при этом отличается необычайной живучестью: были примеры, когда пробитый несколькими пулями медведь, из которого кровь лилась, как вино из бочки, нагонял коня, пущенного вскачь, ударом своей могучей лапы переламинал ему хребет, сбрасывал всадника и, растоптав его ногами, раздирает в клочья.

Облаченный непроницаемой броней из мускулов, жира и толстой, плотной шкуры, он почти неуязвим; не только холодное оружие, а даже и пули редко могут достать главные жизненные органы этого страшного исполина. Чтобы уложить зверя, свинец должен пройти ему в глаз, в ухо или прямо в сердце.

Вот почему ожерелье из когтей серого медведя считается самым славным и драгоценным украшением воина-индейца, явным доказательством его несомненного мужества, ловкости и силы. К счастью, эти страшные животные встречаются редко, но зато там, где появляются, наводят ужас на целую окрестность.

По чистой случайности пещера, открытая Жаном, оказалась берлогой пары таких чудовищ. Эти медведи, вероятно, недавно поселились в одном из темных коридоров и легко пробудились от зимней спячки под влиянием вкусного запаха жареного мяса и приятной теплоты. Кроме того, гризли, отличающиеся тонким обонянием, возможно, почувяли и присутствие человека, мясо которого для них особенно лакомо. Поэтому немудрено, что один из серых гигантов, руководствуясь инстинктом, отправился прямо туда, где наши друзья прекрасно расположились на ночлег.

В первый момент полярный господин остановился, удивленный видом непривычных предметов и фигур спящих

людей, и, поднявшись на задние лапы, словно о чем-то размышлял; нечто похожее на звериную усмешку исказило на мгновение его громадную пасть, но любопытство взяло верх, и он, опустившись на все четыре лапы, осторожно подкрался к ближайшему спальному мешку, где лежал укутанный в меха Поль Редон.

— Медведь! Медведь! Помогите!! — завопил не своим голосом несчастный, как только успел прийти в себя. Одним прыжком Леон вскочил со своего ложа и стал озираться, отыскивая оружие. Жан сделал то же. Крик ужаса невольно вырвался у них при виде страшного зверя, угрожавшего другу.

От этого крика пробудились и две девушки. Не понимая, что случилось, они стали растерянно суетиться, опрокидывая кое-какие вещи на своем пути. Шум смутил на мгновение серое страшилище. Тем временем Жан схватил ружье, у Леона очутился в руках нож; зверь при виде врагов с яростным ревом поднялся и пошел на людей.

— Не стреляйте! — крикнула Жанна, к которой вернулось ее обычное самообладание.

Но уже было поздно. Раздался выстрел — и густое облако дыма застлало на минуту все кругом. Выстрел раздробил зверю челюсть, но это сделало его еще опаснее. Он конвульсивно замотал головою, леденящий душу рев заполнил пещеру, кровь ручьем полилась из раны, но чудовище продолжало стоять на задних лапах и как будто топтало что-то под ногами.

Боже правый! Да ведь это Леон, кинувшийся с ножом на медведя, Леон, который одной рукой вцепился в косматую шерсть зверя, а другой наносил ему бешеные удары ножом в грудь и живот! Сам того не подозревая, отважный молодой человек повторил прием индейцев-охотников, решающихся вступать в рукопашный бой со свирепым гризли. Помертвев от страха, бледная, как саван, Марта, полагая, что Леон погиб, отчаянно протянула к нему руки, что-то крикнула и упала без чувств. Жанна подхватила ее, брызнула в лицо водой, не успевшей замерзнуть после ужина, и стала тереть виски, с замиранием сердца следя за ходом борьбы. Вдруг среди наступившей тишины — слышалось одно только тяжелое дыхание борющихся — раздался прерывающийся, придушенный голос:

— Черт возьми, господа! Никак не могу выбраться из своего мешка... Попадайте, вы совсем растоптали меня; я вам не поле битвы!

Это был голос Поля Редона, принужденного лежать неподвижно, — гигантский медведь и Леон топтали его ногами. Увидав это, Жан сделал другой выстрел; на этот раз пуля снесла зверю половину морды и глаз, но все-таки не проникла в мозг, и потому чудовище осталось живым.

Тогда, почти задыхаясь под тяжестью гризли, Леон по самую рукоятку всадил ему нож в живот. Зверь разжал свои лапы, пошатнулся и опрокинулся навзничь. Все было кончено, опасность миновала. Жан, бросив ружье, поспешил на помощь Полю Редону. Вдруг из глубины пещеры появился другой медведь, еще больших размеров. Свиристое животное набросилось на путешественников, — и пещера огласилась страшным ревом. Трое мужчин, которым все еще приходилось бороться с издыхающим врагом, не могли прийти на помощь двум бедным девушкам, а на них-то и собирался напасть второй медведь. Марта, непривычная к такого рода ужасам, снова лишилась чувств. Жанна же, более сильная, находчивая и энергичная, не найдя под рукою оружия, схватила висевшую над печкой салфетку, смочила в керосине, затем обмотала ею конец бамбуковой палки и быстро поднесла к лампе. Салфетка мигом воспламенилась и разом озарила всю внутренность пещеры. От вида яркого пламени медведь на минуту приостановился, но затем расвиристел еще больше и двинулся на Марту. Тогда мужественная девушка, собрав все силы, стала как можно глубже заталкивать шест в огромную открытую пасть зверя. Мгновенно шерсть на морде медведя опалилась, язык и небо, гортань и бронхи оказались сожженными. Несчастное животное опрокинулось, забарахталось, сжимая передними лапами обгорелую морду, затем началась страшная мучительная агония, длившаяся, впрочем, всего несколько минут.

Между тем Леон и Жан, силясь выбраться из железных когтей первого чудовища, опрокинутые им, оглушенные ревом, подавленные его непомерной тяжестью, почти не заметили второго медведя и не видели схватки с ним. Марта в нескольких словах рассказала мужчинам про смелый подвиг подруги.

— В минуту опасности всякий делает, что может и что знает! — скромно отвечала молодая канадка в ответ на поздравления и возгласы восторга.

— Да, — сказал Редон, — а я служил только подмостками для трагической сцены, в которой вы, господа, были героями и героинями!

— Тут добрых семьдесят пять пудов мяса и пара слав-

ных шкур на одеяла, постели или плащи, смотря по желанию! — заметил Жан, задумчиво следя за последними конвульсиями двух гризли.

— Эти чудовища не менее ужасны, чем пресловутая «Красная звезда»!

Леон невольно содрогнулся при упоминании имени, из-за которого столько выстрадал и пережил.

— Впрочем, что вспоминать об этих негодях теперь, когда они нашли в Доусоне свою «Мать золота»; им, вероятно, нет никакой охоты преследовать нас еще и здесь! — закончил Поль Редон.

Леон задумчиво покачал головой, промолвив свое любимое:

— Как знать!

ГЛАВА 4

Возвращение.— Канаду и краснокожий.— Ожерелье вождя.— Неутомимые.— В пути.— Стрелка вновь вращается.— Сомнения.— Кто прав? — «Здесь!» — сказал индеец.

Четыре дня или, вернее, четыре ночи, длившихся каждая двадцать три часа и пятьдесят пять минут, прошли с тех пор, как новые обитатели Медвежьей пещеры поселились в ней. Рожденным в средних широтах очень трудно бывает привыкать к тому, что мерцающие звезды, лучезарные сумерки и пламенеющие северные сияния — единственные светлые гости полярной тьмы. Мрак, царящий здесь долгие месяцы, удручающе действует на нервы. Среди снежной равнины, заглушающей шум шагов и всякий другой живой звук, люди движутся, как тени. Дух и тело здесь начинают погружаться в спячку. Единственной отрадой становится восход солнца, быстро сменяемый закатом. Впрочем, день ото дня великое светило все меньше и меньше поднимается над землей и со временем окончательно уходит за линию горизонта.

Прошло уже четверо суток со дня нападения на экспедицию гризли, шкуры которых были сняты и превращены в покрывала, а мясо разрублено на части, заморожено и убрано в одной из боковых галерей, превращенных в кладовые.

Наступила ночь, обитатели Медвежьей пещеры спали, когда вблизи послышались человеческие голоса. Собаки

глухо зарычали, проворные тени в облаке беловатого тумана засновали у входа.

— Отец! Это вы, да? — воскликнула Жанна, выйдя вместе со всеми навстречу шуму.

— Да, да, дитя мое! — воскликнул Дюшато, кинувшись обнимать дочь.

— Ну, съездили благополучно? Никаких бед? — наперебой задавали вопросы молодые мужчины.

— Все идет как по маслу! — отвечал Лестанг.

Собаки прибывших путников знакомились, виляя хвостами с остальными собаками, один Портос продолжал рычать — не мог успокоиться из-за незнакомца, приехавшего с канадцами.

— Молчи, Портос! — крикнул на него Жан. — А вас, друзья, прошу пожаловать в наше жилище! — указал он рукою на пещеру, ярко освещенную внутри двумя лампами.

Трое путников медленно и осторожно, чтобы не задохнуться от внезапного перехода к теплу после пятидесятиградусного мороза, направились внутрь. Очутившись в круглом зале пещеры, где весело топилась печь, они сбросили с себя меховые одежды и ощутили неописуемое блаженство после трудного пути.

— А, вот и грог готов! Как мы рады, что вы вернулись и что все обошлось благополучно!

— Грог — дело доброе, — произнес Лестанг, — но всему свое время. Позвольте мне прежде всего познакомить вас с моим другом Серым Медведем, которому известна тайна «Матери золота», тайна, которой он готов поделиться с нами!

— Ах, так его зовут Серый Медведь! Какое странное совпадение! — воскликнул журналист, кидая испытующий взгляд на вновь прибывшего — типичнейшего представителя краснокожей расы, с горбоносим, как на древнеримских монетах, профилем, с железными мускулами, с телом, точно вылитым из бронзы, с глазами черными, как уголь, и блестящими, как алмаз. Одет он был в простую охотничью блузу, индейские штаны с бахромой и мокасины, а на плечах носил шерстяной плащ, заколотый спереди длинной косточкой.

«Да... закаленный человек, — подумал про себя Редон, — в такой мороз и так налегке!»

На шее индейца висело любопытное ожерелье из медвежьих когтей.

— Это ожерелье вождя! По нему узнают человека

отважного, героя! — пояснил Лестанг, давно уже знакомый с нравами и обычаями краснокожих.

— А ведь и мы, Лестанг, герои и героини: мы здесь убили двух серых медведей! — произнес один из молодых людей.

Девушки в это время разносили кипящий грог. Индеец, постоянно живший среди канадских охотников и научившийся понимать по-французски, воскликнул:

— Ах! Брат мой убил двух гризли? Брат мой — великий вождь!

— О восторг! Он говорит языком героев Купера и Эмара! — воскликнул журналист. — Нет, уважаемый краснокожий, не я могу похвастать сим славным подвигом, в отличие от этой молодой девушки, мадемуазель Дюшато, моего товарища Леона Фортена — отважного галла, воина, ученого знахаря, да вот этого юноши, — указал он на Жана, — прирожденного траппера и вольного охотника!

Заинтересованный индеец попросил подробно рассказать все, как было. Леон тотчас же согласился удовлетворить его любопытство, и мудрый атна почувствовал невольное сердечное влечение к этим незнакомцам, совершившим тот же подвиг, каким сам он снискал славу соплеменников и звание великого вождя.

Затем мало-помалу разговор перешел к вопросу, наиболее занимавшему всех, — к вопросу о золоте. Встретив дружеский прием и ласку бледнолицых, угрюмый краснокожий и сам стал дружелюбным и общительным, — рассказав, что «желтого железа» там, куда они пойдут, много-много.

— Так много, что вот настолько от земли! — вождь поднял руку на добрые три четверти аршина от поверхности пещеры. — Тянется оно далеко-далеко! — Индеец принялся шагать большими шагами, приговаривая: «Вот настолько и еще, и еще...»

Очевидно, речь шла о пласте золота невероятных, колоссальных размеров.

— Нет сомнения, это и есть «Мать золота»! — воскликнул Лестанг.

— Да, да! — произнес Редон, которому вдруг стало жарко.

— Надо посмотреть, так ли это? — заметил вполголоса Леон. — Во всяком случае, такие месторождения — нечто невиданное. Скажите, краснокожий брат мой, далеко ли отсюда это место?

— На расстоянии приблизительно восьми дней пути.

— Да, но каких дней? Как теперь, в пять минут солнца и света и трех часов сумерек, или же летних дней, когда солнце стоит двадцать четыре часа над горизонтом?

— Не слишком длинных и не слишком коротких дней! — серьезно отвечал индеец.

— Ну, если так, отправимся теперь же! — произнес журналист. — Впрочем, вы, может быть, утомились с дороги?

Вождь рассмеялся, как будто Редон высказал какое-нибудь детски забавное и совершенно невероятное предположение.

— Утомился? Я не знаю, что значит это слово, хотя и понимаю, что другие так называют! Готов сию же минуту идти куда надо!

— Тогда, отдохнув часов десять, мы тронемся в путь.

Так как путешествие должно было продолжаться всего каких-нибудь двадцать дней, то решено было часть багажа и запасов оставить в пещере, где их зарыли в мелкий сыпучий песок, представлявший собой почву пещеры. Затем, облачившись в костюмы эскимосов, наши друзья стали запрягать собак в сани и, когда все было готово, весело пустились в путь, рассчитывая недели через три, в крайнем случае, через месяц вернуться назад и провести в Медвежьей пещере всю остальную часть зимы. Поезд тронулся по твердому, хрусткому снегу. Мороз был настолько силен, что, несмотря на меха и постоянное движение, кровь стыла в жилах.

— Пятьдесят градусов ниже нуля! — пробормотал журналист, взглянув на термометр, прикрепленный к первым саням.

— Да вы не туда смотрите! Смотрите лучше на индейца: глядя на него, не поверишь в мороз! — проговорил Лестанг.

Действительно, Серый Медведь проделывал довольно своеобразную гимнастику. Отойдя немного в сторону (вероятно, из чувства стыдливости), он разделся доната и стал кататься по снегу, кувыркаясь, подскакивая и ныряя с удивительным проворством; и это на морозе, от которого трескаются камни, трещат и превращаются в щепки громадные деревья. Поль Редон смотрел и не верил своим глазам, а между тем Серый Медведь, вдоволь набарахтавшись и накувыркавшись, проворно надел свой несложный наряд, на-

кинул на плечи плащ и, бодрый, улыбающийся, присоединился к остальным.

— Ну что? — спросил его Редон.

— Даже жарко теперь! — отвечал индеец.

Путешественники с завистью смотрели на вождя — победителя не только серого медведя, но и врага еще более страшного по имени «мороз». Им всем было холодно! Малейшее прикосновение к чему-либо металлическому заканчивалось плачевно. Это испытал на себе Леон: вечно озабоченный своей буссолью, он вздумал еще раз убедиться, окончательно ли она испортилась. Сняв на мгновение перчатку, Фортен достал прибор из внутреннего кармана меховой куртки, рассчитывая, что мороз не сразу остудит его металлическую оправу. Но, увы! Не успев произвести желаемый опыт, он ощутил страшный ожог пальцев, кожа пристала так крепко к металлу, что ее пришлось отдирать. Несмотря на сильную боль, Леон поспешно натянул перчатку и продолжил свой эксперимент.

Теперь стрелка вращалась и дрожала, но все-таки упорно останавливалась на одном и том же месте, указывая на Медвежью пещеру, которую наши путешественники покинули шесть часов тому назад.

Удивленный до крайности, Леон положил свою буссоль обратно в карман и долго оставался задумчив и молчалив. Куда ведет их этот индеец, по-видимому, совершенно уверенный в себе? Следует ли так слепо доверяться ему? Уж не хочет ли он завести их в какие-нибудь дебри, чтобы завладеть санями и упряжками, несравненно более драгоценными для него, чем самые громадные глыбы золота? «Кому верить, — спрашивал он себя, — индейцу или его непогрешимой до сих пор буссоли?»

Наконец, Леон пришел к заключению, что его стрелка после необъяснимого, странного повреждения там, в Медвежьей пещере, хотя и стала снова действовать, но уже в обратном направлении, как это бывает иногда и с компасом после сильной грозы.

Истомленные трудным и длинным переходом, наши путники сделали привал под защитой снеговой стены, нанесенной недавним бураном. Голодные, а главное, мучимые жаждой, они с нетерпением ждали горячего грога, который готовили тут же на маленькой керосиновой печке. Жажда, даже еще большая, чем та, какой страдают путники в песчаных пустынях, здесь, в пустынях ледовых, тем более ужасна, что искушение утолить ее горстью снега представляется

постоянно, но стоит только ему поддаться, и минутное облегчение превращается в настоящую нестерпимую пытку: все внутренности начинают гореть, слюна пересыхает, язык прилипает к гортани, словом, человек испытывает такие мучения, какие не поддаются никакому описанию.

Наши друзья, зная это, с нетерпением дожидались дымящегося напитка. Благодаря печке в шатре установилась приятная для путников температура: всего минус десять. Расположившись на меховых мешках, служивших одновременно и постелями, и коврами, по-татарски сложив ноги, они с особым удовольствием принялись за скромный ужин. Разговор не клеился: все были измучены; в печку подлили топлива, и затем каждый, зарывшись в свой тройной меховой спальный мешок, постарался заснуть. Индеец же, которому была не по душе атмосфера шатра с запахом керосина, приютился под открытым небом между собаками, сбившимися в кучу, и только по настоянию друзей согласился укрыться медвежьей шкурой. Но ему было жарко, он время от времени вставал, чтобы освежиться, и затем снова ложился на свое прежнее место.

После восьмичасового сна краснокожий разбудил приятелей-канадцев, и те принялись за стряпню; затем мало-помалу пробудились и остальные. Жан, босой, без перчаток, с непокрытой головой, вышел из шатра.

— Куда ты, Жан? — встревоженно спросила его сестра.

— Иду снегом растираться! Это прекрасно: разом и чистым будешь и согреешься, — ответил он и, действительно, спустя некоторое время возвратился в шатер румяный, пригожий, остальным было просто радостно на него смотреть. Индеец отнесся к юноше с нескрываемым одобрением и, подойдя, крепко пожал руку. Сели за завтрак, с утра у всех на душе было весело, ели с охотой, особенно Поль Редон. Леон, заметив это, сказал:

— Здесь ты не можешь похвастаться отсутствием аппетита!

— Да, диспепсия, из-за которой я так мучился, глотая пилюли и всякие другие лекарства, излечилась пятидесятиградусным морозом! В Париже через год-другой меня пришлось бы, наверное, тащить на кладбище, здесь же я становлюсь настоящим обжорой!

Все рассмеялись.

— Ну, пора в путь! — И поезд саней с провожатыми на легких больших лыжах тронулся.

Дни шли за днями без малейшего разнообразия: все

та же беспредельная равнина, те же привалы, те же ночлеги под открытым небом, те же утомительные переходы и тот же мороз. Минуло три, теперь четыре, пять дней; люди продвигались все дальше и дальше, как автоматы, почти не ощущая усталости, но с каким-то ноющим чувством томления. Казалось, они идут вперед потому только, что останавливаться просто нельзя, — самый организм требует движения, чтобы бороться со стужей... Леон еще раз справился со своей буссолью, и стрелка опять показала направление к Медвежьей пещере — обратное тому, каким они следовали.

Позади оказались еще два дня. Путь становился все труднее и труднее; вместо снежной равнины нашим путешественникам приходилось теперь идти какою-то взрытой холмистой местностью, напоминавшей взбаламученное море с внезапно оледеневшими волнами. Друзья уже стали падать духом, бодрым оставался один индеец.

— Немного терпения, братья, — и мы будем у цели! — говорил он.

Наконец, путешественники совсем выбились из сил. Тут вдруг все небо зарделось великолепнейшим северным сиянием. Окрестность озарилась чудным пурпурным заревом, придававшим всему окружающему какие-то фантастические размеры и очертания.

Тогда краснокожий, выпрямившись во весь свой богатырский рост, указал величественным жестом на откос скалы, залитый отблеском красноватого сияния и отсвечивавший металлическим блеском:

— Бледнолицые братья, я сдержал свое слово! Вот желтое железо!

— Теперь светло как днем. Очевидно, эти роскошные бенгальские огни предназначены для того, чтобы осветить наше торжество! — произнес журналист.

— О! Так это «Мать золота»! — воскликнул Дюшато громовым голосом.

— Тот гигантский кошель с золотом, который я искал целых двадцать лет! — бормотал Лестанг.

Что касается Леона, то он, вопреки всем, думал только о буссоли и стрелке, упорно направленной и теперь в сторону Медвежьей пещеры. Вместо крика радости, крика торжества с губ его сорвались все те же слова сомнения: «Как знать?!»

ГЛАВА 5

Золотой бред.— Вождения.— Взрыв динамита.— Недоумение.— Разочарование.— Медь.— Легенда об Эльдorado.— Вознаграждение.— Возвращение.— По пути к Медвежьей пещере.

Какое-то безумие, какой-то золотой бред охватил разом всех при вести об открытии «Матери золота»; только бесстрастный индеец и рассудительный ученый не разделяли общего восторга. Между тем благородный металл действительно был здесь в изобилии, виднеясь всюду толстыми пластами среди каменных глыб.

Индеец оказался прав: они видели перед собой настоящую, феноменальную залежь чистого золота, чудовищно грандиозный слиток высотой в полторы сажени от земли.

Лестанг с восторгом простер руки, воскликнув:

— Именно так я и представлял себе «Мать золота»! Да! Сразу видно, здесь драгоценного металла на многие миллионы.

Дюшато тоже обезумел.

— Жанна, дитя мое, — кричал он в восторге, — теперь мы с тобой богачи! Теперь мы будем счастливы и сможем сделать много добра!..

Жан на радостях дал несколько выстрелов в воздух, а Редон громко воскликнул:

— Да здравствуют морозы и мы... и все, и все!.. Ура!

— Они — безумны, их хоть веревкой вяжи! — шепнул Леон Марте.

— А вас, друг мой, золото нисколько не волнует?

— Нет, я даже удивляюсь; быть может, вид этих маньяков, исполняющих пляску медведей, так расхолаживает меня.

Между тем проводник, указавший бледнолицым эти сказочные богатства, безучастно смотрел на происходившее вокруг, небрежно прислонившись к откосу скалы.

После первых минут дикого восторга разум все же взял верх, и Дюшато первый заявил, что необходимо придумать какое-нибудь средство добыть хоть часть открытого золота.

— Добыть! Но как? Никакие металлические орудия не возьмут этого кварца — все наши усилия будут тщетны! — вздохнул Лестанг.

— Несколько снарядов динамита сделают свое дело! — утешил его Леон.

— Да, правда! Динамит нам поможет!

Действительно, в ледяных равнинах Клондайка, где рабочие руки так дороги, а труд страшно тяжел, горящие нетерпением золотоискатели постоянно прибегают к динамиту, запас которого имелся под рукой и у наших друзей. Правда, динамитные снаряды совершенно замерзли. Тогда Дюшато, Поль, Леон, Жан и Лестанг спрятали их под одежды, чтобы дать отогреться. Затем старый рудокоп и Фортен начали отыскивать в скале трещину или щель, куда можно было бы подвести мину. Случай помог им; между тем через полчаса снаряды уже достаточно отогрелись от соприкосновения с человеческим телом. Немедленно принялись за дело. Пока Леон с помощью Лестанга подготавливали взрыв, другие члены экспедиции отводили подальше сани и собак. Наконец, все было готово. Леон подошел к фитилям с дымящимся трутом, зажег их и спокойно отошел в сторону. Прошло минуты четыре. Вдруг послышалось что-то похожее на глухой удар, затем последовало непродолжительное землетрясение, почва будто дрогнула под снежным одеялом, и высокий белый столб поднялся к небу. Затем раздалось еще несколько раскатов, целый град обломков взлетел в воздух и рассыпался во все стороны, как при извержении вулкана. Собаки страшно взвыли и пустились бежать; люди же, точно повинувшись могучему инстинкту, ринулись вперед к месту взрыва. Часть отвесной скалы оказалась взорванной, и ее черные, еще дымившиеся обломки валялись повсюду, обнаженный разрез выступил ярко-желтой блестящей полосой на темном фоне камня. Индеец не мог надивиться тому, что только что видел: колдовской взрыв вместе с утесом сотряс и его разум, все его существо. Он стоял онемевший, замороженный, в то время как остальные устремились к громадной глыбе металла весом не менее двадцати пудов. Прежний безумный восторг уже был готов охватить наших друзей, но несколько слов Леона охладил их пыл. Нагнувшись и подняв с земли осколок величиной с крупный орех, он с минуту рассматривал его, затем проговорил как бы про себя: «Дурной цвет и скверный вид!»

Сердца путешественников учащенно забились, дыхание стеснилось в груди, все подвинулись ближе. Между тем, сильно потеряв кусок металла о свою меховую куртку и поднеся его к носу, Фортен продолжал:

— Скверный запах!

— Что вы хотите сказать?.. — спросил его дрожащим от волнения голосом Лестанг, у которого даже в глазах потемнело. — Вы пугаете меня... Голова идет кругом!..

— Увы, мой бедный друг,— произнес Леон,— как ни неприятно разочаровывать вас, но должен сказать, это не золото... а медь!

— Медь! Медь! — воскликнуло несколько голосов, полных отчаяния.— Возможно ли, о Боже!..

— Правда, это самая превосходная руда из существовавших когда-либо в целом мире! — продолжал Леон, подготовленный к подобному разочарованию своей непогрешимой леониевой стрелкой.

— Медь! Это медь! Выходит, индеец — наглый лжец и обманщик! — раздраженно воскликнул Дюшато.— Он насмехался над нами!

— Но ты вполне уверен в том, что это медь? — спросил Поль Редон своего приятеля.— Докажи нам!

— Смотри,— ответил молодой ученый,— ты, верно, слышал о существовании пробирного камня?! Это — особого рода твердая базальтовая порода, посредством которой испытывают золото. Кусок его трут о пробирный камень, на шершавой поверхности которого остается желтая полоса легкого слоя металла. На эту-то желтую полосу наливают несколько капель соляной кислоты, и, если данный металл — медь, он мгновенно исчезает — медь растворяется в соляной кислоте; если же — золото, оно останется без изменения вследствие своей безусловной нерастворимости... Все это мы имеем здесь под рукой, стоит только достать из саней...

— Не утруждайте себя напрасно, месье Леон,— произнес старый Лестанг разбитым голосом,— я могу смело подтвердить, что вы правы! Это действительно медь... Стоит только попробовать на язык... Да и как можно спутать такой подлый металл с настоящим золотом?! — презрительно добавил он.— Правда, в первый момент я хотел себя уверить, что ошибаюсь, что «Мать золота» именно такая, но...

— Все это вина индейца! — воскликнул раздраженный, не похожий сам на себя Дюшато.— Ты обещал нам золото, а ведь это простая медь?!

— Я не знаю, что значит золото и медь,— спокойно отвечал вождь,— я знаю только, что обещал Лестангу и его бледнолицым друзьям указать место, где много, много желтого металла! Скажи, разве это не металл? Разве он не желтый? Разве его здесь не много? Не страшно много? Отвечай, так это или нет?

— Да, так!

— Так на что же ты жалуешься?

— И ради этого мы претерпели столько мучений!.. — задумчиво проговорил Лестанг. — А все-таки существует пресловутая легенда о «Матери золота», и эта легенда не пустой вымысел! — закончил он.

— Что не говори, а я весьма опасаясь, что «Мать золота» есть Эльдорадо полярных стран, иначе говоря, плод воображения! — произнесла Жанна. — Но вы не знаете, что такое Эльдорадо? Я сейчас объясню. Близ экватора, в Гвиане, также стране золота, где царит не мороз, а страшная жара, невыносимый зной, сохранилось предание, будто где-то в таинственном, почти никому не доступном месте стоит громаднейший, великолепный дворец Эльдорадо, принадлежавший знатному властелину, богатств которого нельзя было даже и счесть. Весь его дворец, гласила молва, был из литого золота — вся мебель, утварь, украшения, — словом, все, даже статуи, изображавшие людей в натуральный рост. Замок этот люди отыскивали в течение нескольких веков, и многие пали жертвой своей страсти. Но вот однажды кому-то случайно посчастливилось найти громаднейший грот, поддерживаемый бесчисленными колоннами, где все горело и блестело; в пещере двигались люди, совершенно нагие, но походившие на золотые статуи. Оказалось, что стены грота, колонны, все натерто порошком слюды...

— Что же теперь нам делать? — со всех сторон послышались вопросы.

— Забыть о своем разочаровании, не оглядываться назад и бодро идти вперед! — отвечала Жанна.

— Да, дитя мое, ты права! Я был жестоким безумцем, когда так резко и неблагоприятно отнесся к бедному индейцу! — произнес Дюшато. — Он неповинен, для него нет разницы между золотом и медью. Он сдержал свое обещание и самоотверженно переносил ради нас все, не рассчитывая ни на какое вознаграждение. И потому его следует отблагодарить за труды и доброе намерение.

— Да, да! — хором воскликнули все.

— Брат мой, не твоя вина, что и ты и мы обманулись! — продолжал Дюшато, обращаясь к краснокожему. — Видишь эти сани со всем снаряжением, с поклажей и собаками? Возьми их: они твои!

Такого рода подарок в полярной стране — громадная ценность, особенно для краснокожего, который ничего не имеет и постоянно влачит самое жалкое существование. Индеец едва мог вымолвить несколько слов благодарности

от душившего его волнения; долго-долго смотрел он на свои санки, на собак, на тщательно увязанные тюки, на упряжь и, наконец, произнес:

— Ах... белые люди — добры и щедры! Серый Медведь никогда не забудет этого: он будет братом для белых. Прощайте! — Краснокожий один тронулся в путь и вскоре исчез во мраке.

— А мы что будем делать? — еще раз спросил Редон.

— Вернемся немедленно в Медвежью пещеру, — был ответ Леона.

ГЛАВА 6

Стая волков.— Нападение.— Резня.— Как Редон грел свои пальцы.— Отступление.— Они пожирают друг друга.— Медвежья пещера.

Возвращение было нелегким. Пятидесятиградусные морозы не ослабевали, а надежда, прежде гревшая путешественников, сменилась унынием. Ко всему добавились встречи с ужасными полярными волками — свирепыми, хитрыми хищниками. Животные эти, обладающие поистине удивительным обонянием, чувствуют на громадном расстоянии всякую живность, и потому неудивительно, что уже на второй день обратного путешествия они появились вблизи поезда наших друзей. Резкий, хриплый вой этих вечно голодных разбойников преследовал людей среди томительного полумрака полярной ночи. К счастью, мужчины, скорее по привычке, чем из предусмотрительности, имели при себе ружья и потому не испугались непрошенных гостей. Зато собаки, охваченные паническим страхом, вдруг остановились и, сбившись в кучу, жались к ногам людей, прятались за сани.

— Берегите патроны! — вскричал канадец, видя, что его товарищи готовы дать общий залп в громадную стаю, выделявшуюся темным пятном на белом снегу.

Мужчины и девушки выстроились полукругом, ошетилившись рядом ружейных стволов; но против них было по меньшей мере две сотни волков. Фосфорический блеск глаз хищников виднелся уже на расстоянии пятидесяти шагов. Лестанг выстрелил первым, и один из волков передовой линии упал замертво. Примеру рудокопа последовали другие, — полдюжины волков не стало. Выстрелы раздавались подобно грому среди морозного воздуха снеж-

ной пустыни. Испуганные волки на минуту приостановились, но затем с новой решимостью устремились на людей.

Пальба продолжалась.

— Вот заряженный винчестер! — проговорил Редон, принимая из рук соседа уже разряженное ружье и вручая ему свое, с полным зарядом патронов. Поль сумел достать большой ящик с боеприпасами, готовя к сражению одно ружье за другим.

Еще две атаки были с успехом отражены, — и более половины волков полегло под непрерывным огнем. Наконец, звери перестали подступать; хищный огонь их глаз как будто угас, затем послышался хруст костей и слабый вой, точно плач ребенка: очевидно, уцелевшие пожирали теперь убитых и раненых собратьев.

— Ну, я думала, пришел конец! — сказала Жанна, с видимым облегчением опуская свою винтовку.

— Однако как ни прекрасно, что серые отстали от нас, а все-таки у меня руки замерзли, особенно правая, — сказал Жан.

— И у меня тоже!.. И у меня!.. И у меня!.. — послышалось со всех сторон.

— А у меня руки теплые! — подсмеивался над ними Редон.

— Быть не может?! Вы — вечный мерзляк!

— Честное слово! Делайте как я: грейте руки о горячие стволы ваших ружей! Это прекраснейший способ!

— В следующий раз им воспользуемся, а сейчас надо бежать, — уверенно говорил Лестанг. — Волки занялись своим делом, и два дня их нельзя будет отогнать от этого места. Мы за это время должны далеко уйти, так далеко, чтобы они нас не нагнали.

— Да! Да! Вперед! — согласились все.

Собаки, обезумевшие от близости волков, неслись что есть мочи.

Несколько часов спустя изнеможенные, разбитые от усталости путники остановились на ночлег, разбив палатку, сварив ужин и обогревшись, насколько было возможно. Собак пришлось привязать, чтобы не разбежались: воспоминание о волках, очевидно, преследовало их и теперь. К счастью, ночь прошла благополучно, и после отдыха наши друзья снова отправились в дорогу. Они уже стали немного успокаиваться, хищники не показывались. Однако канадцы, знавшие упорство волчьей натуры, не рассчитывали, что

опасность совершенно миновала, и были постоянно настороже. Дальнейшее подтвердило их опасения.

Жан, шедший в хвосте поезда и поминутно оборачивавшийся назад, крикнул: «Опять!» — затем, не теряя ни минуты, вскинул свое ружье к плечу и выстрелил. Дюшато сделал то же. Они стали стрелять поочередно, и каждый убивал все новых и новых волков. По прошествии нескольких секунд двенадцать их уже лежало на снегу; уцелевшие приостановились, но все-таки не обратились в бегство: очевидно, голод был сильнее страха. Стая стояла под выстрелами, пожирая, как и в прошлый раз, павших.

Этим и воспользовались путники, уносясь к своей Медвежьей пещере, но — увы! — волки снова и снова нагоняли их, только теперь, наученные горьким опытом, нападали не сплошной стайей, а отдельными группами по пять-шесть особей, зато разом со всех сторон. Пришлось расправляться с каждым серым поодиночке, что под силу лишь искусным стрелкам. Наконец, четвероногие хищники как будто поотстали; истомленные путешественники сделали привал, поужинали и расположились на ночлег. Пока они спали, собаки перегрызли свои путы и пустились бежать в разные стороны, чуя близость волчьей погони. Но на каждую из них в леденящей пустыне пришлось по десятку волков... Между тем путешественники, пробудившись, с ужасом заметили отсутствие собак. Как же быть с санями? Волей-неволей пришлось тащить их по глубокому снегу на себе, и вместе с тем обороняться от волков.

До Медвежьей пещеры оставалось два дня пути. В первую очередь впряглись в сани Леон, Дюшато и Редон, а обе девушки, Жан и Лестанг подталкивали сзади. Было очень трудно, не раз наши друзья спотыкались и падали, проклиная убежавших собак, но продолжали путь. Наконец, показалась и Медвежья пещера.

— О! — со стоном вырвалось из груди каждого. — Мы спасены!

Напрягая последние силы, несчастные достали из саней свои меховые спальные мешки, втащили их под своды пещеры, где царила сравнительно высокая температура, затопили печь, зажгли лампу, но ни у кого не хватило сил приняться за приготовление ужина — все, кое-как устроившись, немедленно завалились спать. Тяжелый крепкий сон сковал их веки; казалось даже, что пушечный выстрел не сможет разбудить измученных людей. Между тем Портос, единственный верный пес, оставшийся при своем господине, давно

уже стал рычать и злиться, наконец громко залаял и выскочил наружу, оскалив зубы.

Более сильный и чуткий, чем остальные, Жан, сделав над собой усилие, тоже встал и вдруг сообразил: перед пещерой происходит нечто необычайное. Очнувшись окончательно, он ползком направился к выходу, протер лицо снегом, схватил за ошейник собаку и вместе с нею исчез во мраке.

ГЛАВА 7

Пробуждение. — Это динамит! — Опять враги. — Быть может, «Красная звезда»? — Золото! — Вот она — «Мать золота»! — Суждено ли погибнуть?

Трудно сказать, сколько времени длился у путешественников тяжелый сон, похожий на летаргию. Во всяком случае, несколько часов, после чего наступило ужасное пробуждение. Жан не вернулся в пещеру, но никто даже не заметил его отсутствия. Вдруг почва заколебалась, готовая разверзнуться под спящими, — и пещера потряслась до самого основания: раздался оглушительный удар, целый град обломков, как при взрыве, обрушился сверху. Душераздирающие крики вырвались у внезапно пробудившихся, они стали звать друг друга голосами, полными ужаса и отчаяния.

— Жанна! Жанна, где ты? Где вы? — восклицали одновременно Дюшато и Редон.

— Марта! Жан! — звал Леон.

Ни звука, ни слова в ответ.

— Лестанг! Лестанг! — кричали несчастные.

— Я здесь! — отозвался старый рудокоп. — А молодежь-то где? Господи Боже! Да где же они?

— Огня! Огня! Скорее огня! — кричал Редон.

У каждого были постоянно при себе кремень и огниво, коробка спичек и свеча в маленьком футлярике. Канадец проворно зажег фитилек и прежде всего осмотрел постели. Постель Жана не только была пуста, но и совершенно холодна, как и постели обеих девушек. Это необъяснимое исчезновение товарищей до того поразило друзей, что они даже забыли на мгновение о страшном взрыве.

Мужчины направились к выходу, но, к их удивлению, он был завален громадными обломками. Несчастные оказались теперь заживо замурованными в этой пещере.

— Черт побери! Что же случилось здесь? — воскликнул журналист.

— Вероятно, произошел какой-нибудь геологический обвал. Но у нас есть орудия, дружно примемся за дело, отроем себе выход и...

— Да разве ты не чувствуешь запаха? — прервал его встревоженным голосом Леон. — Запаха динамита!

— Да, да... Но неужели ты полагаешь, что был умышленный взрыв? Кто же мог это сделать?

— Кто?! Да те, кто увез наши сани, похитил наших дорогих спутниц и Жана...

— Эх, черт возьми! Весьма похоже, это дело рук «Красной звезды»!

— Да, я тоже так думаю! — сказал Леон.

— Как бы то ни было, нам следует как можно скорее выбраться отсюда! Где наши заступы и кирки?

— Да я же тебе говорю, они унесли решительно все: и оружие, и инструменты, и съестные припасы, словом — все!

— Будем искать лаз, — заявил решительным тоном Дюшато, — здесь обитали двое медведей, следовательно, в пещере должен быть еще и другой выход!

— Весьма возможно! Прежде всего осмотрим коридор, из которого проникли к нам в пещеру медведи. Я пойду вперед, следуйте за мной, друзья! — произнес канадец.

Они вышли в коридор. Вначале он был широкий и высокий, но потом суживался так, что местами несчастные боялись задохнуться от недостатка воздуха. Наконец, они очутились в своего рода яме, где можно было стоять во весь рост. Яма эта имела от двух с половиной до трех сажен в диаметре и вся оказалась устланной мягким мхом, на котором еще валялись там и сям обглоданные кости.

— Это спальня медведей, — объявил Лестанг. — Как видите, зверь любит удобства! Какая у него мягкая постель!

Стены ямы состояли из сыпучего песка, и Редон, проведя по ним ладонью, заявил:

— Будь у нас когти, как у медведей, мы могли бы прорыть себе выход!

— Ничего не поделаешь! — проговорил Леон. — Выхода нет: я осмотрел все!

— Надо осмотреть еще и другой коридор! — произнес Дюшато. — Не отчаивайтесь!

Они снова отправились на поиски и, наконец, вышли в

главный круглый зал пещеры. Второй коридор располагался гораздо ближе к месту взрыва и потому значительно больше пострадал: свод его был сильно расшатан, некоторые глыбы над проходом едва держались, поэтому, прежде чем решиться войти сюда, наши друзья сочли необходимым удалить их. Леон, как самый сильный и самый рослый, принял эту задачу на себя.

— Берегись! — крикнул он, захватывая руками одну глыбу.

Все посторонились. Раздался треск, шум. Когда поднятая пыль немного улеглась, из уст наших друзей вырвались крики изумления — им под ноги упала целая груда мутно-желтых камней, величиной с два здоровенных кулака. При свете одной свечи, бывшей в руках путешественников, трудно было разобраться, сколько тут золота — на целые миллионы или миллиарды. У всех мелькнула одна и та же мысль, а высказал ее Лестанг: «Мать золота!»

На этот раз привычный глаз рудокопа не ошибался: это было действительно золото, чистое золото, а не «желтое железо» простодушного индейца.

Старик набросился на эти глыбы, прижимая их к груди, смеясь и плача, словно ребенок.

— Да... да... это она, которую я так искал и уже не надеялся найти. Теперь можно умереть спокойно... О, чудо!..

Несмотря на весь ужас своего положения, и остальные невольно поддались странному, опьяняющему обаянию золота. Всех невольно тянуло взглянуть на эти сказочные богатства. Поль Редон и Леон зажгли свои свечи, чтобы как следует насладиться волнующим зрелищем. Перед этими горами сокровищ все забыли про грозящую ужасную смерть: любящий отец забыл про свое дитя, единственную дочь; бескорыстные, в сущности, и прекрасные молодые люди — про своих исчезнувших невест. Все было забыто, душу поглотило какое-то безотчетное чувство алчности.

— Глыба эта свалилась оттуда, — точно в бреду, бормотал Лестанг. — Там может быть, есть еще золото... много!

Несчастному рудокопу уже показалось мало этих миллионов, мало всех этих несметных богатств, валявшихся под ногами; он простирали дрожащие от волнения руки к своду, сверкающему самородками при свете поднятой вверх свечи! О! Сколько золота! Его так много, что больно глазам! Дикий порыв безумия снова готов был охватить этих людей, но Дюшато и двое молодых людей очнулись все-таки от золотого бреда и вспомнили о дорогах их сердцу существах.

— О, Жанна, дитя мое ненаглядное, где ты? — воскликнул несчастный отец.

— Марта, это все было для вас! — прошептал Леон.

— Какая злая насмешка судьбы! Теперь, став царями золота, мы пойманы здесь, как в ловушке, зарыты, замурованы!

— Надо придумать что-нибудь, если не хотим умереть от голода!

— Умереть! Кто произнес это страшное слово? — воскликнул Лестанг. — Теперь, когда мы нашли «Мать золота», — умереть?! Нет!..

«А ведь моя стрелка была права, — подумал Леон, — ясно, почему она оставалась неподвижной — здесь повсюду золото».

Наконец, и старый золотоискатель пришел в себя и понял весь ужас положения: эти архимиллионеры были несчастнейшими из людей! У них не было ни капли воды, ни крошки пищи, все они легли спать без ужина, и голод уже напоминал о себе. Время шло, а выход из пещеры не находился: второй коридор также оказался заваленным обрушившимися обломками. Видя, что все их усилия не приведут ни к чему, Леон мрачно произнес:

— Нет, друзья, то, что наделал динамит, можно ликвидировать только динамитом же, а у нас его нет!

— Стало быть, остается только ожидать помощи извне?

— Да, но могут пройти десятки лет, прежде чем явится эта помощь! — с горькою усмешкой отвечал Леон.

— Может случиться и невозможное! — произнес Лестанг. — А Жан, а наши барышни?

— Они, быть может, сильнее нас нуждаются в помощи!

— А мне кажется, тот, кто на воле, сможет помочь тем, кто в заключении!

— Дай Бог, чтобы все стало по-вашему! — проговорил с глубоким вздохом Дюшато.

ГЛАВА 8

Подвиг лицеиста. — Человек и собака. — След. — Под сенью шатра. — Бандиты и их жертвы. — Мертвецки пьяные. — От жизни к смерти. — Новый подвиг Жана. — Те, кого не ожидали.

Встревоженный сердитым ворчаньем Портоса, Жан, наконец, как мы помним, преодолел свой сон и в сопровожде-

нии собаки выбрался из пещеры, чтобы посмотреть, в чем дело. Он прошел уже сажень двести, когда вдруг спохватился, что при нем нет ни оружия, ни даже простой палки, а близко, может быть, бродят волки. Едва он успел об этом подумать, как Портос, вырвавшись, с громким, яростным лаем кинулся вперед. Вслед за этим из мрака раздался чей-то резкий и странный голос.

— Да возьмите же вашу собаку: мы — друзья!

— Люди... здесь?! — удивился молодой человек. — Портос! Ко мне!

Собака с видимой неохотой повиновалась, но продолжала рычать; скоро Жан ясно смог различить очертания пятерых мужчин, укутанных в теплые меховые одежды. Один из них обратился к юноше по-французски, но с сильным английским акцентом.

— Мы — золотоискатели; сани и собаки немного поотстали! Возвращаемся в Доусон-Сити и ищем, где бы укрыться на ночь!

Голос незнакомца показался знакомым Жану, и какое-то предчувствие подсказало, что перед ним — враги. Тем не менее он вежливо отвечал:

— Здесь неподалеку пещера, где отдыхают мои спутники! Если хотите, провожу вас туда!

С этими словами он кинулся к товарищам, надеясь поднять тревогу. Но — увы! — его окружили со всех сторон.

— Уложите молодого волчонка на месте! — крикнул тот же жесткий голос. — Это братец той барышни, я признал его!

Сильный удар в голову оглушил Жана; инстинктивным движением он протянул было руку вперед, но тут же упал, шепча: «Они убили меня... Марта! Леон! Я умираю!»

Верный Портос с остервенением кинулся на злодеев, но их, вооруженных ножами, было слишком много, — верный пес упал почти замертво подле своего безжизненного господина.

— Юнец, думаю, готов? — спросил кто-то из шайки.

— Этот молокосос? — презрительно переспросил кто-то из бандитов. — Я не таких разом отправлял на тот свет!

И они поспешили далее, оставив на снегу, в луже крови, несчастного мальчика и его верную собаку.

Однако Портос остался жив. Эти громадные сильные собаки вообще очень живучи. Вскоре он стал шевелиться, сопеть, чихать и, наконец, совершенно пришел в себя. Увидев рядом своего хозяина, пес стал лизать ему лицо, отогревать своим дыханием, но так как это не действовало — юноша не оживал, — умная собака стала разрывать вокруг снег и всем своим телом прижалась к раненому как можно ближе. Вдруг раздался глухой подземный гул, затем звук страшного взрыва, почва заколыхалась, дрогнула; юноша внезапно очнулся, и слабый крик вырвался из его груди. Портос, услышав этот крик, стал всячески выражать радость, визжать, ласкаться. Сделав над собою усилие, Жан разом припомнил все, — и ужас охватил его при мысли о страшной опасности, настигшей, наверное, товарищей. Он хотел встать, бежать к ним на помощь, но не мог подняться: подтаивший под ним снег снова успел оледенеть; меховые одежды примерзли, и, несмотря на все усилия, он остался неподвижен. Сознание своей слабости и беспомощности вызвало невольные слезы у смелого юноши.

— Но ведь мне надо же идти! Надо спасти друзей или умереть вместе с ними! — шептал он, снова делая попытки приподняться; ему удалось, наконец, ухватиться за ошейник Портоса, и доброе животное вырвало-таки его из снега.

Жан приподнялся; в ушах шумело, в голове ощущалась страшная боль, что-то тепловатое, мокрое, липкое смачивало рубашку и нижнюю одежду. «Вероятно, кровь!» — думал мальчик. Его томила мучительная жажда.

Вдруг вдали послышался легкий скрип лыж. Портос глухо зарычал.

— Молчи, Портос, молчи! — стал унимать пса Жан, одной рукой зажав ему морду. Где-то в темноте различимы были и голоса. Он узнал их: голос убийцы — угрожающий, злобный, и голос Марты — молящий и рыдающий.

«Боже, они уводят мою сестру!.. О, я найду в себе силы следовать за ними! Я еще мальчик, но сумею справиться с негодяями!» — думал отважный юноша.

Марта плакала и вырывалась из рук злодеев. С нею была и Жанна, и никто не мог помочь им!..

При этой мысли у раненого как будто выросли крылья. Шатаясь, точно хмельной, спотыкаясь на каждом шагу, Жан решил продвигаться ползком, следя за похитителями и не упуская их из вида.

Умная собака поняла, что надо следовать за хозяином крадучись, и перестала рычать.

Голосов уже не стало слышно, но Портос безошибочно вел своего господина по следу бандитов. Однако бедный Жан чувствовал, что силы его стремительно уходят, он все больше слабеет.

— Я дойду, дойду!.. — шептал юноша, несмотря на то что дыхание с хриплым свистом вырывалось у него из груди.

Вскоре он увидел перед собой большое темное пятно на снегу — ряд саней, а за ними палатку. Не подлежало сомнению: это был лагерь бандитов. Жан припал ухом к шелковому полотнищу и стал слушать с замирающим сердцем. Доносился отвратительный запах спиртных напитков и грубые, пьяные голоса. Скоро, однако, все стихло, раздавался только пьяный храп уснувших подлецов.

Бедные девушки, связанные веревками по рукам и ногам, тихо плакали, прижавшись к углу шатра. Вдруг послышался легкий звук, и струя холодного воздуха разом охватила их: острое лезвие ножа пропороло тонкую ткань палатки, и покрытый инеем человек в сопровождении такой же заиндеветшей косматой собаки вошел в шатер.

— Жан! — прошептала Марта.

— Тихо! Ни звука! — проговорил он чуть слышно каким-то чужим голосом. Потом этот мальчик, едва ли не смертельно раненный, исходящий кровью, с остановившимся сомнамбулическим взглядом, склонился над спящим разбойником, схватил его за бороду и хладнокровно, как присяжный палач, перерезал горло. Слабый храп, фонтан крови — и с первым бандитом было покончено. Затем он точно так же поступил со вторым. Обезумевшие от ужаса, девушки закрыли глаза и прижались еще крепче друг к другу. Между тем Жан продолжал свою кровавую расправу.

— Хватило бы только сил!.. — шептал он все время.

Еще один из разбойников отправился на тот свет. Рядом лежал совершенно без всяких признаков сознания его сообщник. Жан, собрав остаток сил, прирезал и его. В живых оставался последний. Юноша замахнулся и нанес ему удар, но ослабевшая рука уже не имела силы заколоть негодяя. Раненный, притом легко, тот вскочил на ноги, схватил ослабшего юношу поперек тела и вмиг обезоружил.

Еще секунда — и отважный мальчик стал бы жертвой злодея, но Портос, видя, что господину грозит опасность, сильным прыжком кинулся на преступника, опрокинул его, схватил за горло и довершил начатое Жаном. В этот момент за палаткой слышались голоса запыхавшихся людей.

— Сдавайтесь или все не сойдете с места! — И трое

мужчин ворвались в палатку с заряженными пистолетами в руках.

Марта узнала этот голос.

— Мистер Тоби! — воскликнула она. — О, мистер Тоби! Помогите брату, пока еще не поздно... Жан лишился чувств!

— Вы здесь?! Как вы сюда попали, милые барышни?

— После, после, помогите мальчику!

Но Жан уже очнулся; шатаясь, поднялся на ноги и с довольной улыбкой оглянулся кругом. Мистер Тоби разрезал веревки, которыми были связаны молодые девушки.

— О! Мы опоздали! — проговорил он. — Все дело сделал милый юноша! Вы — герой, мистер Жан!

ГЛАВА 9

Сила воли. — Возвращение к пещере. — Живы. — Опять динамит! — На свободе. — Рассказ Тоби. — Вознаграждение. — Выяснившаяся тайна. — При свете пламени. — «Красная звезда». — Последнее открытие.

— Жан! Жан! — воскликнула Марта, кинувшись на шею брата. — Боже! Жанна, помогите сделать ему перевязку!

— Да, да, дорогая Марта, но какой холод! Прежде надо закрыть щель какой-нибудь шкурой!

— Сейчас, барышни, дайте нам только убрать отсюда эту пададь! Тут можно потонуть в крови! — проговорил Тоби и принялся вместе со своими товарищами вытаскивать одно за другим тела убитых.

Девушки суетились около Жана, желая ему помочь.

— Не надо, — сказал он, — я чувствую только некоторую тяжесть в голове, но это пройдет на морозе. Здесь душно и смрадно! Я ничего не ощущаю в груди; если и есть рана, так кровь на ней запеклась и она заживет сама собой. Поспешим скорее туда, к пещере, где остались наши друзья! Пока оставим все так, как есть, но захватим с собой хоть какое-то снаряжение: бандиты ограбили нас дочиста!

— Зато наши сани в полной исправности! — возразил мистер Тоби.

— Тем лучше, избыток имущества никогда не мешает, захватим все.

Без дальнейших проволочек маленький отряд направил-

ся к Медвежьей пещере, отстоявшей от них в полумиле. Там царила мертвая тишина, безмолвие. Тоби схватил кирку и принялся бить что есть силы по скале; вдруг, о радость, изнутри также послышались ответные удары и крики.

— Они живы! Живы! Скорее сюда петарду!

Чтобы избежать обвала, Тоби поместил снаряд как можно выше и при этом крикнул несколько раз:

— Отойдите, господа, в самую глубь пещеры: сейчас мы взорвем верхний свод!

Спустя несколько минут послышался взрыв, и, когда дым рассеялся, Тоби воскликнул:

— Ура! Друзья мои!

— Ура! — отозвались изнутри счастливые голоса.

— Все ли живы?

— Все! Живы и невредимы!

Мужчины выбрались наружу через брешь, сделанную взрывом; последовали объятия, бессвязные радостные восклицания, поцелуи.

Выждав, пока первые моменты волнения пройдут, мистер Тоби, со свойственной англичанам корректностью, поспешил представить своих товарищей: мистера Паскаля Робена и мистера Франсуа Жюно, канадцев родом.

Все бросились благодарить их, причем Леон добавил:

— Мы, мистер Тоби, обязаны вам и вашим товарищам жизнью, а потому одной словесной благодарности мало, и хотя в любом случае мы останемся вашими неоплатными должниками, все-таки просим, мистер Тоби, принять от нас миллион, а вас, господа, по пятьсот тысяч долларов!

— Да! Да! — подтвердили остальные.

Затем все отправились в пещеру, затопили печь и стали готовить ужин. Расположившись на медвежьих шкурах у печки, Тоби рассказал своим друзьям, каким образом он разыскал их.

— Я принадлежу к числу людей, — говорил он, — которые, начав какое-нибудь дело, любят непременно довести его до конца. История с Джо Нортонном и Ребен Смитом не давала мне покоя. Я решил во что бы то ни стало вывести мистификаторов на чистую воду.

— И вам удалось?

— Сейчас узнаете. Конечно это было нелегко; я наблюдал, выслеживал и, в конце концов, убедился, что Джо Нортон и Ребен Смит не одно и то же, что Боб Вильсон и Френсис Бернетт!

— Значит, судьи были правы?

— И да, и нет! Существуют все четверо: и Смит, и Вильсон, и Нортон, и Бернетт, причем Джо — двойник Боба, а Ребен — двойник Френсиса. При помощи легкого грима, каблуков повыше или пониже, подкрашенной бороды и волос они достигали поразительного сходства и их нельзя было отличить друг от друга. В том и состоял весь секрет! Раскрыл я его с помощью целого ряда фотографических снимков. Фотографии показали и внешнее сходство, и некоторые различия в облике этих личностей, которые, надо заметить, никогда не бывают в присутствии друг друга!

— Вы просто гений, Тоби!

Тот самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Заручившись снимками и сдружившись вот с этими господами, которые во всем оказывали мне помощь и содействие, я обратился к суду, и так как последний отнесся к делу довольно холодно, написал большую обличительную статью, в которой беспощадно разгромил и суд, и судей, изобличил и четверых негодяев, приведя все их преступления, злодеяния и проделки. Одна из влиятельных газет приняла мой опус и тут же напечатала его, уплатив громадный гонорар.

Статья имела такой успех и так подействовала на общественное мнение, что немедленно были приняты меры для ареста преступных двойников, но бандиты успели бежать. Судьи пересмотрели дело, и мы были объявлены невинно пострадавшими.

Тогда я и двое моих товарищей с тремя санями и полным снаряжением полярной экспедиции пустились преследовать негодяев по снежной пустыне. Вдруг мы заметили, что их след сливается с другим следом — вашим. Решено было удвоить скорость погони, но, если бы ни мистер Жан, все наши усилия оказались бы тщетными...

— Но скажите, что же случилось с «Красной звездой»?

— Вы желаете знать, что с нею случилось? Прекрасно! Потрудитесь последовать за мной!

Все вышли и быстро направились к шелковой палатке.

Не доходя пятидесяти шагов до нее, Тоби попросил всех остановиться и подождать немного, а сам побежал вперед, вылил на снег бутылку керосина и зажег его. Громадный пламя взвилось вверх и озарило кровавым заревом равнину. Крик ужаса вырвался из груди зрителей: на снегу

горело пять окровавленных тел. Случайно или умышленно, но объятые пламенем тела расположены были правильной пятигранной звездой.

— «Красная звезда»! — воскликнул Тоби.— Вот она!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь нашим друзьям предстоял выбор между зимовкой в Медвежьей пещере и зимовкой в Доусон-Сити. Все единогласно решили вернуться в блестящую молодую столицу Клондайка, выждав несколько дней, пока Жан совершенно оправится от раны. За это время путешественники добыли множество драгоценных слитков и загрузили ими сани умерших членов «Красной звезды». Произведя расчистку второй галереи, старик Лестанг воскликнул:

— О нет, это уже слишком! Здесь все своды и стены из чистого золота! Право, я умру! Тут более чем на сотни миллионов!

— Да, поистине сон из «Тысячи и одной ночи»! — согласились с ним остальные, но теперь вид несметных богатств уже не опьянял их; путешественников целиком захватило одно-единственное желание — вернуться скорее домой.

Возвращение совершилось сравнительно благополучно, без особо печальных приключений, а въезд в столицу Клондайка оказался поистине триумфальным. Прежде враждебное отношение обитателей этого города к нашим друзьям сменилось восторженным благоговением. Но ни шумные овации, ни празднества, ни сказочная роскошь лучшей гостиницы не занимали и не радовали их. Доусон-Сити они считали первым этапом на пути в возлюбленную Францию.

— Мы все, все едем на милую родину! — говорили они.

Один только старый Лестанг пожелал остаться и умереть в стране золота.

— Я, — говорил он, — буду вашим доверенным, управляющим и уполномоченным, и поверьте, никто лучше не сумеет разрабатывать «Мать золота»!

Все согласились со старым рудокопом.

Предстоящее путешествие во Францию приводило в восторг и Дюшато, и его дочь: осуществлялась их заветная мечта, мечта каждого канадца французского происхождения — хоть раз в жизни повидать Париж.

Кроме того, общие печали и радости, общие волнения, лишения и опасности до того сблизили путешественников, что даже Жанна, далеко не сентиментальная, положительно не могла себе представить разлуки со своими друзьями.

У них у всех была теперь как бы одна душа. Все случилось как бы само собой, и, по словам Леона, само собой стало ясно, что Поль Редон и Жанна созданы друг для друга, так же как и сам Леон и мадемуазель Марта.

— Не подлежит сомнению, — добавил Фортен, — что по возвращении домой во Францию все это кончится, как в романе, двойной свадьбой, и если ты, Поль, ничего не имеешь против, мы поженимся в один и тот же день!

— Bravo! Я благословляю страну морозов, где нашел свое счастье! — вскричал Поль.

— До сих пор ты, кажется, только проклинал этот Ледовый ад!

— Пусть же он отныне будет Снежным раем! — воскликнул журналист. — Никогда не соглашусь называть его иначе!

Конец

Без гроша в кармане

ГЛАВА 1

Процветание рекламы. — Странное предложение человека, одетого в газеты. — Женитьба, самоубийство или путешествие. — Серебряный король. — Сорок тысяч километров без гроша в кармане.

Америка — страна самой смелой, самой беззастенчивой, самой сумасбродной рекламы. Янки по натуре хвастун, фантазер и выдумщик; в рекламе он видит продукт своего гения, любит ее, восхищается ею (если она удачна) и в конце концов верит ей, как бы ни была она нелепа...

Однажды в мае 1895 года в шумном и людном Нью-Йорке появились сотни, тысячи громадных афиш, расклеенных повсюду: на столбах, на стенах, на конках, на людях-сэндвичах спереди и сзади. Содержали они всего одно объявление, написанное на нескольких языках:

Без гроша в кармане!..
Sans le sou!
Pennyles!
Kein Kreuzer in Sask!
No plata!
Senza solda!
Ki-kiay-Tse!

Буквы были громадные и невольно бросались в глаза. Это действовало. Публика предчувствовала что-то необычное, приманка казалась очень лакомою.

На следующий день появилось другое объявление на английском языке. Оно гласило:

«Кто он? Англичанин? Немец? Итальянец? Испанец? Русский?»

Неизвестно! Но он красив, как античная статуя.

Но он сведущ, как энциклопедия. Но он силен, как Геркулес.

Но он храбр, как лев. И при всем том он совершенный бесребреник: у него нет ни гроша в кармане».

Многие говорили: «А, свадебная реклама!»

Девицы, вдовы и разведенные дамы нашли, что из объявленных качеств первые четыре очень заманчивы, но... как же это так: без гроша? Неужели так-таки совсем без гроша?

На третий день афиши были заменены программами, которые сыпались на публику буквально отовсюду.

Они были впечатляющи. Вверху хромофотографским способом изображался молодец в костюме велосипедиста: красивое выразительное лицо, черные огненные глаза, пухлые губы с чуть насмешливым выражением, при этом широкая выпуклая грудь, могучая мускулатура, руки и ноги атлета.

Вдовы, девицы и разведенные дамы говорили: «Очень, очень красив. И такой представительный! Наверное, он не янки».

Под портретом было подписано крупными буквами:
ГОСПОДИН БЕССРЕБРЕНИК

И затем следовало:

«Жизнь коротка, а борьба за существование становится труднее и труднее. Что делать человеку, когда у него ничего нет, а хочется решительно всего? Он должен испробовать все средства и если не добьется своего, пусть покончит с собою. К такому именно заключению пришел г-н Бессребреник. Это имя он заслужил вполне. У него ничего нет: ни рубашки, ни воротничка, ни даже зубочистки. Он наг, как в момент рождения, и если своим видом не оскорбляет приличия, то только благодаря доброте коридорного гостиницы. Что же думать делать этот джентльмен в таких обстоятельствах? Вот что. Завтра, 13 мая, в роковое число, г-н Бессребреник, в большом зале гостиницы «Космополит» примет окончательное решение о своей жизни в присутствии избранной публики. Он отдаст себя на волю случая — вверит свою участь двум листочкам бумаги. На одном будет написано грозное слово «смерть». А на другом... Что? Это почтенная публика узнает ровно в полдень, с боем электрических часов в гостинице «Космополит».

Жребий будет вынимать кто-нибудь из публики. Если выпадет билет с надписью «смерть», то г-н Бессребреник будет иметь честь пустить себе пулю в лоб. Рекомендуем вниманию публики это зрелище — поистине драматическое и привлекательное. С нынешнего дня г-н Бессребреник принимает желающих его видеть в гостинице «Космополит». Несмотря на отсутствие гардероба, он может принимать даже визиты дам. Г-н Бессребреник — вполне корректный

джентльмен. Плата за вход умеренная: один доллар. Она предназначена для покрытия долга хозяину гостиницы.

Приходите же, господа! Приходите смотреть —

Господина Бессребреника».

И публика повалила валом. В первую очередь в гостиницу «Космополит» нагрянули, конечно, репортеры и фотографы. Бессребреника интервьюировали без отдыха, снимали без конца. Доллары сыпались на блюдо, поставленное на конторке у клерка гостиницы.

Масса дам теснилась в зале, разглядывая незнакомца. Слышались восклицания.

В объявлении было сказано верно: Бессребреник не имел одежды, но и не был гол. Он обернулся в номера газеты «Нью-Йорк Геральд» — их одолжил Бессребренику коридорный.

Несмотря на странное одеяние, джентльмен в самом деле был красив, приветлив, остроумно отвечал на разные замечания. По-английски он говорил очень хорошо, но с небольшим акцентом и имел у публики вполне заслуженный успех. Вечером в Нью-Йорке только и говорили, что о Бессребренике. На другой день в большом зале гостиницы «Космополит» яблоку негде было упасть. Преобладали дамы. Они стрекотали, как сороки, истребляя сандвичи с прохладительными напитками.

Наконец, загудел большой колокол. Таинственный джентльмен появился в своем газетном одеянии. Он спокойно раскланялся с публикой и знаком попросил внимания и тишины. Перед ним на черном столике лежал револьвер.

— Милостивые государи и милостивые государыни! — сказал он звучным голосом, без малейшего волнения. — Для меня наступил решительный час. Почтенный клерк гостиницы, мистер Филипп напишет на двух одинаковых билетиках: «смерть» и «путешествие»...

Немедленно раздались громкие крики:

— Держу за смерть!

— А я за путешествие.

— Тысячу долларов!

— Десять тысяч!

— Сто тысяч!

Когда все пари состоялись, джентльмен продолжал:

— У меня очень мало шансов уцелеть, потому что предстоящее путешествие будет каждую минуту грозить смертью. Я совершу его — кругосветное, на сорок тысяч

километров — за год, не имея в кармане ни единого гроша. Если через триста шестьдесят пять дней...

— Хотите пари? — раздался голос какого-то янки.

— Разумеется.

— Сколько?

— Два миллиона долларов, — отвечал джентльмен.

— А если вы проиграете?

— Сможете меня застрелить.

— Нет уж, потрудитесь проделать над собой эту операцию сами.

— Извольте. По рукам?

— Меня зовут Джим Сильвер, серебряный король. Если выиграете вы, моя фирма платит вам немедленно...

— Погодите. Сперва ведь еще нужно узнать, умереть мне или путешествовать.

Тем временем мистер Филипп надписал два одинаковых билетика и попросил у кого-нибудь из публики шляпу. Джим Сильвер предложил свою.

— Так как я держу с вами пари, то не позволите ли мне самому вынуть? — спросил Джим Сильвер.

— Пожалуйста, — отвечал Бессребреник, скрестив на груди руки. Вопрос шел о его жизни и смерти, а между тем он был невероятно спокоен. У дам при этой чисто американской сцене захватило дух. Джим Сильвер опустил руку в шляпу. Бессребреник взял револьвер и взвел курок... В этот момент раздался громкий женский крик:

— Пойдите!.. Пойдите!.. Не надо, не надо!.. Я готова выйти замуж за этого джентльмена!..

Тогда поднялся целый ураган возгласов. «Вот как! Свадьба!..» Никто не ожидал такой пошлой развязки.

Но и у дамы, сделавшей неожиданное предложение, тоже нашлись сторонники, закричавшие «браво». Ее подняли на эстраду, где стоял Бессребреник.

Дама была прелестна — белая, розовенькая, с жемчужными зубами и коралловыми губками, с белокурыми волосами горячего оттенка. Она так мило смотрела на таинственного джентльмена добрыми голубыми глазами, ожидая ответа... Но Бессребреник молчал. Тогда дама проговорила:

— Я — миссис Клавдия Остин, вдова Джоффри Остина. Мне двадцать два года, я бездетна и имею состояние в полтора миллиона долларов. Хотите жениться на мне? Я готова хоть сию минуту. Среди публики, наверное, найдется пастор, и даже не один.

Мало кто из присутствовавших сомневался, что Бессреб-

реник примет предложение. Но этот человек, не имевший за душой ничего, даже одежды, дал совершенно неожиданный ответ:

— Сударыня, ваше предложение делает мне огромную честь. Ваша красота достойна трона... Но — простите меня, я не могу на вас жениться.

— Вы отказываетесь!.. — вскрикнула миссис Остин, побледнев, как смерть.

— Увы, да!.. Во-первых, я не чувствую себя способным дать счастье женщине, а во-вторых, не желаю себя продавать. Золотая цепь все-таки цепь, а я всего больше дорожу свободой.

Он грациозно поклонился, при этом его газеты зашеледели. Было очень смешно, но почему-то никто не засмеялся.

— Я почувствовала к вам сострадание, — надменно выговорила миссис Клавдия. — Вы не захотели... Будете потом жалеть.

— Разумеется... если только через четверть минуты не прострелю себе висок.

С этими словами Бессребреник сделал Джиму Сильверу быстрый знак. Серебряный король с самого дна шляпы достал билетик и начал его медленно, методично разворачивать, раздражая нетерпение публики.

Бессребреник приставил дуло револьвера к виску.

ГЛАВА 2

Путешествие. — Ревани дяди Тома. — Бессребреник превращается в сандвич. — Лучшая вакса в мире! — Зачем Снеговик наваксил Бессребренику ноги. — Снаряжение и вооружение. — Пиф и Паф.

Некоторые дамы закрыли глаза руками, расставив, однако, слегка пальцы...

— Путешествие, — глухим голосом, точно фонограф, произнес серебряный король. — Джентльмен, вы должны пройти в продолжение года сорок тысяч километров.

— Ладно, — отвечал с полным бесстрашием Бессребреник.

— Когда вы отправляетесь?

— Сейчас.

— Ставлю миллион долларов против джентльмена, —

вскричала миссис Клавдия Остин, жертвуя с досады двумя третями своего состояния.

— Идет! — отозвался Джим Сильвер. — Этот миллион будет моим!

— Я твердо уверена, что выиграю! — проговорила миссис Остин.

Джентльмен молча поклонился и пошел к дверям. Толпа расступилась перед ним. У дверей он еще раз поклонился и сказал: «Леди и джентльмены! Мое путешествие начинается».

Что говорить, затея была оригинальная, вполне в духе конца столетия — пройти в один год сорок тысяч километров, отказываясь от денег совершенно!.. Бессребреник должен был при этом питаться плодами своих рук или своей головы.

По улице он пошел широким шагом и вдруг остановился перед негром, чистильщиком сапог, который смотрел на него, покатываясь от хохота. Бессребреник подумал: «Я прошел шесть метров. Когда заработаю достаточно денег, чтобы купить записную книжку и карандаш, занесу их в счет. Кроме того, нужно будет запастись шагомером и привязать его к ноге, чтобы не терять ни одного пройденного вершка...» Придя к такому заключению, он очень вежливо поклонился негру, который надменно смерил его глазами с головы до ног и не удостоил ответного поклона.

— Не нужен ли вам помощник? — спросил Бессребреник черного джентльмена.

Негр покатился со смеху.

— Хи-хи-хи!.. Белый хочет чистить сапоги постояльцам гостиниц и проходим!

— Да, я очень беден и хочу заработать несколько пенсов на хлеб.

— А я не хочу делать вас чистильщиком... Это слишком хорошее ремесло для такого бродяги, как вы.

Из гостиницы «Космополит» толпою выходила публика и окружала их, с любопытством следя за первыми шагами кругосветного путешественника.

Негр что-то обдумывал, всей пятерней почесывая курчавую голову. Но вот снова раздался его смех.

— Хи-хи-хи!.. Я с вами проверну хорошенькое дельце, если пожелаете.

Бессребреник холодно ответил:

— У меня нет выбора; я согласен на все, что потребуете.

— Прекрасно. Хотите служить мне сандвичем?

— С удовольствием.

— Так ставьте же скорее свою ногу на мой ящик, как будто бы на вас обувь.

Бессребреник послушно исполнил приказание, негр взял щетку, плюнул на нее, помазал ваксой и принялся чернить ему ступню и голень.

— Лучшая вакса в мире! — проговорил негр.

— Я уверен в этом! — невозмутимо согласился джентльмен.

Негр точно так же наваксил ему и другую ногу; обе блестели, как лакированные сапоги.

— Так как вы теперь сандвич для моей ваксы, то войдите в ручей и докажите, что эта вакса от воды не сходит.

Бесстрастные черты Бессребреника осветились улыбкой.

— Вы самый догадливый из чистильщиков сапог, — сказал он. — Как ваше имя?

— В гостинице «Космополит» меня все зовут Снеговик.

— Вы и похожи... Итак, господин Снеговик, вы очень умный джентльмен. Я сделаю, что вы приказываете.

— Погодите минутку, — сказал негр, обрадованный этим комплиментом.

Обмакнув палец в ваксу, он крупными буквами намазал на газетном листе, прикрывавшем спину Бессребреника:

«Лучшая в мире вакса!

Продается у джентльмена чистильщика
при гостинице «Космополит».

Бессребреник хотел уже идти, но Снеговик опять задержал его.

— Погодите. Вы — сандвич; я напишу на вас это объявление и спереди.

— Справедливо. Но сколько же вы заплатите за мой труд?

— Я не богат... Могу дать вам старые брюки, кусок хлеба и томатов...

— Вы не из щедрых... Почему продаете свою ваксу?

— По шиллингу за коробку.

— Продавайте по два доллара, и разделим прибыль пополам.

— Два доллара!.. С ума спятили!

— Это вы осел.

— Молчать!.. Я ваш хозяин...

— Довольно! — резко остановил его джентльмен. — Или я вас брошу в ручей.

Негр стушевался и принял условие Бессребренника, хотя и не понял идеи.

Бессребренник степенно вошел в ручей, а из окон и с улицы на него смотрели зрители, кричавшие от восторга.

Вакса выдерживала воду. Бессребренник добросовестно перебирал ногами, чтобы показать ее прочность.

— Фи, господин Бессребренник! — раздался вдруг ироничный голос. — За какое ремесло вы взялись!

Джентльмен в это время отсчитывал:

— Сто двадцать шесть! Сто двадцать семь!..

Он обернулся и увидел миссис Остин, смотревшую на него с презрением. Молча поклонился и продолжал считать шаги.

Сбежались репортеры и с криком «ура!» писали что-то в своих блокнотах. Рисовальщики набрасывали эскизы и опрометью мчались в редакции. Фотографы наводили моментальные аппараты и знай пощелкивали ими. Конки звонили, локомотивы били в колокола в честь Бессребренника. Деревянный ящик с коробками ваксы подвергся штурму. Снеговик продавал ее по три, по четыре, даже по шести долларов за коробку. Менее чем в десять минут все было расхвачано. Сбор равнялся ста долларам. Негр волосы рвал на себе с досады, что у него оказалось так мало ваксы.

Бессребренник возвратился к своему патрону. Снеговик хотел в восторге броситься к нему на шею, но джентльмен отстранил его.

Негр добросовестно разделил прибыль и сказал:

— Послушайте, давайте заключим союз... Мы наживем с вами миллион...

— Вы знаете латынь? — спросил его Бессребренник.

— Это еще что такое?.. Нет, не знаю.

— Жаль. А то бы я сказал вам: *non bis in idem*.

— Что это значит?

— Это значит... что в один день нельзя продать два раза на сто долларов ваксы.

— Да отчего же?..

— Прощайте. Мы квиты.

— Неужели не увидимся завтра? — захныкал негр.

— Возможно, увидимся. Мудреного в этом ничего нет...

Ну да, конечно, я приду сюда завтра.

Почти напротив находился магазин готового платья. Бессребренник вошел в него и купил себе полную пару из синего шевиота за пятнадцать долларов и тут же, в задней комнате магазина, переоделся. Теперь он стал больше по-

ходить на порядочного человека, хотя у него еще не было ни белья, ни обуви.

Захватив под мышку газеты, прикрывавшие его наготу, он отнес их в гостиницу и возвратил коридорному, дав в придачу два доллара на чай. Снеговик сейчас же прибежал и купил все эти газеты за 10 долларов, считая их талисманом.

На оставшиеся деньги Бессребреник приобрел себе белье, шляпу, серую блузу, лорнет с дымчатыми стеклами, записную книжку с карандашом, шагомер и, наконец, револьвер Кольта. После всех покупок у него осталось шесть долларов; с этими деньгами он вернулся в гостиницу. У подъезда достал книжку и на первой странице написал — 40 000 000 метров, а на другой, напротив этой цифры — 857 метров, то есть расстояние, какое он уже прошел.

Клерк гостиницы мистер Филипп встретил его, как старого знакомого, и записал в список постояльцев. За комнату взяли два доллара, за обед — доллар. У Бессребреника осталось, таким образом, три доллара. На них он купил дюжину сигар с принадлежностями для закуривания и остался с шестью шиллингами и семью пенсами. Отворив окно, он выбросил деньги на мостовую и, вздохнув с облегчением, сел в кресло-качалку, покуривая сигару и бормоча:

— Ну вот! Я теперь опять свободен, опять бессребреник и могу отдохнуть.

Только он подумал об отдыхе, как у двери зазвенел электрический звонок. Досадуя, джентльмен вскочил с кресла и пошел отворять. Вошли две какие-то темные личности, похожие на сыщиков.

— Что вам угодно? — нахмурился Бессребреник.

Один из незнакомцев притронулся к засаленному борту поношенной шляпы и отвечал:

— Я — мистер Пиф, а это мой товарищ — мистер Паф.

ГЛАВА 3

Будущие спутники.— По телефону.— Приглашение на «цветной» обед.— Совещание.— Лакей Бессребреника.— 15 000 франков сбора.— Спички в две с половиной тысячи франков.

Худой, как гвоздь, длиннолицый, крючконосый, с большим и тонким, точно саблей прорезанным, ртом, лопухий,

в длиннополом поношенном сюртуке, мистер Пиф напоминал Дон-Кихота, переряженного в пастора, лишенного сана. Глаза у него были холодные и пронизательные.

Мистер Паф представлял резкую противоположность своему товарищу. Круглый, коротконогий, с огромным животом, с апоплексической шеей, грушеобразным красным носом, двойным подбородком, с перстнями на жирных руках, он имел вид обжоры и пьяницы; однако взгляд у него был замечательно быстр и энергичен.

Бессребреник смотрел на них, как человек, желающий поскорее сплавить докучливых посетителей.

Мистер Пиф продолжал своим густым басом:

— Мистер Паф — бывший сыщик... Я тоже... Мы вновь обратились к нашей специальности благодаря мистеру Джиму Сильверу.

— Да мне-то какое до этого дело?

— Очень большое. Мистер Сильвер поручил нам повсюду сопровождать вас.

— Как?.. Что?..

— Дабы следить за точным исполнением условий заклада.

— Действительно ли у меня не будет даже гроша в кармане — это нужно проверить?

— Именно. За довольно кругленький гонорар мы обязались дать серебряному королю подробный отчет о вашем оригинальном путешествии.

Мистер Паф перебил коллегу пронзительным голосом:

— При этом запрещено помогать вам в чем бы то ни было.

— Я ни за чем к вам и не обращаюсь! — воскликнул Бессребреник. — Но скажите, пожалуйста: для чего, собственно, сей визит?

— Все очень просто, — вежливо, совсем не в американском духе отвечал мистер Пиф. — Вы — джентльмен выдающийся, и, чувствуя к вам большую симпатию, мы сочли долгом представиться. Ведь видеться придется ежедневно!

— Сказать по правде, я не предвидел такого надзора за собой, но он мне нисколько не мешает, и потому охотно готов пожать вам руки, прежде чем сказать «до свидания».

Пиф и Паф остались очень довольны приемом и, попрощавшись, немедленно отправились занять номер в гостинице.

Только Бессребреник снова закурил сигару и уселся в легкое кресло-качалку, как зазвонил телефон.

«Опять!» — полусмеясь-полусердясь подумал он.

— Господин Бессребреник!

— Что угодно?

— Хотите писать корреспонденции в «Нью-Йорк Геральд», пока будете путешествовать?

— Отчего же нет?

— Редакция заплатит вам сколько пожелаете.

— Я согласен на обыкновенный ваш гонорар.

— Два шиллинга за строчку.

— Отлично!

Бессребреник подумал про себя: «Это будет мне хорошей поддержкой».

Он снова бросился в качалку и закурил сигару. Но опять зазвонил телефон.

Бессребреник начал уже сердиться.

— Господин Бессребреник!?

— Я.

— Не возьмете ли вы фотографический аппарат фирмы...

— Нет!

Другой собеседник предложил:

— Не хотите ли принять макинтош от фирмы...

— Нет!

— Мистер Бессребреник!.. Мистер Бессребреник!.. Важное дело!..

— Что такое?

— Не прочтете ли вы сегодня лекцию в Политехническом зале?

Новый вопрос:

— Мистер Бессребреник, не примете ли вы от ваших поклонников приглашение на послезавтра на «цветной» обед в Чикаго?

— С удовольствием!

— Итак... мы на вас рассчитываем.

Телефон продолжал звонить. В сердцах Бессребреник вырвал из аппарата блестящий черный шнур, ударив им об пол, будто плеткой.

— Довольно!.. Голова трещит! Сегодня — лекция, завтра поездка в Чикаго на «цветной» обед... Довольно, довольно!

Избавившись от телефона, джентльмен спокойно докурив сигару, покачался в кресле и заснул. Проснувшись

к обеду, он с большим аппетитом поел, потом привязал к ноге шагомер и пешком отправился в Политехнический зал читать лекцию.

У дверей гостиницы он увидел негра Снеговика и в свою очередь расхохотался: Снеговик оделся в газеты, которые прежде прикрывали Бессребренника, и старался продавать ваксу. Но торговля шла плохо: он назначил сумасшедшую цену, и над ним только смеялись.

Истратив все деньги, он вынужден был теперь кусать локти. Увидав Бессребренника, негр смиренно приблизился к нему и жалобно проговорил:

— Бедный Снеговик несчастен. Он разорился. Торговля его пропала. Не нужен ли вам слуга?

Джентльмену стало жаль его. Совсем не подумав о том, что придется кормить и таскать за собой лишнего человека, он сказал:

— Ступай за мной.

От радости Снеговик подпрыгнул, одним взмахом руки сбросил в ручей все принадлежности своего ремесла и, улыбаясь до ушей, пошел за новым хозяином.

Когда Бессребреник вошел в зал, он был набит до отказа. Джентльмена встретили громкими аплодисментами и криками «браво!». В первом ряду сидели мистеры Пиф, Паф и миссис Остин с карандашом и книжкой в руке.

Поставив за собой слугу, Бессребреник поклонился публике и начал лекцию. Он не готовился совершенно, говорил по вдохновению и решительно обо всем: о больших путешествиях, о мореплавании, о воздушных шарах, о медицине, о кухне, о политической экономии, о промышленности, рассказывал удивительные истории о невероятных приключениях, трунил над американцами вообще и над своими слушателями в частности, продернул Джима Сильвера, серебряного короля, Пифа и Пафа, а под конец и самого себя. Лектора хотели нести на руках, до такой степени его беседа понравилась публике. Сбор оказался превосходным: около 15 000 франков. Для человека, не имеющего в кармане ни гроша, это было очень и очень много. Бессребреник тут же послал слугу приобрести приличную одежду и купить в конторе зала два билета до Чикаго. Как известно, железнодорожные билеты продаются в Америке везде.

Через двадцать минут Снеговик вернулся, одетый коблом. Этот костюм — давнишняя его мечта — стоил 500 франков. В гостинице за помещение и стол было заплачено до следующих суток. У джентльмена оставалось,

таким образом, еще 2850 долларов. Их следовало куда-нибудь сбыть, чтобы не нарушить условий пари.

Золото и серебро он разменял на банковские билеты и достал портсигар, где лежали четыре сигары. Одну он предложил мистеру Пифу, другую мистеру Пафу, третью Снегову, а четвертую взял себе. Затем свернул фитилем билет в 500 долларов и приказал слуге:

— Держи и стой смирно!

Точно так же свернул еще три билета, два из них отдал сыщикам, а четвертый оставил у себя.

— Зажигай! — велел он негру, указывая на газовый рожок для курильщиков.

Негр скорчил рожу и хотел что-то сказать, но Бессребреник перебил:

— Слушайся или ищи другого хозяина!

Негр с отчаянием исполнил приказание.

— Хорошо. Подай теперь огня этим господам.

Негр подал Пифу и Пафу горящую бумагу, от которой те зажгли свои билеты. Как настоящие американцы, они поняли и оценили поступок Бессребреника. И, сделав несколько затяжек, протянули ему руки:

— Вы — большой человек. И, надо полагать, далеко нас заведете.

— Я уверен в этом... Эй, Снеговик! В нашей кассе осталось еще 850 долларов. Возьми их себе. До завтрашнего дня можешь их пропить, проиграть, проесть, потерять... Но помни, что ты не имеешь права держать при себе хотя бы грош, покуда мы вместе. Не забудь также, что завтра в восемь часов утра едем в Чикаго.

ГЛАВА 4

Нечего есть.— Опять миссис Клавдия.— Черный обед в воспоминание о первом дебюте.— Мнение Бессребреника об оригинальном обеде.— Нефтяная королева.— Проект обогащения.— Телеграмма.— Басня о молочнице и крынке молока.— Компания.— Господин и госпожа Бессребреники.

На станции, откуда отходил поезд в Чикаго, Бессребреник застал, как ожидал, Пифа и Пафа. После вежливого обмена приветствиями все трое сели в один вагон. Снеговик

расположился рядом со своим господином. Они устроились и стали ждать свистка.

Наконец, тяжелая машина, вздрогнув, тронулась.

Оба сыщика уселись по-американски, опустив головы, положив ноги на спинку противоположного кресла. Снеговик, быстро перенимавший хорошие манеры, последовал их примеру, а для большей устойчивости еще и зацепился шпорами за обивку дивана. На диване сидел как раз его господин; но последний нашел эту фамильярность вполне естественной.

Поезд, выбрасывая клубы дыма, минуя города, местечки, мосты, мчался через туннели, равнины, к великому изумлению негра, который до тех пор не мог себе вообразить, что свет так велик. Возбуждая костюмом ковбоя всеобщее любопытство, он был счастлив, принимал важные позы, выпячивал грудь, вообще рисовался.

Но от Нью-Йорка до Чикаго дорога длинная, и после пяти-шести часов пути Снеговик почувствовал, что голоден, о чем и сообщил своему хозяину. Тот воскликнул:

— Ах, а я об этом и не подумал!.. Только, видишь ли, у меня нет ни гроша в кармане; придется затянуть потуже пояса.

Пиф и Паф вернулись в эту минуту из вагона-буфета, плотно закусив, веселые, с зубочистками во ртах.

Снеговик, высунувшись из окна, впитывал в себя кухонные ароматы, которыми благоухал воздух, и бормотал:

— Плохой вы негр, мистер Снеговик! Не приходится вам зажигать сигару зеленой бумажкой!.. Денег ни гроша, поесть не на что!.. Другой раз надо откладывать деньгу... экономить!

— Попадись мне только с этим! — проворчал Бессребреник... — Вздумал экономить!.. Захотелось моей смерти?..

Делать было нечего: голодный негр и голодный господин старались проспать те мили и часы, которые еще оставалось проехать. Их разбудил крик кондуктора.

— Чикаго!.. Чикаго!..

Выйдя из вагона, Бессребреник, никогда ничему не удивлявшийся, немало изумился при виде молоденькой женщины, одетой в изящный дорожный костюм. В руках у нее был плед на ремнях.

— Здравствуйте, мистер Бессребреник.

— К вашим услугам, миссис Остин.

— Куда вы?

— Еду на «цветной» обед.

— К кому?

— Не знаю.

— Какая улица?.. Какой номер?

— И того не ведаю.

— И вы уехали из Нью-Йорка, не справившись?..

— Тот, кто пригласил меня, сумеет отыскать... А вы?..
Вы здесь какими судьбами?

— Я приехала этим же поездом. Вам не неприятно будет пройти со мной под руку?

— Буду весьма польщен, очень счастлив...

Несметное полчище репортеров, фотографов, рисовальщиков, просто любопытных собралось на перроне. Миссис Остин взяла под руку джентльмена; Снеговик последовал за ними, Пиф и Паф делали все возможное, чтобы толпа не оттерла их.

— Бессребреник! Бессребреник! — кричали репортеры. — Где вы, мистер Бессребреник?

Неузнанный джентльмен уже был на улице, между тем как его искали по всем углам вокзала.

— Как же вы намерены поступить дальше? — спросила миссис Клавдия.

— Остановлюсь в «Атенеуме», объявлю о своем прибытии и стану зарабатывать на пропитание.

— В таком случае проводите вначале меня...

— Я только что собирался просить доставить мне эту честь.

Они шли около получаса, и молодая женщина, наконец, остановилась перед роскошным отелем.

— Войдемте, — предложила она.

Бессребреник последовал за любезной хозяйкой.

Они очутились в великолепном зале, где было несколько джентльменов и леди в нарядных туалетах. При появлении миссис Клавдии и ее спутника поднялся легкий ропот.

— Господа, позвольте представить мистера Бессребреника — героя дня... Он принял приглашение на обед, которое я послала в Нью-Йорк. Мистер Бессребреник, — обратилась она к нему, — вы здесь у меня в гостях. Позвольте руку, и пройдемте в столовую.

При этих словах молодая женщина сбросила серый каш-пюсер, окутывавший ее с головы до ног, и появилась в черном атласном платье-декольте, с черными жемчужинами

в ушах и звездой из черных бриллиантов, воткнутой во вьющиеся пряди пепельных волос...

Мистер Бессребреник был ослеплен. Он вежливо поклонился и проговорил:

— Вы — волшебница!

Все пошли в столовую, и при виде ее странного убранства у молодых леди вырвались восклицания испуга.

Следует сказать два слова о «цветных» обедах — странной, оригинальной выдумке американцев.

На этих обедах — голубых, желтых, зеленых или лиловых — все должно приближаться по тону к тому цвету, который избрала хозяйка дома.

Все должно быть розовое или голубое, лиловое или желтое: убранство столовой, посуда, туалеты дам, блюда, десерт, бутоньерки у мужчин, даже драгоценные камни.

Самый обыкновенный — розовый обед: торжество лососины, ростбифа, биска, томатов, креветок, кремов, редиски, красиво украшенных пирожных, фруктов, роз.

— Насколько я знаю, еще никто не давал черного обеда, — сказала, улыбаясь, миссис Клавдия. — И вот мне, женщине эксцентричной, пришло в голову устроить такой обед в честь ваших дебютов, мистер Бессребреник. Как вы находите, мой план выполнен успешно?

— Чудесно! — отвечал, смеясь, джентльмен. — Невозможно, наверное, более своеобразно напомнить о недавнем прошлом тому, кто служил живой рекламой черной ваксы... Кстати, куда девался Снеговик, мой бывший хозяин, а теперешний слуга?

— Не беспокойтесь. Мистер Пиф и Паф взяли на себя заботу о его черной персоне.

— Прекрасно.

Гости разместились по указанию хозяйки, и мистер Бессребреник, сидевший по правую ее руку, не без иронии смотрел на представившееся зрелище.

А зрелище было странным и мрачным: огромная столовая, вся обтянутая черным, в том числе и потолок. Черный ковер на полу, стол, накрытый черной бархатной скатертью, на которой лежали меню и карточки с именами гостей, написанные белым по черному. Салфетки были черные, как и посуда и серебро. Прислуживали, само собой, негры, черные как уголь. Все дамы оделись в черное, и единственные украшения, допущенные хозяйкой, состояли из черных бриллиантов, черного жемчуга и оксидированного серебра.

Впечатление от такого стола под волнами электрического света, лившегося с черного потолка, получалось действительно необычайным, и гости громко восхищались. Кушанья, которыми был уставлен стол, представляли целую гамму цветов, начиная от коричневого до совершенно черного.

Здесь были колбасы и всякие припасы: черная редька, черный хлеб, поджаренное мясо с темными, странными на вид и на вкус соусами. Вино подавалось густого фиолетового цвета, как чернила, а кофе, естественно, черный. Белого было — только женские плечи, мужские манжеты и манишки, да и то многие нарядились в черное, поистине ужасное белье...

Мистер Бессребреник после шестнадцатичасового путешествия не страдал отсутствием аппетита. Однако, не выпуская куса изо рта, он был любезен со всеми. Миссис Клавдия, сделавшая попытку удивить джентльмена, очень хотела знать, как понравилась гостю эта американская веселость под катафалком.

Она подозревала, что мистер Бессребреник — иностранец, может быть даже француз, и вполне сознавала отсутствие хорошего вкуса в своем празднике. Мнение Бессребреника хозяйка ставила особенно высоко, так как вообще относилась к нему далеко не равнодушно.

Любила ли она его?.. или ненавидела?.. Наверное, и то и другое вместе. Может, как раз оттого, что этот иностранец отнесся к ней равнодушно, миссис Клавдия обратила на него более внимания, чем на кого-либо другого. Кроме того, знакомство с ним ее интересовало, создавало ей успех, обращало внимание на ее поступки, а ради рекламы она готова была пожертвовать многим.

— Скажите, наконец, что вы думаете обо всем этом? — спросила она мистера Бессребреника.

— О чем именно?.. о поваре?.. о кушаньях?..

— Мне хотелось бы знать ваше мнение обо всем.

— Что же! Повар ваш совершил подвиг... придумать такие блюда — настоящий подвиг... Убранство тоже экзотично... А что касается гостей, я скажу, что они — янки — умеют ценить подобные проявления оригинальности.

Миссис Клавдия капризно покачала своей хорошенькой головкой — пепельные кудри еще рельефнее выделились на черном фоне — и, состроив гримаску, проговорила:

— Вы несколько жестоко относитесь и к моему празднику, и к его устроительнице...

— Намереваетесь защищать янки и признаете у них вкус?

— Я как американка...

— Вы прежде всего женщина; ваш каприз — закон, и вы имеете на то право.

— Вы уклоняетесь от ответа... Мой обед...

— Я говорю, что очень приятно быть такой богатой и предлагать гостям подобные увеселения...

— О, я знаю, что об этом подумают в Америке! Но в Европе?.. Вы не американец?

— Кто знает...

— Вы француз?

— Может быть.

— Парижанин?

— Я — человек без гроша в кармане.

— Но от вас зависело сделаться миллионером!

— Куда мне!..

— Вы имели бы солидное состояние, и в два-три года оно могло удвоиться.

— Благодарю за хорошее обо мне мнение.

— Я — владелица нефтяных источников, открытых недавно в Дакоте.

— Мельком слышал об этом.

— Там теперь возник целый городок — Нью-Ойл-Сити, будущий соперник многолюдного Петроли-Пенсильвании... Мистер Джай Гульд — золотой король, мистер Джим Сильвер — серебряный, а я сделаюсь нефтяной королевой. У меня будет дворец в Нью-Йорке, коттедж в Йеллоустонском парке, собственный салон-вагон на всех железных дорогах, отель в Париже, вилла в Ницце, яхта в тысячу тонн на океане... Я буду сиять по своему капризу на землях и морях то одного, то другого полушария.

— Вы не находите, что все это очень утомительно? — спросил равнодушным тоном джентльмен.

Но восклицания, вызванные у гостей планами на будущее красавицы хозяйки, заглушили вопрос Бессребреника.

Все знали историю быстрого обогащения миссис Клавдии: ее покойный муж — молодой инженер, погибший в одной из железнодорожных катастроф, разбогател благодаря счастливой случайности. Став вдовой, миссис Остин не продала земли, на которой оказались нефтяные источники, но продолжила их разработку, заставив всех, от последнего рабочего до главного инженера, повиноваться себе.

За полтора года она получила полтора миллиона долларов и положила их в банк как неприкосновенный капитал.

Ею многие восхищались, и у красивой, образованной, деловитой женщины не было недостатка в женихах.

Говоря со своим гостем, она возвысила голос, так что присутствовавшие слышали ее. Все серьезно верили в возможность осуществления грандиозной мечты хозяйки и отнеслись к ней с шумным восторгом. Один из гостей встал и, подняв бокал с фиолетовым вином, предложил тост:

— Леди и джентльмены! Божественная миссис Клавдия Остин позволила мне поднять бокал в честь ее. Пью за здоровье королевы ума, королевы красоты и, надеюсь, в скором времени — нефтяной королевы...

В это время в комнату вошел метрдотель. Одетый в безукоризненный черный костюм, он был единственным из слуг с белым лицом.

Представьте ужас хозяйки! Это бледное лицо нарушило господствующий тон обстановки... И другая непростительная оплошность: непрошенный гость держал в руках не черный поднос, а белый.

А на подносе?..

— Что такое, мистер Шарп?..

— Важная телеграмма.

— Откуда вы знаете?

— Я прочел ее и, смею думать, правильно сделал. Миссис Клавдия развернула депешу.

Телеграмма оказалась длинной. Когда она закончила чтение, губы ее побледнели так же, как и щеки.

Впрочем, то было единственным проявлением волнения — руки не дрожали и глаза сверкали.

Наступило тяжелое выжидательное молчание.

— Будем же продолжать веселиться, — обратилась миссис Клавдия к гостям, но голос ее как бы потерял некоторую долю звучности.

Затем, обращаясь к джентльмену, предложившему тост, она прибавила:

— Нефтяная королева благодарит вас за добрые пожелания.

К ней вернулось спокойствие, щеки снова порозовели. Она передала телеграмму Бессребреннику.

— Я думаю, вы поступили благоразумно, не женившись на мне.

Джентльмен бросил на нее вопросительный взгляд.

— Прочтите, — сказала она, — и вы все поймете.

Он повиновался:

«Доводим до вашего сведения, что ковбои осаждают

Нью-Ойл-Сити. Нефтяные цистерны горят. Собираются взорвать колодцы динамитом. Рабочие сопротивляются, но боимся, что нельзя будет долго продержаться. Убытки громадные. Бедствие ужасное. Необходимо скорое решительное вмешательство. Иначе — разорение. Просим немедленно прислать инструкции. Гаррисон, главный инженер».

Бессребреник возвратил телеграмму миссис Клавдии, которая пристально глядела на него:

— Что вы на это скажете?

Он ответил с ироничной улыбкой:

— Когда мне своим трудом удастся заработать достаточную сумму денег...

— Вы дадите мне взаймы?..

— Нет, постараюсь отложить три шиллинга...

— Чтобы?..

— Чтобы купить экземпляр басен Лафонтена.

— Это еще что такое?

— Я предложу вам одну из них... Когда вы прочтете «Молочницу и крынку молока», то убедитесь, что нет кувшина, который не мог бы опрокинуться.

— Можно подумать, мое несчастье доставляет вам удовольствие.

— Нет, я отношусь к нему равнодушно. Впрочем, будет любопытно посмотреть, как вы выпутаетесь из затруднения.

— А если я попрошу вас о помощи?..

— Подумаю... Хотя помощь от человека, у которого нет ни гроша, весьма сомнительна.

— Вы — необыкновенный человек!

Она говорила тихо, и со стороны казалось — равнодушно, так что гости ничего не поняли.

Общая беседа снова оживилась, и телеграмма стала забываться.

Правда, гости находили, что хозяйка слишком внимательна к этому странному господину, хотя тут же извиняли ее — как-никак он был знаменитостью!

— Послушайте,— продолжала миссис Клавдия.— Вы отказались жениться на мне, и я даже смогла рассердиться... Теперь, вероятно, у меня уже ничего нет, и я предлагаю вам не брак, но дружбу. Почему миссис Бессребренице не стать товарищем мистера Бессребреника?

— Да, это идея!

— Вы принимаете?

— Без сомнения! Только с одним условием — чтобы вы действительно не имели ни гроша.

ГЛАВА 5

Первые затруднения устранены.— Не хватило трех су! — На поезде.— «Негодные земли» Небраски.— Последние бизоны.— Ранчо.— Первая встреча с ковбоями.— Битва.— История кондуктора, съевшего свою хозяйку.

Таким образом, отношения между миссис Остин и крайне своеобразным джентльменом, прозванным «Бессребреником», упрочились и одновременно усложнились. Они стали товарищами, составив синдикат двух бедняков и положив начало фирме «Без гроша в кармане и К°».

Бессребреник, возможно, был наиболее богатым из двух компаньонов — его состояние равнялось нулю, тогда как миссис Клавдия не знала, не обернулось ли ее разорение несколькими сотнями тысяч долга.

Без колебания она решила немедленно отправиться в дикую пустынную Дакоту, в самый центр восстания, чтобы принять личное участие в борьбе.

У янки много недостатков, но одного достоинства у них оспаривать нельзя — энергии, соединенной со смелостью. Ничто не в состоянии смутить или обескуражить янки. Он с совершенным хладнокровием переносит самые ужасные бедствия и, в случае надобности, без колебания жертвует жизнью, стремясь остаться победителем в «борьбе за существование».

Храбрая женщина обсудила свой план с джентльменом.

— Значит, мы едем в Дакоту, — заключил он.

— Да, любезнейший компаньон.

— Следовательно, мне надо заработать столько, чтобы я мог заплатить за поездку из Чикаго в Денвер, и не только за себя, но и за Снеговика.

— Прошу вас, не беспокойтесь об этом. Издержки покроются из общего капитала.

— Но ведь он исчисляется нулями?..

— Примите в виде аванса сумму, необходимую на проезд и пропитание.

— Невозможно!.. Я дал обещание не принимать ничего ни под видом подарка, ни займа...

— Как же быть?.. Время идет... боюсь, не поздно ли уже.

— Поезжайте вперед, а я со своим слугой догоню вас.

— Без вас я не поеду.

Во время разговора Бессребреник вынул записную книжку и начал что-то писать.

— Вы позволите? — спросил он у своей собеседницы, смотревшей на него с недоумением.

— Конечно! Продолжайте.

Он писал, не отрываясь, с полчаса и вздохнул с облегчением, когда закончил.

— Можно узнать, в чем дело? — спросила миссис Клавдия, любопытная, как все женщины.

— Телеграмма в «Нью-Йорк Геральд», корреспондентом которой я являюсь.

— Она даст вам возможность заплатить за проезд?

— Надеюсь... Но прежде всего надо ее отправить.

— Кто-нибудь из моей прислуги легко справится с этим. Хорошо?

— Нет.

— Опять не понимаю.

— Вы платите вашим людям, стало быть, я не могу пользоваться их услугами... Я ничего не могу принять даром... даже четверти часа чужого времени.

— Вы начинаете приводить меня в отчаяние.

— Какое жалованье получает ваш слуга?

— Сорок долларов в месяц.

— Стало быть, в день доллар и... Позвольте мне перевести на французский счет...

— Для чего вам все это? — Миссис Клавдия начинала терять терпение.

— Вот для чего: ваш слуга получает в сутки шесть франков шестьдесят сантимов, то есть в час около двадцати восьми сантимов... Предположим, что ему нужно полчаса, чтобы сходить на телеграф; стало быть, я должен уплатить ему пятнадцать сантимов, то есть три су.

— Ну, а дальше?

— Этих трех су у меня нет и не может быть; недаром я джентльмен «Без гроша в кармане».

Несмотря на серьезность положения, миссис Клавдия не могла удержаться от смеха.

— В самом деле, очень забавно; но как вы думаете: в конце концов не станет ли это неудобным? — спросила она.

— Не знаю... может быть.

— Что вы намереваетесь делать?

— Сам отнесу телеграмму...

— Могу я знать ее содержание?

— Извольте. Это подробное сообщение о вашем черном

обеде, оригинальной выдумке миллионерши и хорошенькой женщины...

— Миллионерши уже нет!..

— Но хорошенькая женщина стала еще прелестнее.

— За отсутствием мелочи вы богаты любезностями.

— Всегда к вашим услугам.

— Бегите же на телеграф!.. Разве вы забыли, что моя нефть, мой завод, мой город — все горит.

Джентльмен побежал на телеграф и по дороге встретил Пифа и Пафа со Снеговиком, пьяным, как всамделишный ковбой, проглотивший пинту «Сока тарантула».

Троица пустилась вдогонку за джентльменом, словно тот пытался скрыться от них. Остановились у телеграфа.

Депеша немедленно была отправлена в Нью-Йорк, и час спустя Бессребреник, благодаря американской четкости, уже получил плату за свою первую статью.

Прежде чем вернуться к миссис Клавдии, он зашел взять билет на поезд для себя и Снеговика.

Его спутница была уже готова. В путь она отправлялась по-американски, намереваясь купить дорогой все, что понадобится. Два ручных чемоданчика, плед, непромокаемый плащ, зонт — вот и все, что составляло ее багаж.

Бессребреник передал чемоданы негру, сам взял плед с плащом и предложил руку миссис Клавдии.

Пиф и Паф не отставали от них.

Между Чикаго и Денвером нет недостатка в путях сообщения. Всего насчитывается до пяти железнодорожных компаний, наперебой пускающих в ход рекламу, восхваляя удобства, комфорт и быстроту своих поездов. Но если поезда в действительности прекрасны, то самый путь ужасен; в этом отношении ни одна из пяти конкурирующих дорог ни в чем не может похвастаться перед другими.

Пиф и Паф, поддерживая Снеговика, усадили его благополучно между собой в том же вагоне, где поместились Бессребреник и миссис Клавдия.

До Денвера было тридцать часов пути. Выехали рано. Снеговик спал, как тюлень; Пиф и Паф жевали табак, разгуливая по всему поезду; Бессребреник и миссис Клавдия разговаривали, мечтали, делали заметки и спали. Проехали несколько городов и достигли, наконец, штата Небраска, одного из самых бесплодных во всех Соединенных Штатах и занятого большей частью так называемыми «негодными землями». Нельзя придумать названия, более подходящего для этих необозримых пустынных равнин, где

не видно никакой другой растительности, кроме шалфея, сильный запах которого разносится в воздухе. Кругом ни дерева, ни холма, ни хижины, лишь группы индейцев нарушают иногда монотонность пустыни.

Поезд шел вдоль Платт-Ривера; заросли шалфея исчезли и стали попадаться люди, стада, фермы.

Цивилизация завоевала эти необозримые пространства и преобразила их. Там, где двадцать лет назад кочевали краснокожие и бродили бизоны, пасутся бесчисленные стада быков, баранов и лошадей. Бизоны уже почти исчезли — осталась всего сотня голов. Закон взял их под свое покровительство, поместив в Йеллоустонском парке.

Индейцы тоже близки к исчезновению. Неумеренное употребление водки и болезни, занесенные белыми, действуют на них губительно.

В Небраске с особенной ясностью видна работа, преобразующая весь Американский материк с запада на восток.

Людская волна, которую ничто не сдерживает, безостановочно продвигается вперед, никогда не отступая назад, заполняя необозримые пространства между Атлантическим и Тихим океанами. На всем этом протяжении то и дело появляются местечки, быстро превращающиеся в многолюдные города.

Между этими городами, расположенными подчас на громадном расстоянии, виднеются маленькие деревянные домики, склады угля, колодцы и изредка встречаются люди.

Любопытный путешественник, заглянув в путеводитель, читает, что эта хижина, эти столбы с дощечками названы городом.

Если это заметит американец, он улыбнется и скажет:

— Вы удивлены — и совершенно справедливо... Но приезжайте сюда лет через пять-шесть и действительно увидите город с десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами жителей.

И это правда.

Денвер служит живым доказательством необычайно быстрого роста городов. Ему нет еще и двадцати пяти лет, а он насчитывает уже до ста сорока тысяч жителей.

В нем есть университет, биржа, несколько театров, обширные бульвары, ботанический сад, великолепные церкви, десятиэтажные дома и всюду электрическое освещение.

По мере приближения к молодой, роскошной столице

штата Колорадо количество ферм и обработанных земель увеличивалось.

Скоро беспрерывно потянулись ранчо, окруженные проволочной изгородью, идущей вокруг деревянного дома и хозяйственных построек.

Там и сям паслись быки, коровы и лошади под охраной разъезжающих верхом ковбоев.

На одной из станций несколько из них сели в вагон, звеня деньгами в карманах,— то, что досталось с таким трудом, предполагалось истратить на шумные попойки.

Они фамильярно обратились к негру, принимая его за своего:

— Хелло, бой!

Произошел обмен рукопожатиями, от которых, казалось, мог последовать вывих плеча, и через минуту собеседники уже плевали друг другу на ноги табак, который все здесь жуют с наслаждением.

— Откуда вы?.. Куда отправляетесь?..

— Из Нью-Йорка... Туда.

— Куда?

— Не знаю!

— Он глуп... или смеется над нами...

— Не смеюсь, говорю правду.

— Это не ковбой, а грязный негр, одевшийся по-нашему.

— Мошенник... Идиот... Негодяй!.. Постой, мы тебя научим, как выставять себя не тем, что ты есть!..

Их было человек шесть; довольные случаем пошуметь, они с криками окружили Снеговика, забавляясь его испугом.

С бедняги сорвали шляпу и оборвали галун. От рубашки летели клочья. Негр, восхищавшийся своим героическим костюмом, плакал, как дитя. Голосом и знаками он умолял хозяина прийти на помощь. И, наконец, Бессребреник, которого эта сцена сначала забавляла, решил вступить за своего слугу.

— Господа,— обратился он миролюбиво к ковбоям,— оставьте!

Ему захохотали в лицо. Бессребреник тоже начал смеяться, хотя ноздри его и верхняя губа поднялись в странной гримасе. Миссис Клавдия с любопытством наблюдала, что он намеревается делать.

Джентльмен встал и сказал сухим отрывистым голосом:

— Я просил вас... Теперь приказываю... Прочь лапы!

При этих словах ковбои на минуту выпустили свою жерт-

ву, находя очень смешным человека, осмеливающегося выступать сразу против шестерых.

— Пойдите! — воскликнул один из них. — Мы и его разденем, оголим, как червяка. Сударыня, потрудитесь пройти в соседнее отделение: вам будет неловко.

Миссис Клавдия не трогалась с места, все более и более заинтересовываясь происходившим. Бессребреник выпрямился и заслонил собою негра. Ковбои, нещадно ругаясь, бросились на него, стараясь повалить.

Без видимого усилия джентльмен дал пинок, с математической точностью попавший в чей-то перепоясанный красным кушаком живот. Затем его рука стремительно разогнулась и раздался удар по одному из багровых носов. Послышались возгласы: «Ох!.. А-а-а!» Обладатель живота упал на пол, его товарищ с разбитым носом последовал за ним.

— Очень мило, — заметила миссис Клавдия.

Но это было не все. На ногах остались еще четыре взбешенных противника. Бессребреник, усвоивший, вероятно, что нападение — лучшая защита, упредил своих врагов. Двое из ковбоев имели длинные бороды. Джентльмен схватился за них и резко дернул. Из двух ртов вырвался бешеный рев. Бессребреник, желая дополнить урок, развел руки и снова сблизил их со страшной силой. Два лба столкнулись и ударились друг о друга с шумом брошенной о стену тыквы. Удар был столь чудовищен, что вой, несшийся из открытых ртов, вдруг замолк. Джентльмен выпустил бороды, и оба ковбоя, потеряв равновесие, упали на товарищей, уже прежде лишившихся возможности сопротивляться. Борьба продолжалась не более полуминуты.

Два последних ковбоя, растерявшись, смотрели на живописное смешение рубашек, сапог, шпор, вонзившихся в тело, судорожно сжатых рук и обезображенных лиц.

Впрочем, привыкшие ко всему, они скоро пришли в себя и схватились за револьверы. Но в ту же секунду раздался два выстрела. Оба мерзавца, раненные в спину, упали, как подстреленные кролики — у двери в коридор, соединяющий все вагоны поезда, появился кондуктор, держа еще дымящийся револьвер.

— Что за адский шум подняли эти ковбои? — произнес он хриплым голосом. — Надеюсь, сударыня, вас не побеспокоили?

— Нет, благодарю вас, — отвечала миссис Клавдия.

— Тем лучше.

Между тем раненные стали приподниматься, ощупывая тела и головы.

Бессребреник, не говоря ни слова, смотрел на кондуктора, права которого на поезде почти равны правам капитана на корабле. Поезд мчался на всех парах. «Капитан» сунул еще заряженный револьвер в карман сюртука, схватил без видимого усилия одного из раненых ковбоев за шиворот и выбросил через дверцу на путь. За первым последовал и второй; потом, обращаясь к остальным, кондуктор сказал повелительно:

— Прочь отсюда за ними!.. Иначе... у меня еще два заряда в запасе.

Ковбои попытались уговорить его, но он прицелился, считая:

— Раз!.. Два!..

Видя, что надежды нет, они вышли, шатаясь, на тормоз, но в последнюю минуту снова заколебались. Кондуктор прицелился. Предпочитая увечье верной смерти, ковбои спрыгнули лягушечьими прыжками и скатились по откосу.

Вот как производится расправа в местностях, считающихся ненадежными.

Поклонившись почтительно миссис Клавдии, кондуктор собирался вернуться на свой пост, даже не удостоив взглядом четверых мужчин. В Америке мужчина для женщины ничего не значит. Тут он заметил Снеговика, свернувшегося в кресле и трясущегося как в лихорадке.

— Как! Еще один?..— воскликнул он, принимая негра за ковбоя.

— Нет!..— поспешила уверить миссис Клавдия.— Этот негр — слуга моего спутника, того самого джентльмена, который так храбро защищал его.

— Его счастье; иначе... сами видите, чем меньше этих буйных, тем лучше.

— Вы их очень не любите?

— Потому что знаю хорошо. Я сам был ковбоем.

— Вот как?! Каким же образом вы превратились в кондуктора?

— Я съел свою хозяйку.

— О! Это очень любопытно... Расскажите, пожалуйста.

— Ну что ж... Я работал у богатого скотовладельца, у которого жилось не хуже и не лучше, чем у других, то есть отвратительно. Особенно была ужасна пища: всю неделю нас кормили испорченным соленым салом да отвратительными лепешками из слежавшейся муки — их, поверьте, не ста-

ли бы есть даже свиньи, не только что люди. Я ставлю свиней впереди, как это обыкновенно делал наш хозяин.

Так вот, в один прекрасный день пала корова. Часть ее мы съели еще в свежем виде... Полакомились!.. Остальное мясо посолили и — о радость! — на время забыли о сале! Когда корову покончили, околела лошадь; ее также посолили и съели до копыт. Затем умер сторожевой пес... Его хватило только на один раз... Как мы были рады, что судьба избавила нас от опротивевшего сала!.. Тут случилось несчастье — упавшим деревом убило жену нашего хозяина и козу, которую она доила. Нам изжарили мясо козы, но...

— Но что же? — миссис Клавдия содрогнулась.

— Вкус мяса мне показался таким странным, а кости такой удивительной формы, что я подумал: это, наверно, хозяйка. Ведь хозяин был так скуп!.. И я убежал, даже не попросив расчета, зная, что в семье есть еще пять девочек и четыре мальчика, не особенно крепких здоровьем...

Потом я попал в кондукторы...

Через час после этого разговора поезд прибыл в Девенпорт.

ГЛАВА 6

В дороге.— Сюрприз.— Первые выстрелы.— Пожар.— Город миссис Клавдии.— Проезд свободен.— Адская кадилья.— Подвиги Бессребренника.— Динамитный патрон.— Бессребреник зарабатывает обед.

Однако столица Колорадо не была окончательной целью поездки наших путешественников. Они остановились здесь всего на три часа, назначив друг другу свидание на вокзале, откуда намеревались отправиться в Фокс-Хилл. Вы напрасно стали бы искать это имя на карте. Фокс-Хилл принадлежит к числу тех пока воображаемых городов, которые лишь через несколько лет населятся, а теперь представляют собой только распланированное место.

Мисс Клавдия отправилась прежде всего к своему банкиру в Денвере.

Бессребреник послал телеграмму в «Нью-Йорк Геральд», подумав, что подобный способ изыскивать пропитание становится однообразным. Пиф, Паф и Снеговик не отставали от него ни на шаг. Эта компания начинала раздражать нашего джентльмена. Он стал подумывать, как бы

отделаться от своих спутников, но, не находя пока предлога, злой-презлой вернулся на станцию.

Расстроенная миссис Клавдия уже ждала его. Сообщения банкира о событиях в Нью-Ойл-Сити были самые неутешительные. Молодой женщине грозило полное разорение. Не вдаваясь в рассуждения о причинах катастрофы и не предлагая средств борьбы, банкир только констатировал факты и советовал нефтяной королеве — увы! — королеве, лишившейся престола, продать все как можно скорее и таким образом спасти хотя бы остатки прежнего богатства.

К своему изумлению, он наткнулся на твердое решение экс-королевы бороться до конца.

— Но известно ли вам, что там собралось полтысячи ковбоев, которые все грабят?

— Я думала, что их тысяча...

— Стало быть, у вас есть поддержка?

— Конечно. У меня есть компаньон.

— Компаньон? — с видимым беспокойством спросил банкир.

— Да, замечательный джентльмен... большой оригинал — мистер Бессребреник, вы знаете...

— А! Это тот эксцентричный господин?..

— Да! Он один стоит целого войска.

— Итак, вы решили во что бы то ни стало отправиться в Нью-Ойл-Сити?

— Во что ни стало.

— Помните, что я предупреждал вас — для разбойников нет ничего святого.

— Да... да... Прощайте!

Она вышла и отправилась разыскивать Бессребреника.

По железной дороге они доехали до Фокс-Хилла. Там их ждал кабриолет, запряженный рысаком. Кучер поздоровался с миссис Клавдией, которая ответила ему крепким рукопожатием и представила своему спутнику:

— Мистер Гаррисон, главный инженер Нью-Ойл-Сити... Мистер Бессребреник, мой компаньон.

— Ваш компаньон? — недовольно переспросил мистер Гаррисон.

— Да, — серьезно подтвердил Бессребреник.

— И вы не боитесь, миссис Клавдия, очутиться среди сброда, разоряющего город?

— Отправляюсь туда немедленно!

— Очень рискуете!

— Я привыкла рисковать.

— В таком случае потрудитесь сесть со мной в кабриолет.

— Нет! Кабриолет и лошади мои... Дайте вожжи, я сама буду править... Мистер Бессребреник, садитесь возле.

— С удовольствием, — отвечал джентльмен, исполняя желание миссис Клавдии.

— А я? — обиделся инженер.

— На задней скамейке. Мистер Бессребреник как мой компаньон — ваш хозяин... Вы на службе у него...

Она прищелкнула языком, ослабила вожжи, и рысак помчался как стрела мимо обескураженных Пифа, Пафа и Снеговика.

Требовалось много ловкости от грациозной хозяйки, чтобы проехать по сквернейшей дороге от станции до нефтяных колодцев. Так называемая дорога шла по лесистым холмам, где на месте недавно вырубленного леса были оставлены пни. Можно себе представить, какую гимнастику вынуждены были проделывать лошадь и экипаж!

Целых три часа мчались они по адскому пути. Только американские рысаки, у которых природная скорость и выносливость увеличены специальной выучкой, способны выдерживать такой переезд.

Среди аллей показалась одинокая избушка и возле нее обширный сарай. Две оседланные лошади стояли, привязанные к столбу. При звуке колес человек в костюме ковбоя вышел из избушки и остановился. Миссис Клавдия придержала лошадь, узнав одного из начальников мастерских.

— Что значит этот странный наряд, Боб? — спросила она.

— Здравствуйте, миссис Остин.

— Здравствуйте!

— Я надел этот костюм, чтобы затесаться в толпу добрых малых, забавляющихся там.

— А! Продолжают забавляться?

— Больше, чем прежде... Вот вам доказательство... Видите дым? Вероятно, зажгли вагон-цистерну с нефтью.

Миссис Клавдия слегка побледнела и закусил губы. Боб прибавил:

— Я приготовил лошадь для инженера; ему, может быть, надоело сидеть сложа руки позади вас и этого господина... Гаррисон, вот ваша лошадь.

Инженер, сойдя с кабриолета, спросил:

— Что нового с утра?

— Кажется, заставляют плясать жителей Нью-Ойл-Сити.

— Кто?

— Ковбой. Они составили оркестр. Совсем особенный оркестр, увидите.

Снова пустились в дорогу и скакали еще часа два. Когда въехали на вершину холма, откуда открывался вид на нефтяные колодцы, мастерские и город, расположенный на возвышенности, миссис Клавдия не могла сдерживать гнева. Три вагона, стоявших на рельсах узкоколейки, пылали, окутанные тяжелым черным облаком. Люди, окружавшие вагоны и казавшиеся издали такими маленькими, прыгали вокруг, стреляя из револьверов.

Город, многолюдный, уже красиво обстроившийся, был полон несказанного смятения: крики, пальба, нечеловеческий вой.

В воздухе стоял отвратительный запах, от которого тошнило и голова кружилась.

— Это улечувачаюцца мои миллионы,— сказала миссис Клавдия со смесью иронии и отчаяния.

— Я их верну вам, а если не верну, то найду для вас другие,— совершенно беспечно заметил джентльмен.— Но знаете, милая королева, в ваших владениях прелестно... Это город!.. Настоящий город...

— Недолго ему предстоит просуществовать в руках этих дикарей... Я и теперь удивляюсь, как еще кое-что уцелело.

Уже привыкнув к манере янки выражаться хвастливо, Бессребреник ожидал встретить вместо роскошно устроенного города поселение. К своему великому изумлению, он увидел настоящие дома вдоль настоящих улиц, пересекавшихся под прямыми углами, как принято у американцев. Мостовой, впрочем, на этих улицах не было, и проезжавшие по ним тяжело нагруженные возы оставляли глубокие колен. Среди построек попадалось много наскоро сколоченных бараков, даже изодранных палаток, где ютились туземные рабочие; но большинство домов и магазинов были кирпичные, с крепкими ставнями, впрочем, продырявленными, как решето,— пограничный житель берет за револьвер при каждом удобном случае.

Кабриолет, сопровождаемый обоими всадниками, въехал на главную улицу, где находились контора, магазины и великолепный дом с квартирами инженеров, управляющих и самой нефтяной королевы. Та останавливалась здесь, когда надумывала посетить свою грязную, вонючую богатую столицу.

Первое, что бросилось им в глаза,— дождь горящих головней, сыпавшихся с пылающей крыши большого здания. В нижнем этаже, в салуне, хозяину которого пуля раскроила череп, шла попойка.

Два человека в одежде ковбоев, с расстегнутыми воротниками, с рукавами, засученными по локоть, выбрасывали на дорогу труп. Третий прибывал к вывеске доску с надписью углем: «Смерть вора!»

— Блестящий и шумный въезд! — заметил джентльмен.

— Мне тем больше нравится этот фейерверк, что я оплачиваю расходы,— горько усмехнулась миссис Клавдия.

Разумеется, появление экипажа не осталось незамеченным. Отовсюду слышались выстрелы, засвистели пули, одна из них разбила вдребезги фонарь кабриолета.

— Кажется, дела плохи,— заметил Бессребреник, ощупывая в кармане оружие.

Несколько ковбоев бросилось им наперерез. Один из пьяниц закричал, схватив лошадь под уздцы:

— Пусть попляшут вместе с другими... Женщина, вперед... Эй, красавица... стой!

Тонкие брови миссис Клавдии сдвинулись.

— Проедем, не правда ли? — обратилась она к своему спутнику.

— Да, миссис... позвольте... одну минуту...

Он выстрелил почти в упор в пытавшегося остановить лошадь. Тот упал, раскинув руки. Кто-то попробовал было снова схватить узду, но Бессребреник опять спустил курок. Второй разбойник последовал за первым.

— Проезд свободен.

— Держитесь! — Подобрал вожжи, молодая женщина изо всех сил стегнула рысака. Лошадь, не помня себя, рванулась вперед прямо на ковбоев.

В третий раз Бессребреник поднял револьвер и выстрелил. Очередной противник упал, вытянувшись во всю длину.

Перед ними расступились. Пущенная во весь карьер лошадь помчалась как стрела, и скоро экипаж выехал на площадь, где возвышались постройки правления и самый завод. Здесь смятение было невообразимое. Пешие и конные ковбои — все более или менее возбужденные вином — теснились, кричали, жестикулировали, непрерывно стреляя из револьверов.

Толпа бандитов окружила человек пятьдесят рабочих, судорожно выплясывавших кадиль в одних залитых кровью рубашках. Когда кто-нибудь из обессиленных несчаст-

ных замедлял движение, начиналась пальба, и испуганный танцор принимался опять отчаянно прыгать, будто рубашка на нем горела.

Стараясь прослыть за настоящего ковбоя, Боб, скакавший рядом с экипажем, принялся вторить рычавшим «музыкантам». На него и на тех, кто был рядом, обратили внимание:

— Хозяйка едет!.. Эта шутить не любит... Будет что-нибудь новое!.. А с ней канальи-инженер!.. Оставьте!.. Инженер за нас... Он добрый малый!

Не сводя глаз с лошади, миссис Клавдия отрывисто спросила Боба:

— Что делают эти люди?

— Веселятся, как изволите видеть.

— Кто они?

— Ковбои.

— Откуда?

— Из всех окрестностей.

— А те, которые танцуют?

— Канальи-нефтепромышленники... кабатчики... мошенники-купцы...

— Зачем они танцуют?

— Их заставляют ковбои.

— Почему?

— Потому что все эти мошенники не согласны на их предложения.

— А выстрелы?

— Ими подбадривают тех, кто собирается остановиться... Средство действенное... И музыка есть... Слышите?

И в самом деле, сквозь крики страдания, рев восторга и выстрелы до слуха миссис Клавдии и ее спутника доносились звуки ударов по железной, чугунной и медной посуде: кастрюлям, котлам, изображавшим оркестр.

Против всякого ожидания кабриолет проехал благополучно под градом пуль и камней до самого здания конторы — огромного трехэтажного кирпичного дома, полного разных запасов и товаров. Огороженный частоколом из неотесанных бревен, он стоял посредине большой площадки, занятой службами, телегами, срубами для колодцев, чугунными трубами и всякого рода инструментами. Ставни висели наполовину оторванные; у растворенных настежь окон стекла были выбиты. Одна из главных дверей — выломана. Кабриолет и всадники въехали во двор, где человек тридцать весьма подозрительной наружности остановились

от неожиданности, увидев молодую, хорошенькую, элегантную женщину.

Не обращая на них ни малейшего внимания, Бессребреник легко прыгнул на землю и почтительно помог своей спутнице сойти. Потом он зарядил пустые стволы своего револьвера и проводил миссис Клавдию в дом. Среди сумасшедшей кутерьмы эти двое напоминали людей, прогуливающих ради собственного удовольствия.

Боб и Гаррисон последовали за ними.

— Сломанные решетки, опрокинутые кассы и растрепанные книги — больше ничего не осталось от конторы, — оглядевшись, сказала миссис Клавдия.

— Да, чистая работа! — согласился Бессребреник. — Будто мина взорвалась.

— Не правда ли, это ужасно, — заметил инженер, — и миссис Остин лучше бы ликвидировать дело.

— Смотря по обстоятельствам, — отвечал джентльмен. — Во сколько вы оцениваете эту нефтяную землю и остатки построек?

— В настоящем состоянии не больше двух миллионов долларов... Одна компания финансистов предлагает миллион... На месте миссис Клавдии я бы согласился.

— А каково ваше мнение? — обратился джентльмен к миссис Остин.

— Я нахожу, что этого слишком мало...

— И я тоже, — поддержал ее Бессребреник.

— Могли бы состояться переговоры, — продолжал инженер. — Сколько вы желаете получить?

— Право, не знаю, — отвечала молодая женщина. — Как вы считаете, мистер Бессребреник? Ведь вы мой компаньон.

— Я не взял бы меньше...

— Меньше чего? — с тревогой спросил Гаррисон.

— Ста миллионов долларов, — отвечал Бессребреник своим ровным голосом.

— Вы говорите... ста миллионов?

— Долларов... Да... И то дешево...

— Это безумие!

— Чтобы научить вас торговаться, я прибавлю еще пять миллионов долларов...

— Bravo! Bravo! — воскликнула молодая женщина.

Глухие удары, раздавшиеся поблизости, прервали разговор.

Миссис Клавдия, а вслед за ней джентльмен смело

вошли в соседнюю комнату и очутились лицом к лицу с ватагой человек в пятнадцать.

В центре лежал перевернутый вверх дном несгораемый сундук, все еще сопротивлявшийся усилиям разбойников, вооруженных пиками и толстыми железными прутьями. Кому-то пришла мысль взорвать его динамитным патроном.

Этот опасный снаряд можно купить свободно во всех американских городах, где производятся земляные работы или ведется рубка леса.

Миссис Клавдия и ее спутники очутились в комнате как раз в тот момент, когда ковбой положили патрон на замок сундука. Один из воров нагнулся, чтобы сигарой, которую держал в зубах, зажечь фитиль.

— Что, весело, молодцы? — крикнул Бессребреник, расталкивая кулаками и локтями людей, уже готовых разбежаться в ожидании взрыва.

Услышав незнакомый насмешливый голос, негодяи схватились за пики, выхватили револьверы.

— Черт возьми!.. Хозяйка! — завопили они. — И с ней мужчина!.. Скорей... бегите!..

— Нет... нет!.. Взять их и заставить плясать! — ревели другие голосами, осипшими от пьянства.

— Отлично!.. Кадриль... всех в одних рубашках... сейчас же!

— Сволочи... Подлецы! — закричал джентльмен.

Один из негодяев, более пьяный, чем смелый, протянул свои грязные руки, намереваясь схватить миссис Клавдию.

Молодая женщина побледнела, отступила на шаг и вынула из кармана крошечный револьвер с перламутровой ручкой. Но не успела она выстрелить, как Бессребреник сильным ударом под ложечку сбил негодяя с ног.

— Поберегите свои заряды, — услышала миссис Клавдия.

Крик ярости был ответом на падение ковбоя, четырнадцать оставшихся бросились на смельчаков, потрясая железными прутьями.

Почти не целясь, миссис Остин выстрелила в первого попавшегося — пуля, пройдя через глаз, вышла в затылке. Человек, вскрикнув, упал ничком.

— Благодарю вас, теперь моя очередь, — сказал Бессребреник, поднимая прут, который уронил упавший.

Глаза его засверкали, губы искривились, и он прошипел:

— Вон отсюда! Иначе всем вам конец!

Охваченные безумной паникой, воры устремились к узкому окну, спасаясь бегством.

Бессребреник, потерявший терпение, бросился за ними, нанося удары вправо и влево.

В секунду шестеро из бежавших уже лежали на полу, а ужасная палица продолжала работать, сокрушая все, что ей попадалось. Скоро из пятнадцати грабителей не осталось на ногах ни одного.

Вдруг миссис Клавдия заметила, что фитиль динамитного патрона горит. Каждое мгновение мог произойти взрыв, и все, находившиеся в комнате, погибли бы под развалинами дома. От смертельной опасности у нее перехватило дыхание, в ушах звенело, рябило в глазах. Опрометью она бросилась к патрону, схватила его обеими руками и выбросила во двор.

Он угодил в самую середину бесновавшейся под окнами толпы. Через миг страшный гром потряс окрестность, но еще страшнее была наступившая следом тишина. Казалось, беспредельный ужас заткнул глотки оравшим недавно погромщикам. Кто мог из них, бросился наутек, так и не поняв, что случилось.

Бессребреник, видевший все, воскликнул:

— Браво, миссис Клавдия!

Опершись, словно Геркулес, на свой железный брус, он не сводил глаз с прекрасной молодой женщины.

На опустевшей площади осталось несколько убитых и раненых; в конторе, возле несгораемого сундука, тоже лежали трупы.

Всюду кровь, всюду смерть...

Миссис Клавдия, едва сдерживая отвращение, смотрела на жуткое зрелище, негромко говоря сама себе:

— Что же делать! Мы не хотели этого; мы боролись за жизнь...

— И будем бороться до конца,— подтвердил джентльмен.

Желая поскорее освободить контору, он обратился к инженеру и Бобу, державшимся в стороне во время схватки:

— Ну что вы стоите?.. Троньтесь с места... Сами видите, что могут сделать двое решительных людей...

Инженер вел себя натянуто. Боб же, сраженный мужеством Бессребреника, отвечал:

— С вами, хозяин, я готов идти хоть на край света...

— Отлично, молодец!.. С разрешения хозяйки я назна-

чаю вам награду в тысячу долларов, которую вы и получите, как только возобновятся работы.

— Рассчитывайте на меня!

— Что касается вас, господин инженер, ваше жалованье удвоится и вы будете получать процент с чистой прибыли...

Гаррисон вздрогнул, прямо взглянул джентльмену в глаза и проговорил:

— Я сделаю все возможное, чтобы спасти колодцы.— А про себя подумал: «Другие будут щедрее».

В комнате, кроме них, никого не осталось, зловещая тишина походила на затишье перед бурей.

С помощью Боба и Гаррисона Бессребреник прикатил в контору несколько пустых бочек; за ними нагромоздил множество ящиков. Когда импровизированное укрепление было готово, он вынул записную книжку и быстро что-то набросал, рассуждая вполголоса:

— Посмотрим, сколько километров от Нью-Йорка до Нью-Ойл-Сити... Цифра получается внушительная...

Миссис Клавдия воскликнула:

— Ах, да!.. Я и забыла про ваше пари.

— А про свое собственное?.. Ну и хорош же я!.. Вы ставили против меня, а я пытаюсь вернуть вам ваше богатство! Вот дилемма...

— Все это не должно мешать нам подумать об ужине... Надеюсь, вы примете его от меня.

— Сегодня — пожалуй... Я как ваш служащий, кажется, заработал его... Принимаю в счет жалованья.

ГЛАВА 7

Почему и еще раз почему.— Заблуждение нефтяной королевы.— Бессребреник хочет служить просто на жалованье.— Десять франков в день: разве это много? — В царстве нефти.— Прогулка.

Столкновения между пограничными жителями в здешних местах весьма часты: рабочие на приисках, люди обыкновенно спокойные, и ковбои, народ агрессивный, ненавидят друг друга, как кошка собаку.

Потасовка между ними начинается обычно из-за какой-нибудь безделицы, пустого спора в салуне. Сразу же пускаются в ход ножи и револьверы. Редко какая стычка

обходится без убитых; но никто не заботится о них. Одним или двумя бродягами меньше — и слава Богу! Все знают, что место их очень скоро будет занято другими. Случается, что имуществу трактирщика наносится ущерб; но в конце концов посетители платят за убытки, и все улаживается ко всеобщему удовольствию.

Иногда, впрочем, головы бывают разгорячены больше обыкновенного. И тогда побежденные спасаются в домах, как в крепостях, а победители, возбужденные порохом, кровью и водкой, осаждают их, стараясь добить окончательно.

Если приходит подкрепление со стороны, затевается настоящая битва, длящаяся порой сутки — но не более.

Бессребреник, хорошо знавший, по-видимому, нравы и характер местного люда, терялся в догадках о причинах продолжительности беспорядков во владениях миссис Остин.

— Отчего, — обратилась она к нему, — эти буйства продолжаются не какие-нибудь сутки, а целых три дня, и притом все усиливаются?

Бессребреник задумался на минуту, затем спросил:

— Есть у вас враги?

— Не знаю.

— Приходилось ли вам иметь столкновения с ковбоями?

— Ни прямо, ни косвенно.

— Быть может, ваши рабочие задевали их?

— Нет.

— В таком случае здесь что-то непонятное. Эти беспорядки, как мне кажется, хорошо организованы: лишь только они затихают в одном месте, как тотчас же возгораются в другом.

— Но с какой целью?

— Чтобы завладеть вашим имуществом.

— Вы меня удивляете!..

— Не уговаривал ли вас инженер уже и прежде продать ваши владения?

— Да, в моих собственных интересах...

— А главное, в интересах своих сообщников...

— На каком основании вы говорите так?

— На основании сведений, собранных в Фокс-Хилле по пути сюда... Выслушайте меня. До сих пор не трогали нефтяной королевы, потому что она кормила всю округу; но вчера, разрушив ее дом, магазины и колодцы, кто-то пытался взломать несгораемый сундук, где не было денег,

но зато хранились купчие крепости, планы, межевые акты,— одним словом, все, что может интересовать землевладельца. Кроме того, шериф исчез — умер, по словам одних, бежал, как говорят другие, и охранительный комитет не подает признаков жизни. Не странно ли?

Миссис Клавдия слушала внимательно и в душе соглашалась с джентльменом.

Несмотря на все огорчения, она радовалась тому искреннему участию, которое принимал Бессребреник в ее судьбе. Не верилось, что этот преданный, заботливый господин не так давно отказался от ее руки. «Разве стал бы человек рисковать жизнью ради особы, совершенно ему безразличной?» — все чаще задавалась вопросом миссис Остин.

Желая найти ответ на него, она приняла шуточный тон, представлявшийся странным в контрасте с серьезностью положения, и произнесла:

— Ваш подарок придется как нельзя кстати.

— Какой подарок? — удивился джентльмен.

— Экземпляр басен мистера... да как его?.. Ну, помогите же... Лафонтена. Помните басню о молочнице?

— Простите, мне жаль, что я позволил себе такую бестактность.

Он говорил с обычной откровенностью, смотря прямо в лицо своей собеседнице, довольный оборотом, который принял разговор.

Она улыбнулась:

— Не извиняйтесь, эта шутка отлично подействовала, она подготовила меня к катастрофе. Благодаря вам я не одинока и не беззащитна.

— Не преувеличивайте по своей снисходительности мою заслугу...

— Без вас я бы погибла... Вы спасли все.

— О, прошу, не торопитесь так!.. Помогать вам приказывал мне долг служащего у вас на жалованье.

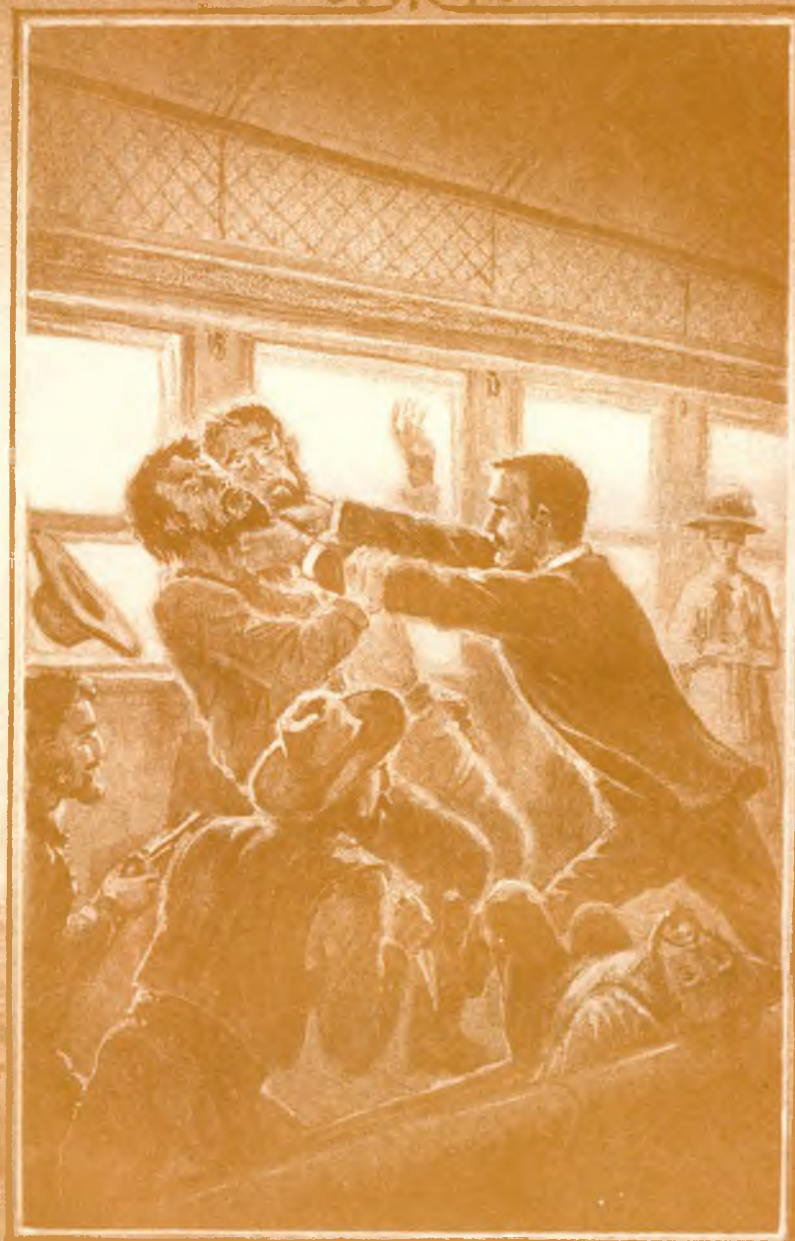
— Вы?.. Служащий?

— Да, миссис Клавдия, теперь я не могу и не хочу быть никем иным... Приходится даже просить у вас назначить мне жалованье. Это избавит вас от благодарности. Я сам должен заботиться о себе. Не забудьте, что Бессребреник обязан выполнить условия своего пари.

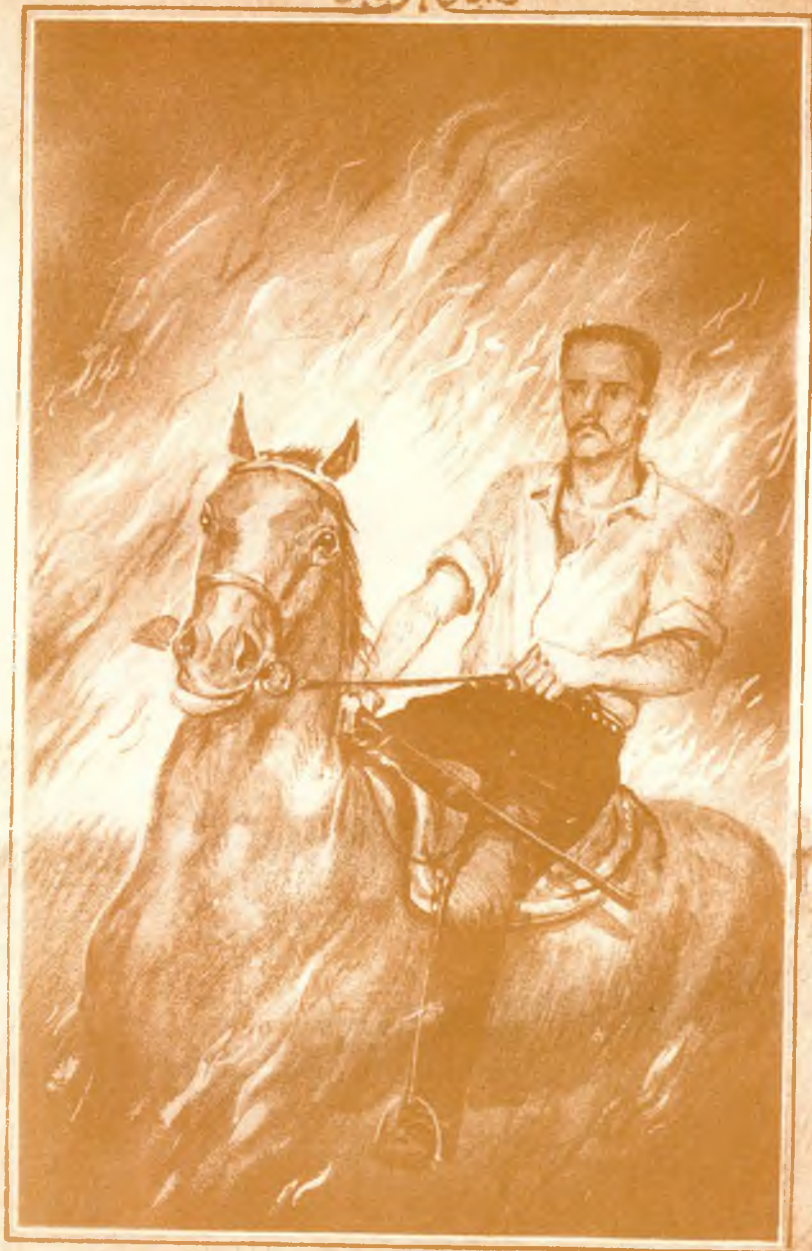
— Не понимаю вас... Вы хотите бросить меня?

— Вовсе нет, коль прошу жалованье. Надеюсь, два доллара в день не слишком много?

— Я думала, вы согласны разделить неудачу так же, как и богатство.

— Невозможно. Если вы не согласны, буду принужден искать заработка в другом месте.

— Умоляю вас!

— Вы колеблетесь... Я стану возвращать вам излишек, если не все издержу... Согласны?

— Приходится согласиться... Вы удивительный оригинал...

— Зовите меня как угодно, а теперь пойдемте смотреть колодцы — убедимся в размерах убытка.

— Хорошо. Только не взять ли несколько проводников?

— Зачем? Если мы отправимся вдвоем, то сможем пройти незамеченными... Впрочем, вам лично не грозит никакой опасности... У янки много недостатков, но он уважает женщину... А мне все равно: сегодня... завтра... позднее... Я не дорожу жизнью.

— Стало быть, вас к ней ничто не привязывает?

— Ничто.

Миссис Клавдия вздохнула и, не говоря ни слова, взяла Бессребреника под руку.

Они ушли, оставив Боба сторожить дом, поколебавшаяся верность которого укрепилась обещанием тысячи долларов.

Боб, со своей стороны, уговорил с дюжину рабочих вернуться к хозяйке. Пока это была маленькая горстка людей, но Бессребреник надеялся, что в мастерских ему удастся собрать вокруг себя и многих других.

Самый город Фокс-Хилл, то есть коммерческий центр, где совершаются дела и живут должностные лица, был относительно спокоен.

На улицах выстрелы раздавались изредка, и более никто не принуждал граждан плясать; дома уже не горели, и внизу, в долине, где расположен вонючий Нью-Ойл-Сити, только два-три столба дыма указывали на пылающие колодцы.

Наступило затишье, но работы не возобновлялись.

В салунах еще пьянствовало много народу.

По мере того как миссис Клавдия и Бессребреник спускались вниз, поверхность почвы, растения, жилища, даже люди — все менялось.

Наверху, в городе, воздух был еще чист, хотя и чувствовался довольно сильный запах нефти — на домах и тро-

туарах кое-где виднелись масляные пятна,— но внизу... было что-то неслыханное. Нет ни одной отрасли промышленности, равной добыче нефти по неопрятности и грязи.

Пальмовое масло, оливковое, кокосовое, по выражению одного остроумного путешественника — Октава Сабо, жидкости приятные, даже поэтические. Нет в Южной Европе ни одного деревенского дома, где бы не было оливкового пресса. С оливковым маслом умеют обращаться все — не только повара и кухарки; из этого масла изготавливают прекрасное мыло.

Нефть — масло совсем другое. От его запаха никуда не уйдешь. Пары так насыщают воздух, что происходят взрывы. На нефтяных промыслах все вокруг пропитано нефтью: грязь, в которой вы вязнете, каждая нитка вашего платья... Она овладевает всем вашим существом: забивается в нос, в глаза, в уши, даже в душу,— у живущих в этих местах только и разговоров, что о поднятии и упадке цен на нефть, о богатстве или оскудении того или иного колодца.

Если вы остановитесь полюбоваться красотой природы, то с ветерком до вас донесется запах нефти, смешанный с ароматом диких цветов, и на поверхности озера вы увидите радужные пятна с металлическим отливом. Дома, мебель, железные дороги, лодки — все покрыто нефтью. Люди самые чистоплотные делаются грязными, неряшливыми. Когда одежда вся пропитывается жиром и делается слишком тяжелой, они с головы до ног одеваются во все новое у торговца готовым платьем, а старое бросают на улице, но ни в коем случае не сжигают, так как это может быть причиной пожара, от которого весь город превратится в развалины.

Миссис Клавдия мужественно ступила на почву, из которой буквально на каждом шагу выступала нефть. Но Бессребреник, рассудив, что у него нет сменной пары, прежде всего принял меры предосторожности для сохранения своего костюма. Однако напрасны были все его старания! Нефть пробиралась вверх по сапогам и пропитывала их; затем настала очередь панталон, и не прошло и четверти часа, как джентльмен походил на ламповый фитиль в резервуаре. «Надо что-нибудь придумать», — решил Бессребреник.

Они шли по берегу маленькой речки, извивавшейся по долине и носившей название Ойл-Крик (Масляная

балка). Воды в ней не было видно из-за слоя масла, осаждавшегося на берегах в виде зеленой блестящей грязи. Местами в этой грязи виднелись застрявшие тележки, беспомощно протягивавшие к небу свои худые деревянные руки. Узкоколейная железная дорога была разрушена в нескольких местах: шпалы и рельсы сняты, вагонетки и локомотивы перевернуты.

Бессребреник и миссис Клавдия шли по мосткам, настанным на болоте и также пропитанным жирной нефтью. На компаньонов посматривали, но скорее равнодушно, чем враждебно. Правда, ковбоев встречалось немного.

Среди топкого жирного болота виднелись кучи всякого хлама: битые бутылки, тарелки, обломки ящиков, бочек, телег, всяких инструментов.

На этом месте было до десяти богатых колодцев, дававших по пятнадцать тысяч франков прибыли в день, а теперь не доставлявших ни капли драгоценного масла. Срубы колодцев, взорванные динамитом, покачивались и грозили обрушиться. Для возобновления дела требовались большие расходы.

При виде этого дикого и бесцельного истребления молодая женщина в первый раз ощутила приступ гнева.

Невдалеке дюжина оборванных джентльменов, грубо смеясь, курила с вызывающим видом под большой черной доской с надписью белыми буквами «Курить воспрещается».

— Я чувствую в себе ярость и злобу римского императора, — призналась миссис Клавдия.

— И, может быть, как император, желали бы, чтобы у всех этих молодчиков была бы одна голова? — подтрунивал над ней Бессребреник.

— Да... и с радостью пустила бы в нее пулю из револьвера.

— А позвольте узнать, револьвер Нерона был системы Кольта или Смита и Вессона?

При этой шутке весь гнев миссис Клавдии вмиг рассеялся; она звонко засмеялась, чем совершенно озадачила шумных громил.

— Вот отлично! Смех принесет вам миллионы долларов. Он произвел на этот сброд больше впечатления, чем выстрелы из пушки.

К несчастью, впечатление от странной веселости миссис Остин продержалось недолго. Ковбои, искавшие развлечения, вскорости нашли его. Пропитанные виски и нефтью,

они стали толкать, бранить и бить старика, не способного защищаться. Из-под его красной шерстяной рубашки виднелась кирпично-красная кожа. Лица, выпачканного грязью, нельзя было рассмотреть, но по длинной пряди волос нетрудно было предположить, что он краснокожий.

— Да ведь этот несчастный — Джо, старый индеец сиукс! — воскликнула миссис Клавдия.

— Спасем его! — тотчас приготовился к схватке с мучителями джентльмен.

— Смерть колдуну! — кричали ковбои и рабочие.

— Отпустите этого человека, негодяи! — ворвался в толпу Бессребреник.

ГЛАВА 8

История нефти.— У древних.— Огнепоклонники.— Нефть у краснокожих.— В Колорадо.— Бурав.— Нефтяной колодезь.— Сопротивление.— Борьба.— Нефтяные резервуары.— Газ, нефть и соленая вода.— Взрыв динамита.— Нефтяное наводнение.— Нефтяное озеро.

Керосин сравнительно недавно вошел в употребление, но нефть была известна людям с незапамятных времен. Ее знали в Китае, греки и римляне также упоминали о ней. Геродот, Плутарх, Плиний, Аристотель, Страбон описывают в подробностях нефтяные источники и залежи асфальта, разрабатывавшиеся их современниками. Асфальт, добываемый на берегах Евфрата, по преданию, употреблялся при постройке Вавилонской башни. Наконец, поражая воображение древних, воспламеняющийся газ, постоянно пробивавшийся над нефтяными источниками, породил особую религию. Приверженцев ее называли огнепоклонниками. На том месте, где теперь располагается Баку — русский нефтяной город, — когда-то возвышались их каменные святыни, а Атешках — утративший свое величие храм чисто индийской архитектуры — и сейчас, как некий исторический анахронизм, стоит среди пирамидальных срубов нефтяных вышек. Жрецов в нем почти не осталось. Только два бедняка-индуса поддерживают здесь вечный огонь — местные нефтепромышленники не оспаривают у них крошечной доли газа.

Но не только в недрах Азии таились эти вечные, вызы-

вавшие суеверное изумление огни. В местах нахождения нефти в Америке также были огнепоклонники; немногочисленные, но усердные. Они принадлежали к индейскому племени сенекасов, жившему в штате Пенсильвания и владевшему тайной огня. Этот огонь горел неугасимо в глубоких пещерах и охранялся, как и у индусов, избранными людьми. По-видимому, именно они заметили целебные свойства нефти. Под именем «масла сенекасов» она собиралась и продавалась как лекарство от ревматизма, чахотки и даже как средство... от моли.

Тогда еще не додумались до употребления нефти для освещения. Первые опыты замены растительного масла маслом минеральным были сделаны не ранее 1830 года. Они не удались. В 1848 году опять последовала неудача. Между тем толчок был дан. Все чувствовали, что «жир земли» имеет будущее, хотя и не подозревали, сколь широким окажется его применение.

Свойства нефти еще знали плохо, ее сжигали в том виде, как она добывалась, а способ добычи был самый примитивный, перенятый у индейцев. Этот способ состоял в рытье колодцев с площадью поверхности в три квадратных метра при такой же трехметровой глубине. Делали сруб, чтобы предупредить обвалы, и ожидали, пока нефть просочится наверх через земляные слои. Когда масло появлялось, нижнюю часть колодцев обкладывали шерстяными одеялами. Потом их вынимали, выжимали и таким образом получали керосин.

Удивительно, что изобретательные янки потеряли много лет, довольствуясь такой добычей масла. А ведь стоило лишь раз-другой ударить сверлом в землю... Только в 1859 году пенсильванское общество решило призвать к себе искусных инженеров — разведчиков земных недр.

При первом же серьезном изыскании масло было найдено, и колодцы Титусвилля стали доставлять до полутора тысяч фунтов черного золота в день.

Бывало, поиски нефти оборачивались настоящими наводнениями. Однажды бур проник в обширный резервуар, наполненный горючим газом и соленой водой. Все это хлынуло с неудержимой силой наружу, и тут не только не оказалось нужды в нагнетательных насосах, необходимых до тех пор, но пришлось употребить все усилия, чтобы удержать вырвавшийся вслед за водой масляный поток, разливавшийся по долинам!..

После этого спекуляции с нефтью достигли таких

размеров, что их называли нефтяной лихорадкой. За короткое время в одном Нью-Йорке образовалось более трехсот компаний с капиталом в миллиард.

Долгое время добывание нефти ограничивалось пределами штата Пенсильвания. Даже утверждали, будто в других штатах нефти нет. Муж миссис Клавдии блистательно опроверг эти предположения, не основанные ни на каких серьезных данных.

Как-то, проезжая по Колорадо, мистер Остин отметил поразительное сходство между здешними землями и землями восточных штатов. Не говоря никому ни слова, он купил за пустячную цену огромную территорию. На ней были скалы, обвалы, ручейки, пробиравшиеся между камнями, бесплодная, как лава, почва и почти полностью отсутствовала растительность. Практичным янки, для которых в делах два и два должны давать, по крайней мере, десять, эта покупка казалась чистым безумием. Над инженером смеялись, он не обращал внимания на насмешки и в один прекрасный день отправился в свои владения с партией иностранцев, чья молчаливость приводила в отчаяние многих любопытных. Их было человек пятьдесят, передвигавшихся в телегах — настоящих домах на колесах, в которых переселенцы перевозят обычно свою семью, утварь, инструменты...

Эти иностранцы немедленно принялись за дело. Искусные рабочие, необыкновенно выносливые, одинаково хорошо обращавшиеся с железом и деревом, плотники, механики, землекопы, они с невероятной быстротой воздвигли какую-то странную деревянную постройку в форме усеченной пирамиды, с основанием по три метра в длину и ширину, а при вершине всего в один метр. Высота постройки — простой, но очень крепкой — достигала до шестнадцати или семнадцати метров.

На вершине пирамиды, носящей у американцев название derrick, что значит: платформа, журавль, коза, виселица и вообще снаряд для поднятия тяжестей, прикрепили большой блок; на блок накинули канат, а к канату привязали тяжелый стальной прут. Это был зонд, предназначенный для бурения земли до нефтяного слоя или же до... ничего. Другой конец был привязан к деревянному коромыслу длиной в шесть метров, подвешенному за середину, как качели. На его противоположной стороне также была веревка, в которую впрягалось шесть человек.

По команде начальника начались работы.

— Взя-ли! — кричали дюжие молодцы.

Тяжелый стальной бур поднимался и на минуту замирал. Потом устремлялся вниз, с глухим шумом врезаясь в землю, снова поднимался, снова опускался, и так без конца, пока новая упряжка людей не сменяла первую, третья — вторую...

Для предупреждения обвала в дыру вставляли железную трубу, достаточно широкую для движения бура, который уходил в землю все глубже и глубже.

Обыкновенно эта трудная, утомительная работа производится паровой машиной. Но мистер Остин, прежде чем затратить большую сумму на покупку двигателя и перевозку его в малонаселенный край по бездорожью, желал удостовериться в залегании здесь нефти. Поначалу он вел работы скорее как изыскания, хотя и припас все для того, чтобы в случае удачи тотчас же начать эксплуатацию скважины.

Первая попытка кончилась плачевно. Мистер Остин ожидал найти нефть на глубине двадцати пяти — пятидесяти метров; но масло не показывалось. Он приказал бурить до ста метров, истратил двадцать пять тысяч франков — и не добился ничего.

Новые насмешки посыпались на смельчака, вздумавшего произвести переворот в местной промышленности. Промышленность же была там чисто сельская, жители занимались разведением лошадей, рогатого скота и овец. Но мистер Остин продолжал невозмутимо, с упорством американца, свою работу. Он приказал разломать derrick, вынуть железную трубу и начать бурить несколько дальше. Буровая скважина в семьдесят метров глубины тоже ничего не дала. Этот второй колодезь стоил восемнадцать тысяч франков, брошенных на ветер.

В третий раз разобрали постройку и перенесли за полмили к подошве маленького холма, на берег свежего и тихого ручейка. Люди, утомленные неудачами, работали уже не с прежним рвением, несмотря на большое жалованье, выплачиваемое инженером из последних средств. Наскучив служить мишенью для грубых шуток ковбоев, они запросили расчет. С трудом удалось уговорить некоторых остаться еще на неделю. Посоветовавшись между собой и решив, что, в сущности, хозяин человек хороший и не слишком требовательный, они снова принялись за работу.

Чтобы понять эти разочарования, эти ошибки, за которыми часто следует неожиданная удача, надо знать, что

разведка нефти — вещь чрезвычайно капризная, обманчивая, не поддающаяся никакому опыту.

Нет никаких правил, никаких признаков, по которым можно было бы сколько-нибудь достоверно предположить месторождение нефти в данном краю. Все основано на случае... как в лотерее*.

Один факт несомненен: нефть не расстилается по горизонтальной поверхности, как поверхность воды. Колодцы, пробуренные в одной местности, иногда на расстоянии всего нескольких метров друг от друга, не одинаковы по своим свойствам. Один дает просто газ, другой соленую воду с примесью небольшого количества нефти, третий не дает ничего, а четвертый — громадное количество масла.

Глубина их тоже весьма различна: один может иметь двадцать, другой пятьдесят, третий сто метров.

Между этими колодцами встречаются подобные исландским гейзерам выбросы-фонтаны с прерывающимся режимом работы. Так, например, один источник в Питоле дает небольшое количество масла и совершенно иссякает на двадцать минут. Затем раздается протяжный подземный гул, и в продолжение сорока минут нефть поднимается в невероятном изобилии. Потом приток ее снова иссякает, и так — по кругу.

Все эти аномалии вполне объяснимы, если предположить, что нефть заключена в герметически закрытых углублениях неправильной формы, в свою очередь неправильно расположенных в различных подземных слоях. Величина и глубина залегания этих резервуаров весьма различна. Бур может наткнуться на них или пройти мимо. Случается, что две соседние скважины питаются из резервуаров, расположенных на различных уровнях.

Неизменен только состав содержимого, заключающегося в этих колоссальных подземных сосудах. В них находятся газ, соленая вода и минеральное масло; однако все эти элементы присутствуют в различных количествах и всегда под сильным давлением.

Они, эти три вещества, расположены друг под другом соответственно своей плотности: вода находится на дне, нефть над водой, а газ над нефтью.

В зависимости от формы резервуара и его наклона при

* Это утверждение, как и ряд последующих, было справедливо во время написания романа.

добыче нефти возможны два варианта. Если бур пройдет в среду, занятую газом, последний вырывается с неудержимой силой, настоящим ураганом, через трубу в колодце. Когда газ выйдет из колодца, остается только освобожденное от давления масло, которое надо поднять наверх по железной трубе с помощью насосов. Если же бур, углубляясь, попадает или в соленую воду, занимающую дно резервуара, или в слой масла, то результат получается совершенно иной. Газ, занимающий верхнюю часть резервуара, действует как пресс и гонит в трубу воду с песком, чистую нефть или нефть, смешанную с водой. Жидкость поднимается так быстро и в таком изобилии, что ее трудно регулировать. Бывает даже, что масло выбрасывает бур.

После этого понятны те трудности, с которыми встретился американский инженер. Долго все его попытки оставались бесплодными. Нигде не выступало ни одной капли масла, не показывалось ни одной струйки соленой воды, не появлялось ни одного пузырька газа.

Наконец, сами рабочие убедились, что поиски нефти в Колорадо — бесполезная трата времени. Они обещали проработать неделю, и уже наступило утро седьмого дня. Результата, как и прежде, не было никакого; работали только для того, чтобы сдержать слово:

— Взя-ли! Взя-ли!

Вдруг в воздухе раздался свист и вся пирамида задрожала.

В ту же минуту из трубы вылетел столб песка. За ним с пыхтеньем — клубы газа. У рабочих вырвался крик победы. Подземный газ обладал особым запахом, в котором нельзя ошибиться.

— Ура!.. Ура!.. Да здравствует мистер Остин!

Инженер, которого за несколько минут перед тем считали безумцем, в мгновение ока сделался в глазах всех великим человеком.

Под радостные возгласы рабочих бур заработал с удвоенной силой. Каждую секунду ожидали появления соленой воды или нефти. Но нет! Напор газа был так силен, что отверстие закрылось. Давление равнялось или превосходило сто атмосфер! Песок, выбрасываемый струей газа, поднимаясь по трубе, засорял ее. Напрасно бур работал изо всех сил: каждый удар его сопровождался новой струей газа и новым зарядом песка. Так продолжалось целые сутки! Наконец, инженер, измученный работой без результата

и вместе с тем уверенный, что у его ног громадное состояние, решился на крайнее средство. Он приказал вынуть бур и, убедившись, что труба не засорена, велел подать заряд динамита. Сам зажег фитиль и, бросая снаряд, крикнул: «Спасайтесь!»

Через минуту мощный взрыв потряс непокорную почву, и тотчас из полуразрушенной трубы вырвался настоящий смерч воды с песком, взлетевший на высоту пятидесяти метров.

Водяной столб продержался на той же высоте в продолжении целых суток. Мало-помалу сила его начала ослабевать, количество песка увеличилось, и извержение прекратилось. Под срубом и вокруг слой песка достигал двух метров. Последние струи соленой воды вылетели уже с примесью нефти. Это служило указанием на то, что работы следует продолжать. Еще раз американская предприимчивость, не останавливающаяся ни перед чем, одержала верх.

Мистер Остин решил приняться за дело со следующего утра. Следовало бы освободить нижнюю часть железной трубы, а потом вставить насос. Но в ту минуту, когда помощник мастера собирался дать сигнал поднять бур, изумленные рабочие почувствовали, что земля дрожит.

Раздались страшное клокотание, гул, сопровождающий обычно извержение вулкана. Рабочие бросили канат, которым поднимали буров, и разбежались. В ту же минуту прут весом в сто килограммов, только что вставленный в трубу, вылетел, как ядро из пушечного жерла. Струя неимоверной силы вырвала его вместе с рукояткой, разрушила коромысло, сорвала верхушку пирамиды и взлетела на высоту более шестидесяти метров.

Струя нефти, толщиной в тело человека, поднималась совершенно прямо, как колонна, а на вершине образовывала грациозный изгиб, падая частым дождем.

Рабочие, растерявшись, бегали под этим дождем, крича во все горло:

— Нефть!.. Керосин!

Инженер, не предвидевший подобного изобилия, не приготовил ни канала, ни резервуара. Он намеревался просто выкачивать нефть, а тут... Через несколько минут все было затоплено. Нефть прорыла себе русло и потекла потоком, разливаясь по всем впадинам, и, найдя углубление с глинистым дном, образовала целое озеро.

Спустя неделю можно было ездить в лодке по этому нефтяному озеру, появившемуся на земле счастливого исследователя.

Эксплуатация началась немедленно: капиталы притекали, рабочие собирались со всех сторон, провели железную дорогу, возник целый город.

Скоро сей чисто промышленный город, столь же богатый, как и неопрятный, распался на две части: внизу, в ложбине, бурили и эксплуатировали нефтяные колодцы, а на холме, овеваемом здоровым воздухом, основался район более чистый — Нью-Ойл-Сити, обещавший быстро сделаться соперником старой Петролии. Именно в это время и произошли в нем трагические события, составляющие начало нашего повествования.

ГЛАВА 9

Последние огнепоклонники. — Старому индейцу грозит повешение. — Как было воспринято вмешательство Бессребренника. — Серый Медведь хочет проучить Бессребренника, но сам попадается ему в руки. — Телеграмма. — Сватовство. — Станет ли миссис Клавдия серебряной королевой? — Как Бессребренник, сначала победитель, потом побежденный, был в конце концов повешен.

Американец часто называет индейцев «краснокожими гадинами». Он ненавидит их, где только возможно, преследует их. Если несколькими подгулявшим янки попадется одинокий абориген, они непременно придумают какую-нибудь жестокую потеху. Именно такую потеху устроили пьяные ковбои над индейцем Джо.

Старик вовсе не заслуживал подобного обращения: он был кроток, безобиден и даже как будто немного с придурью. Жил в труднодоступной пещере на расстоянии около мили от Нью-Ойл-Сити. Подобно древним азиатским огнепоклонникам и пенсильванским сенекасам, Джо знал «тайну огня». Редкие посетители, которым все же удавалось пробраться в его жилище, рассказывали, что день и ночь, из года в год, оно освещено широким светлым фонтаном пламени. Джо казался духом этого никогда не угасающего огня, которому он, возможно, втайне поклонялся.

Когда мистер Остин поселился в узкой долине, где суждено было возникнуть нефтяному городу, старый индеец

очень косо смотрел на предприятие бледнолицых, призывая на них проклятие таинственных и мстительных божеств. Неудачи, преследовавшие инженера поначалу, старый безумец, вероятно, приписывал действию своих всемогущих заклинаний. Его находили забавным и пытались приручить. Но напрасно! Джо даже устоял против соблазнительного виски.

Когда первый нефтяной фонтан взлетел в воздух, грозя наводнением окрестностям, индеец удалился в пещеру и долго скрывал там свое отчаяние. Но в один прекрасный день он снова объявился с видом покорного побежденного, просящего пощады у победителя, перед которым ничто не может устоять. Старый огнепоклонник отказался, по видимому, от прошлых верований и преклонился перед духом современной промышленности.

Мистер Остин, а особенно миссис Клавдия, приехавшая к мужу, приняли его ласково. Она одела бедного старика, снабдила одеялами, табаком и кое-какими сладостями, и он как будто привязался к ней. Красная шерстяная рубашка довершила победу над сиуксом. С тех пор Джо начал одеваться, как белые, и сохранил только прическу, состоявшую из зачесанного назад чуба, украшенного орлиным пером.

Индеец продолжал жить в своей пещере, но стал более общительным и довольно часто показывался в Нью-Ойл-Сити.

В день, о котором идет речь, шутки возбужденных ковбоев приняли жестокий характер. Джо отбивался, кричал, брыкался, кусался, но этим только усиливал веселость своих мучителей. Один из них, получивший пинок, свидетельствующий о силе старого индейца, пришел в ярость — ярость пьяницы, превращающегося из человека в зверя. На ковбое вместо пояса был длинный гибкий ремень, которым ловят полудиких животных. Это — лассо, перенятое американскими пастухами, ведущими самый первобытный образ жизни, у мексиканцев.

Он накинул петлю на шею старика и пьяно завопил:

— Этот гадина-индеец осмелился поднять руку на белого; повесить его!

— Билли Нейф прав!.. Да, да! Повесить!

Билли Нейф, ковбой, потянул лассо, и старик споткнулся, испустив хриплый крик.

В эту минуту и вмешался в дело Бессребреник, приказав ковбоям оставить индейца в покое.

В Америке прислуге не приказывают, ее просят оказать одолжение... сделать честь... Можно себе представить, какая брань, какие угрозы поднялись в ответ на слова Бессребреника.

Рыжий, весь обросший волосами гигант с разбойничьим лицом отделился от группы и заревел:

— Он смеет мешать свободным людям веселиться!.. Я, Серый Медведь, проучу его!

Раздался грубый хохот толпы, способной мгновенно перейти от веселости к насилию.

Когда колосс стал надвигаться, подняв кулаки и раскачиваясь, как то страшное животное, имя которого ему дали, Бессребреник приготовился к встрече. Он стал в позицию боксера.

Из пасти Серого Медведя снова послышался хохот:

— Пусть меня в пекле поджарят! Никак, хочешь бороться со мной!

Бессребреник, все стоя в боксерской позиции, невозмутимо улыбался и выжидал. Как ни была уверена миссис Клавдия в его храбрости и ловкости, однако она дрожала и ее маленькая рука сжимала револьвер.

Шести футов вышины, широкий, как шкаф, Серый Медведь, несмотря на свою видимую неповоротливость, обладал необычайным проворством и силой. Его маленькие пронизательные глаза налились кровью, зубы заскрежетали, рыжая борода на лице цвета дубленой кожи встала дыбом...

Старый индеец попытался было воспользоваться этой минутой, чтобы бежать, но Билли Нейф дернул лассо, и бедняга, полузадушенный, только икал, высовывая язык.

Взрыв одобрительных возгласов послышался в толпе; затем наступило глубокое молчание. Началась борьба — отчаянная, беспощадная, исходом которой могла быть только смерть одного из противников.

Верный своей тактике, Бессребреник предупредил нападение Серого Медведя и нанес первый удар.

В эту минуту миссис Клавдия, стоявшая шагах в тридцати, почувствовала, что кто-то тихонько тронул ее за руку. Она обернулась, несколько рассерженная такой бесцеремонностью, но, узнав Боба и одного из его помощников — в Америке не говорят «слуг», — спросила:

— Что такое?

— Телеграмма... очень важная... неотложная... Просят прочесть немедленно.

Сильно запыхавшийся от бега Боб подал телеграмму. Только миссис Клавдия намерилась распечатать ее, как раздался крик — рев быка, оглушенного обухом мясника.

Бессребреник сделал ложный выпад и угостил гиганта таким боксом, на который способны только французские бойцы. Удар попал под самую ложечку. Серый Медведь заревел, отступив на три шага. Казалось, вся его грузная масса содрогнулась от удара.

Миссис Клавдия улыбнулась, несколько успокоенная, затем, вспомнив о телеграмме, распечатала ее и прежде всего взглянула на подпись: «Джим Сильвер».

«Что ему нужно?» — подумала она.

Серый Медведь шумно вдохнул воздух и прорычал: — Тартейфель!..

При этом возгласе лицо Бессребреника исказилось; он воскликнул по-французски:

— Так ты немец... пруссак!

— Да!.. Сын одного из тех, кто сжигал ваши города! Шенки!.. — Медведь будто выталкивал слова из глотки.

Миссис Клавдия опять перевела глаза на телеграмму — всего несколько слов, но зато каких красноречивых!

«Одинокий, без семьи, полный хозяин своих поступков и своего богатства, я люблю только вас и прошу согласиться выйти за меня замуж. Примите мой миллиард. Будьте королевой серебра и нефти. Оставьте Бессребреника. Никакая человеческая сила не спасет его.

Искренно преданный Джим Сильвер».

Удивленная миссис Клавдия пробежала глазами депешу, когда услышала:

— Негодяй, кто оскорбляет побежденных! — Кулак Бессребреника, прикрепленный будто к стальной пружине, опустился на рот Медведя. Брызнула кровь, и из изуродованной пасти послышались страшные стоны. Но Серый Медведь не отступил; напротив, он стал нападать с удвоенной яростью.

Миссис Клавдия, страстная любительница острых ощущений, с восторгом смотрела на борьбу.

Ей вспомнилась телеграмма, нервно скомканная в руке.

«Да, — рассуждала она. — Миллиарды... Стать королевой серебра... Женой Джима Сильвера!.. Тогда все будет возможно, окажутся осуществимыми самые несбыточные мечты, самые сумасбродные фантазии... Но — этот стран-

ный незнакомец смущает, беспокоит и увлекает меня... Там — Джим Сильвер, миллионер, который, без сомнения, любит... здесь — Бессребреник!»

Ужасные крики оторвали ее от размышлений. Бессребреник осыпал градом ударов лицо противника, который смотрел уже только одним глазом. Скоро кулак-камень опустился на второй глаз. Ослепленный, задыхающийся Серый Медведь потерял равновесие и растянулся всем телом, хрипя:

— Собака-француз!.. Мы еще встретимся. Сюда, товарищи!.. Отомстите за меня!

Победа Бессребреника пробудила ярость и ненависть дикой толпы. Ковбон, частью мстя за хрипевшего товарища, частью из злобы на храбреца, которого каждый в отдельности боялся, устремились на него, крича:

— Смерть ему!.. Смерть!

Бессребренику оставалось только спастись бегством, но самолюбие и презрение к смерти не допускали подобной мысли. Человек шестьдесят бросилось на него, как стая волков.

Первые упали от ударов, но затем...

Миссис Клавдия смотрела на происходившее глазами, полными ужаса. Бессребреника связали ремнем и потащили. Он был бледен, как труп, и, казалось, потерял сознание. Билли Нейф, не выпуская индейца, сделал петлю на другом конце лассо и накинул ее на шею Бессребреника, указывая на старый полузасохший сикомор:

— Повесим их обоих на одном ремне.

Все захохотали, как будто услышали чрезвычайно смешную вещь.

— Отлично!.. Билли прав!.. Повесим!.. На каждый конец ремня по одному для равновесия.

Уже с полдюжины более проворных или менее пьяных ковбоев взобрались на старое дерево. Им передали среднюю часть лассо, на концах которого корчились Бессребреник и индеец.

— Поднимай! — крикнул Билли Нейф. — Когда Медведь очнется, он будет доволен. И оба человека стали медленно подниматься в воздух при криках и улюлюканье толпы.

ГЛАВА 10

Серебряный король.— Начало его карьеры.— Серебряный самородок в 500 килограммов весом.— Деловой человек.— Спасение.— Героиня.— Удачный выстрел.— Один против толпы.— Пятьдесят две дуэли Бессребреника.— Потерянные бумаги.

Вечно поглощенный делами, Джим Сильвер — серебряный король — едва успевал до сих пор жить. Когда-то, не имея ни копейки за душой, но обладая непреклонной волей и несокрушимой энергией, молодой, сильный, он был готов на все, лишь бы достигнуть цели.

Оказавшись после многих приключений в Аризоне, на границе с Мексикой, Джим поселился на берегу Рио-Жиля, среди суровых индейцев апачей. Сколько необыкновенной ловкости, выносливости и неустрашимости нужно было иметь, чтобы жить здесь без всякой иной защиты, кроме винтовки, доставшейся ему от отца, и кирки рудокопа. По целым дням у него не бывало во рту ни кусочка мяса, ни капли воды. Однажды, заболев, он лежал, обливаясь липким потом, в жестокой лихорадке — один среди поросших кактусами известковых скал, подстерегаемый хищниками, чьи крики походили на похоронный звон. В небе, описывая широкие круги, парили коршуны, и их когти он как бы ощущал в своем теле.

Шел восьмой день болезни. Перестрадав все, что в состоянии вынести человеческое существо, молодой Сильвер думал: «Кончено!.. Я умираю...»

Разразившаяся гроза спасла его. Ливень затопил известковые рытвины, откуда поднимались колючие растения.

Благотельный дождь освежил Джима, утолил невыносимую жажду. Мало того, слепое счастье наконец ему улыбнулось. Поток, все уносивший своим течением, вызвал обвалы, обнажил пласты почвы, камни. На дне ближайшей впадины оставалось немного воды. Больной нагнулся, чтобы напиться, и... закричал.

Впадина имела дно странной формы, все покрытое углублениями и вздутиями, блестящими металлическим блеском. В первую минуту он даже не поверил своим глазам; это было минутное помешательство, он, еле передвигая ногами, начал приплясывать на месте:

— Серебро!.. Серебро!.. Серебро!..

Действительно, углубление, из которого он пил, образо-

валось в серебряном самородке весом килограммов в пятьсот. Закидав землей слиток, Джим вернулся в Нью-Йорк, собрал без труда капитал, и скоро серебряные рудники Рио-Жилы стали давать огромные барыши. Но ненасытная жажда деятельности и дальше не давала ему покоя. Разбогатев и приобретя неограниченный кредит, он стал спекулировать на хлопке, сахаре, землях, металлах. Он основывал города, строил дома, железные дороги; его предприимчивость не знала границ. И всюду ему все удавалось. К моменту пари с Бессребреником Джим Сильвер был одним из двадцати пяти самых выдающихся капиталистов Америки. Несмотря на свои пятьдесят лет, все возрастающий объем работы, он обладал силой и крепостью, которым позавидовали бы многие молодые люди.

По наружности это был обыкновенный янки, высокий, костлявый, с большими руками и ногами, серыми выразительными глазами, нечистым цветом лица и традиционным пучком волос на подбородке.

Архитектор Джима, обязанный иметь вкус вместо него, предоставил хозяину, ценой многих тысяч долларов, тот неслыханный комфорт, о котором в Европе не имеют понятия и которым американские миллионеры по праву гордятся. Великолепные дворцы, волшебные виллы, единственная в своем роде мебель, богатые картинные галереи, лошади, яхты — все у него было, но всем этим он не пользовался, чувствуя себя по возвращении из конторы как бы не на месте среди всей этой роскоши.

Джиму Сильверу некогда было посещать общество, а между тем ему страстно хотелось жениться. Но он не знал, как приступить к розыску «родственной души», не поручить же это дело архитектору.

Как почти всегда бывает, ему помог случай. Первая встреча с миссис Клавдией решила судьбу серебряного короля. На целые сутки он позабыл про свои доки, железные дороги, свои элеваторы, рудники и свой несгораемый шкаф, обшитый сталью.

«Никогда я не мог бы представить себе, — думал он, — что общество женщины и воспоминание о ней будут так приятны. Я женюсь на миссис Остин, хотя бы это стоило сто... двести миллионов». Богач отнесся к сердечному вопросу именно как к «делу» и объяснился с дамой сердца по телеграфу. Предложение его попало адресату в плохую минуту. Мы помним, миссис Клавдия получила телеграмму,

когда ковбои, накиннув петлю на шею Бессребренника, поднимали его на вершину сикомора. Зрелище было жутким. У повешенного индейца высунулся язык и лицо исказилось ужасной гримасой. Бессребренник же сжал челюсти и губы, посинев от напряжения.

— Стойте!.. Оставьте! — кричала миссис Клавдия, не помня себя.

Возбужденные и пьяные ковбои принялись хохотать, сбившись в кучу.

— Негодяи!.. Разбойники!.. Это безбожно!

Смех становился все громче.

— Пустите, подлецы!.. — приказала молодая женщина.

Видя, что толпа не обращает на ее слова ни малейшего внимания, она выхватила маленький револьвер и, нацелив в толпу, несколько раз нажала курок.

Раздались три выстрела. Миссис Клавдия, любительница спорта, прекрасно владела оружием, и три человека повалились, даже не вскрикнув. Оставалось сделать всего несколько шагов до сикомора, но Билли Нейф уже прицелился в джентльмена.

В четвертый раз послышался слабый звук Смита и Вессона. Пуля попала Билли Нейфу в переносье, и он упал на руки товарищей, которых начинала охватывать паника.

И опять среди водворившегося молчания прозвучал сухой, короткий выстрел. Ловкость миссис Клавдии была такова, что пуля, выпущенная из ее перламутровой игрушки, перервала лассо надвое.

Джо-индеец и Бессребренник тяжело упали на землю. Неустрашимая миссис Остин бросилась к ним, и ни один из разбойников не посмел удержать ее. Она быстро нагнулась, подобрала охотничий нож Билли Нейфа и в одну секунду перерезала ремни, связывавшие джентльмена. Он был близок к удушению и, жадно вдохнув воздух, проговорил: «Благодарю!»

Миссис Клавдия подбежала к трупам Нейфа, схватила два оправленных в серебро револьвера, хранившихся у него за поясом, и передала Бессребреннику:

— Защищайтесь!

— Еще раз благодарю... Постараюсь! — Он с трудом приподнялся на одно колено.

Взбешенная такой развязкой, толпа, отступившая было после выстрелов миссис Клавдии, снова приближалась. Необыкновенное уважение янки к женщине не допустило насилия над защитницей Бессребренника, но ковбои намере-

вались заставить его самого дорого заплатить за убитых товарищей.

— Сударыня,— крикнул один из них,— потрудитесь отойти, будут стрелять!

— В женщину?.. Вы не посмеете...

К Бессребренику, несколько оправившемуся, возвращались силы. Его переполняло презрение к ораве висельников.

— Пятьдесят человек нападаете на одного! Вы не мужчины! Подонки!

Среди ковбоев слышались восклицания: «Ты смеешь говорить это?.. Смеешь нас ругать подонками!.. Ну держись!.. У меня было пять дуэлей!.. У меня — десять... Я убил семь человек!»

Бессребреник, не опуская дула пистолета, прокричал:

— Хвастуны!.. Лгуны!..

Джо-индеец, вернувшийся к жизни, гримасничал, как обезьяна, и беспрестанно чихал.

Возглас Бессребреника вызвал новый взрыв ругательств.

— Попробуй-ка помериться со мной!..

— И со мной!

— Нет, со мной первым.

— С удовольствием,— отвечал Бессребреник.— У меня на родине говорят: «На то и щука в реке...»

— Плевать нам на твою родину...

— Напрасно!.. Серому Медведю не поздоровилось.

— Ты француз?

— Может быть... во всяком случае я тот, кто вас вызывает на дуэль.

— Всех?..

— Да!

— Нас ведь пятьдесят человек.

— Пятьдесят два. И всех вас я надеюсь хорошенько проучить.

— У тебя словно не одна голова на плечах.

— Одна, да только ничего не боится.

— Кто же ты?

— Я Бессребреник...

— Тот самый, что хочет обойти весь свет без гроша в кармане?

— Тот самый.

— Ну так далеко ты не уйдешь! Придется потягаться с нами.

— Потягаюсь.

— Когда?

— После обеда! Не переносить же его из-за пустяка вроде дуэли.

То один, то другой ковбой задавали вопросы Бессребренику, и он отвечал каждому. Это была передышка на пути к смерти, хотя со стороны казалось, что поединок с пятьюдесятью молодцами, отлично стрелявшими, не знавшими ничего святого, не дорожившими собственной жизнью, заботит Бессребреника не больше, чем какая-нибудь шутка. Он заткнул за пояс револьверы, поданные миссис Клавдией, и, предлагая ей руку, спросил:

— Позвольте проводить вас домой? А ты, Джо, ступай за нами... Найдется бутылка виски, чтобы заставить тебя забыть все волнения.

Индеец поправил орлиное перо в иссиня-черной гриве и, вытянув шею, как петух, флегматично зашагал за своим покровителем.

Ковбои, сбитые с толку необычайной самоуверенностью джентльмена, решили не отступать от него ни на шаг.

Бессребреник, простившись с миссис Клавдией у дверей ее дома, поспешил на телеграф и отправил в «Нью-Йорк Геральд» следующую телеграмму, произведшую в тот же вечер необычайный эффект:

«Меня повесили вместе со старым индейцем... Миссис Клавдия Остин пулей из револьвера оборвала веревку. Предстоят пятьдесят две дуэли с пятьюдесятью двумя ковбоями... Надеюсь справиться с ними. Прошу выслать по телеграфу ордер на получение пяти шиллингов,— гоно-рар за эти пять строк. Я голоден, как никогда. Бессребреник».

Со своей стороны и миссис Клавдия думала об ответе серебряному королю. Она стала искать в кармане телеграмму и, не находя ее, решила: «Должно быть, куда-нибудь заложила». Как далека была она в это мгновение от мысли, что столь незначительное обстоятельство повлечет за собой ужасные последствия, сделает ее героиней драмы, в которой каждую минуту ей будет грозить потеря чести и жизни.

ГЛАВА 11

Бессребреник голодает.— Ковбой Терка.— Дуэль на винтовках.— Убить за пять шиллингов.— Как опасно пить в обществе людей незнакомых.— Подозрительный напиток.— Не менее подозрительный сон.— Ужасное пробуждение.— Пожар.— Исчезновение миссис Клавдии.

После всех передрыг жажда и голод мучили Бессребреника. Жажду еще можно было утолить, напившись у первого ручья, но как утолить голод, от которого казалось, будто в животе поселилось целое племя индейцев. Между тем телеграммы из Нью-Йорка с ассигновкой на пять шиллингов не следовало ожидать раньше пяти часов. Бессребренику представился случай устроить все быстрее.

С дюжину ковбоев окружили его, и один, известный под именем Терка, небрежно бросил:

— Эй, вы!.. Куда собрались?

— Вам какое дело!

— Весьма большое. Ведь вы обещали драться с нами.

— Что же, я не отказываюсь.

— Но было условлено, что вы никуда не уйдете, то есть попросту не удерете.

Ковбой хохотом выразили свое одобрение товарищу.

Брови Бессребреника сердито сдвинулись; он покраснел, но в конце концов тоже расхохотался.

— Я был так далек от намерения, которое вы мне приписали, что хочу сделать предложение.

— Говорите!.. Скажите!

— Как вам известно, я назвал себя Бессребреником по состоянию кармана. И вот теперь мне даже не на что пообедать, так как вы не дали мне заработать хотя бы шиллинг.

Со всех сторон слышались предложения: «Зачем же вы раньше не сказали?.. Пойдемте в первый бар... нет, в салун Нэба... Примите наше приглашение... Доставьте нам удовольствие!» Джентльмен не знал, кого слушать. Он сделал знак, призывающий к тишине.

— Благодарю, джентльмены, но не могу.

Отказ принять что-либо от ковбоев считается смертельной обидой, после которой почти всегда следует убийство. Слова Бессребреника вызвали бурю негодования.

Он снова сделал жест и заговорил:

— Прошу не обижаться, условия заклада не позволяют мне принимать что бы то ни было даром.

— А, вот что! — раздалось из толпы, переходившей с неимоверной быстротой от бури к полному затишью.

— Но мне не запрещается держать, если вздумаю, пари,— продолжал Бессребреник.

— Держать пари? На какие деньги? — переспросил Терка.

— На те пять шиллингов, которые я должен получить сегодня вечером.

— На пять шиллингов?.. Нищенский заклад.

— Зато предмет его будет выдающийся.

— На что вы хотите биться?

— На свою жизнь против вашей. Я докажу вам, что не намеревался удирать, и несколько развлекусь во время скучного ожидания.

— Ол райт! — отвечал ковбой с необычайной беззаботностью бродяги.

— Ваши условия?

— Какие угодно.

— А оружие?

— Любое.

— Я предложу винчестер с десятью зарядами.

Бессребреник снова презрительно засмеялся.

Терка сделал угрожающий жест:

— Не понимаю, что смешного в моем предложении.

— Вы, должно быть, плохой стрелок, коль нуждаетесь в десяти зарядах, чтобы пристрелить человека.

— Надеюсь доказать противное.

— Ну, а с меня достаточно будет и двух,— заключил Бессребреник.

— Хвастун!

— Дерзости извиняют тем, кому остается так мало жить.

— Пора...

— К вашим услугам... Попрошу кого-нибудь одолжить мне винтовку и два патрона.

Двадцать пять рук протянулись к нему с ружьями. Он взял первое попавшееся, вложил один заряд и прибавил насмешливо:

— Вы предоставите мне определить расстояние, не так ли?

— Да, но поскорее.

— Мы обернемся друг к другу спиной и отметим по двести пятьдесят шагов.

— Пятьсот шагов?.. Это много.

— Затем, остановившись, выстрелим.

— Хорошо! Но еще раз повторяю — это далеко, очень далеко...

— Потрудитесь передать одному из этих джентльменов пять шиллингов... Я играю на слово.

Терка вынул из пояса полотняный кошелек, отсчитал сумму и сказал:

— Надеюсь сейчас же получить их обратно.

Бессребреник отвечал, пожав плечами:

— Кто знает!

Терка не без основания считался одним из лучших местных стрелков, а всем известно, какие чудеса совершают ежедневно эти виртуозы обращения с оружием.

Между ковбоями немедленно было заключено несколько пари.

Прежде чем начать отмерять расстояние, Бессребреник зарядил и снова разрядил свою винтовку, внимательно рассматривая курок и пробуя его.

Высоко над головами, каркая, пролетала в эту минуту ворона. Джентльмен прицелился и выстрелил. К несказанному удивлению всех, птица, казавшаяся в высоте не больше дрозда, начала стремительно падать. Через мгновение она лежала на земле, как тряпка.

Терка побледнел, но старался не выдавать своего страха.

— Хороший выстрел!..— крикнул он.— Но и другие сумели бы сделать то же.

Бессребреник вежливо поклонился и откинул затвор. Убитая ворона переходила из рук в руки.

Тем временем начали отмерять дистанцию дуэли: «Двести сорок восемь,— считал Бессребреник,— двести сорок девять... двести пятьдесят... Довольно!»

Терка удалялся в противоположном направлении, также отсчитывая шаги. Он остановился и, не говоря ни слова, поднял винчестер. Грянул выстрел. До Бессребреника донесся свист пули, и его шляпа отлетела на десять шагов.

Ковбои разразились отчаянным «браво», а Бессребреник проворчал:

— Неплохо!

Он уже целился, в то время как Терка заряжал ружье. Секунды три было в выигрыше. Эти три секунды отделяли его противника от вечности. Джентльмен замер на месте, выстрел был почему-то совсем не слышен, из дула показал-

ся белый дымок. Терка опустил руки, выронил карабин и растянулся во всю длину.

Бессребреник, по-прежнему невозмутимый, вернулся к притихшим ковбоям, как бы охваченным суеверным страхом, и, подойдя к тому, которому вручены были пять шиллингов, сказал:

— Прошу передать мне заклад.

— Но ваш противник, возможно, только ранен.

— Да, очень вероятно, но смертельно. От пули между глазами у него случилась мигрень.

У ковбоев мороз пробежал по коже, а Бессребреник, вынув из кармана блокнот, записал:

«Пятьсот шагов — около четырехсот пятидесяти метров».

Затем прибавил:

— Надо вычесть из сорока миллионов метров. А теперь скорей обедать!

Он вернул винтовку хозяину и отправился в город, куда уже дошел слух о его подвиге.

Зайдя в салун, Бессребреник приказал подать себе еды и с жадностью проглотил ее. Затем видя, что осталось достаточно денег, заплатил за стакан виски и сигару. Усевшись в кресло, он покачался с минуту и задремал.

В то же время в углу салуна два человека шептались, продолжая начатый ранее разговор:

— Да, — говорил один, — серебряный король заплатит сколько угодно.

— Как бы не заплатились мы сами, — сказал другой.

— Кто ничем не рискует — ничего не имеет.

— А веревка?..

— А миллионы долларов?..

— Все же похищение!.. Этим не шутят...

— Но ведь самое похищение уже не наше дело.

— Судья Линч не станет разбирать...

— Стало быть, ты отказываешься?

— Нет, только колеблюсь... Покажи-ка бумагу.

Собеседник вынул из кармана скомканный лист и развернул его.

— Вот он, документ.

Другой стал разбирать текст и, дойдя до конца, пронес:

— Подписано: Джим Сильвер. Где ты нашел это?

— На земле... в ту минуту, как миссис Клавдия освобождала повешенных.

- Должно быть, потеряла телеграмму.
— Я видел, как она обронила ее.
— И не подумал возвратить?
— Намеревался было, а потом рассудил, что не следует поддаваться первому порыву.
— Верно!
— У старого крокодила, Джима Сильвера, мощна полная, пусть потрясет ею.
— Стало быть, ты намереваешься...
— ...похитить миссис Остин, увезти ее в надежное место и выдать дыхателю только за наличные.
— За сколько?
— Ну, положим... хоть за двадцать пять миллионов.
— Долларов?
— Да... на долю каждого по двенадцати с половиной миллионов! Принимаешь?
— Не отказываюсь!
— Говори прямо, «согласен» — и дело в шляпе.
— Хорошо, согласен!

Бессребреник продолжал дремать в качалке, давно погасшая сигара упала на пол к его ногам. Когда он проснулся, уже вечерело. «Пора сходить за деньгами из «Нью-Йорк Геральд», — первое, что пришло ему на ум. — Пять шиллингов — целое состояние».

У выхода из салуна стояло два человека.

— Послушайте, джентльмен, — обратился один из них, — вы, наверное, не откажетесь выпить с нами «Воскресительного»?

Это питье, состоящее из самой адской смеси, похожее на крепкую водку, страшно обжигает рот, — любимый напиток западных янки.

— Пожалуй, — кивнул Бессребреник, намереваясь в ответ угостить неизвестных.

Хозяин салуна налил стаканы, гости чокнулись и выпили залпом — жадно, по-американски, как люди вечно занятые, ищущие в питье не удовольствия, но быстрого, мгновенного опьянения.

Через несколько минут Бессребреник почувствовал, что ноги у него ватные, а мысли путаются. Он снова уселся в свою качалку и после тщетной попытки стряхнуть странное оцепенение погрузился в тяжелое забытие.

Двое товарищей засмеялись, похлопав по плечу буфетчика:

— Чистая работа, Нэб; твое снадобье — чудодейственное.

— Продрыхнет, по крайней мере, шесть часов.
— Возьми два доллара за труды, и до свидания.
Было семь вечера.

В три часа ночи Бессребреник проснулся с головой, словно стянутой железным обручем, с отвратительным вкусом во рту, весь разбитый. Он лежал, растянувшись под столом, как записной пьяница, которому пол кажется матрасом.

Вокруг раздавался храп опившихся воров. Воздух был насыщен запахом табака и алкоголя. Стояла совершенная темень.

Бессребреник с трудом собрался с мыслями: как мог он очутиться в такое время в таком месте? Ощупью попытался найти выход из притона. Стараясь не наступить тяжелыми сапогами на головы спящих, он наткнулся на стол, уставленный стаканами, блюдами, бутылками, — все с грохотом полетело вниз. Разбуженные пьяницы схватились за револьверы — шальные пули дырявили стены и потолок кабака.

При вспышках выстрелов Бессребренику удалось-таки заприметить входную дверь. Низко пригнувшись, он благополучно выбрался на улицу, но тут же инстинктивно сделал шаг назад — небо от края до края было залито зловещим багровым светом.

Гул толпы, словно крик крылатого чудовища, парил над городом. Влекомый недобрым предчувствием, Бессребреник помчался на площадь, где недавно отплясывалась кровавая кадриль, и, прибежав, замер как вкопанный — в пятидесяти метрах от него догорало роскошное жилище миссис Клавдии. Магазины, службы, склады в несколько часов превратились в пепел.

Соседи, смотревшие в понятном волнении на страшное зрелище, ничего толком не смогли объяснить ему. Пожар произошел внезапно, огонь охватил все сразу.

— Но миссис Остин! Где она?

— Она исчезла.

ГЛАВА 12

Пьяный ирландец. — Индейская лошадь. — Еще одним противником меньше. — Погоня. — Бессребреник пристреливает лошадь. — С ловкостью клоуна. — Бессребреник превращается в зверя. — Травля.

Вначале миссис Клавдия внушала Бессребренику только любопытство с оттенком снисхождения — эксцентричная

особа, вечно гоняющаяся за сильными ощущениями. Но чем дольше находился джентльмен в обществе этой женщины, тем более убеждался: между ними много общего — отвращение к условностям, страсть к совершению невозможного...

И все-таки он, вероятно, скоро расстался бы с нею, если бы не случай, после которого человек порядочный уже не считается свободным: миссис Остин спасла его, не убоявшись пьяной грубой шайки. Теперь настал черед джентльмена выручать свою спасительницу. Не остаться перед ней в долгу, найти, вызволить, защитить было для него сейчас куда важнее, чем выиграть пари. Но и куда труднее: миссис Клавдия исчезла бесследно.

В поисках хоть какой-нибудь нити, ведущей к пропавшей молодой особе, он, расспрашивая всех подряд, наткнулся на пьяного ирландца, видевшего недавно повозку с вооруженными людьми.

— В повозке женщина? — со страхом спросил Бессребреник.

— Доподлинно не знаю... — отвечал пьяница, — ...что-то обернутое в ткань.

Сведения были более чем туманными, но за неимением других Бессребреник решил идти по этому следу.

Возле салуна, в котором ночевали очумелые от виски ковбои, он заметил оседланных и взнузданных лошадей. Как всегда, они стояли без присмотра — в здешних местах конокрадство крайне редко. У каждой лошади на плече и ногах клеймо ранчо, и в случае ее похищения ковбой сотни верст гонятся за вором, чтобы судить его судом Линча.

Знал ли все это джентльмен? Преотлично. Тем не менее в мгновение ока вскочил в чужое седло.

Несколько ковбоев показались на пороге салуна.

— Эй, господин Бессребреник, — крикнул один из них, — куда это вы собрались?

— Куда вздумается, — отвечал джентльмен, не любивший, как мы знаем, вопросов.

— А когда же состоятся ваши пятьдесят две дуэли?

— Пятьдесят одна! — мистер Терка первым отправился туда, куда последуют остальные.

Лошадь, простоявшая десять часов, рванулась. К счастью, ему достался индейский конек — животное до того выносливое, что кажется сделанным из стали. Не очень

быстрое на ходу, похожее на крупного пони, оно может несколько суток обходиться без пищи и воды. Проехав в один день тридцать миль, эти лошади и на следующий (если не очень гнать) в состоянии преодолеть еще сорок. А вечером, расседланные, хорошенько вывалявшись и съев пару пучков буйволовой травы, они как ни в чем не бывало приходят спать возле хозяина.

Ошеломленные ковбои, видя, что Бессребреник погоняет коня, подняли крик:

— Лови!.. Лови!.. Он бежит...

— Кто?.. Кто?..

— Бессребреник!

— Не может быть... Собака...

Пони летел, будто у него к хвосту была привязана горящая головня. Ловко сидя в широком с кожаной бахромой мексиканском седле, к которому был прикреплен вьюк, Бессребреник на скаку окинул взглядом свое снаряжение: больше всего обрадовала заряженная винтовка, непромокаемый плащ и сотня патронов в сумке. Были и съестные припасы: сало, мансовая мука, виднелась даже оплетенная фляжка для виски, — владелец индейского пони оказался человеком предусмотрительным!

Бессребреник успел ускакать уже метров на пятьсот, когда взбешенные ковбои пустились вдогонку.

— Посмел вызвать всех нас, а теперь удирает! — возмущенно вопили они.

Преследователям показалось, что джентльмен держит в прерию. Они хохотали, находя подобный план безумным.

— Не знает, дурак, что мы можем месяц не сходить с лошади и гнаться за ним хоть до самой Канады.

— Нет, вы посмотрите, что он делает!

Бессребреник, выехав за город, вдруг свернул направо с тропы, носившей громкое название дороги.

Человек двенадцать ковбоев тоже свернули, продолжая кричать во всю мочь. Но Бессребреник не обращал внимания на их угрозы — он искал свежие следы повозки и, не найдя их на дороге, собирался объехать весь город. Его преследователи были уже близко, и на расстоянии трехсот метров одному из них вздумалось выстрелить.

Послышался сухой удар: пуля попала в луку седла и раздробила ее. Еще на пять сантиметров выше, и она попала бы в спину всадника. Брови джентльмена сердито сдвинулись, он весь вспыхнул, осадил пони и спрыгнул на землю.

Спрятавшись за лошадь, Бессребреник прицелился в скачущих. И хоть ковбои пригнулись к седлам, их предосторожности были напрасны: первая пуля попала в красную рубашку, алевшую, как мак, на спине одной из лошадей; тело конвульсивно поднялось, руки взмахнули в воздухе, и ковбой бездыханной массой свалился на землю. Привычная лошадь Бессребреника не шелохнулась. Джентльмен подождал полминуты, пока рассеется дым. Ковбои тем временем последовали его примеру и спешились.

Теперь Бессребреник видел только ряд ружейных дул, выставившихся из-за седел, и не мог разглядеть лиц, скрывавшихся за выюками. Ковбоям нельзя было выглянуть, не рискуя жизнью, но и Бессребреник должен был спрятаться, чтобы не стать мишенью для противников.

Оба воюющие лагеря бездействовали.

— Эти мошенники, кажется, хотят заставить меня пустить здесь корни! — буркнул Бессребреник. — Но нет, они затевают что-то новое.

Ковбои действительно начали выполнять довольно оригинальный маневр: не выходя из-за лошадей, они заставляли последних идти шаг за шагом вперед, стараясь при этом двигаться спиралью. Бессребреник понял: скоро они окружают его и нападут со всех сторон. Ему становилось не по себе.

— Ну и глупец же я, право! — воскликнул он вдруг. — Есть средство остановить наглецов, стоит только...

Он недоговорил и выстрелил.

Одна из лошадей, в висок которой попала пуля, растянулась неподвижно. Ковбой, скрывавшийся за ней, бросился на землю позади труп. Вся шайка на минуту замерла на месте.

— Отлично! — сказал Бессребреник. — Жаль только ни в чем не повинных лошадей.

Ковбои, казалось, были в крайнем затруднении: они сознавали, что в начавшейся схватке потери будут неоправданно большими, но, с другой стороны, их врожденное упрямство не позволяло сойти с пути, на который вступили.

Под прикрытием лошадей состоялся поспешный военный совет. Один из ковбоев, более благоразумный и смелый, предложил отступить. Другие набросились на него с проклятиями и бранью, долетавшими до слуха Бессребреника. Он же тем временем, повесив ружье на седло, одну из ног сунул в стремя, правой рукой уцепился за гриву пони, а левой — уколол его острием ножа в бок. Только индеец

или клоун могли проделать подобную штуку на виду у неприятеля. Пони сделал отчаянный прыжок и помчался, унося неустрашимого седока.

В первую минуту ковбои подумали, что у Бессребренника сорвалась лошадь, а он сам притаился в высокой траве. Им и в голову не пришло, что этот белоручка, не тронутый даже загаром степей, может выкинуть столь сложный номер. Со смешками, издевками они устремились к месту, где предполагали захватить джентльмена. Каково же было разочарование, когда первый из них, заметивший хитрость джентльмена, заревел:

— Идиоты, разве не видите, мошенник удрал!

Ругаясь пуще прежнего, ковбои бросились к лошадям и снова пустились в погоню.

Но Бессребренник, понукая лошадь острием ножа, летел как стрела.

Ковбои не могли прийти в себя от изумления.

— Мы не отстанем от него хотя бы до самого пекла! — вскричал один из них, вонзив огромные мексиканские шпоры в бока своего великолепного мустанга.

— Да, да! До самого пекла! — вторили ему остальные.

Началось то беспощадное, ожесточенное преследование, которое знакомо только охотникам за лошадьми. Охотникам, способным неделю за неделей со сказочной неутомимостью краснокожих скакать по лесам, холмам и равнинам, не ведая страха, не сбываясь с пути, ни на миг не теряя с высоты своего седла тот единственный след, который узнают среди сотен других.

Бессребренник между тем все продолжал гнать лошадь. Вдруг, как птица из травы, над прерией вспорхнул крик радости: джентльмен увидел ясные следы колес повозки, траву, примятую лошадьми, которых было семь или восемь. Без сомнения, миссис Клавдия и ее похитители проехали здесь!

— О, я спасу ее! — воскликнул он с жаром, удивившим его самого.

Следы вели в бесконечную травяную равнину, волнувавшуюся, как море. Бессребренник помчался вперед.

Ковбои не отставали, но расстояние между ними и джентльменом не уменьшалось. Они щадил лошадей, решив доставить себе удовольствие и устроить травлю, где место преследуемого зверя было уготовлено человеку. Предполагалось, что охота продлится несколько дней — дичь была не из таких, чтобы сдаться сразу. Итак, они скакали,

разговаривали, курили, жевали жвачку, время от времени распаяя себя выстрелами.

Бессребреник слышал свист пуль, но не отвечал: берег патроны.

Ночью все расположились там, где их застала темнота.

Опасаясь внезапного нападения джентльмена, ковбои поочередно становились на часы.

Бессребреник провел бессонную ночь, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к каждому шороху.

На рассвете он снова сел на лошадь и первым пустился в путь; ковбои, по-видимому, не намеревались подъезжать к нему ближе. Но он знал: преследование скоро начнется с невиданным упорством и ожесточением.

Прошло несколько часов без всякой перемены в положении дел. Пони Бессребреника бежал себе иноходью, не выказывая никакой усталости. Сам джентльмен в седле сидел твердо и походил скорее на доброго ранчero, объезжающего свои пастбища, чем на человека, за которым гналась шайка разбойников.

Он все ехал по следу повозки и терялся в догадках о причине похищения молодой женщины и о месте, куда ее увезли.

Уже давно тянулась совершенно дикая равнина. Не видно было ни ранчо, ни поселка, ни одинокой фермы или хижины — ничего! Только желтоватая трава становилась все гуще и выше, доходя почти до стремян.

Наступала вторая ночь. Несмотря на свою выносливость, джентльмен чувствовал чудовищную усталость. Уже два часа ковбоев не было видно, и Бессребреник надеялся, что они еще далеко. «Привал!» — скомандовал он сам себе. Лошадь, наевшись, легла, а он сел возле нее, противясь всеми силами сну. Глаза его все же закрылись...

Вдруг ржание и толчок разбудили джентльмена. Он сразу вскочил и удержал за узду обезумевшее животное.

Вся степь пылала. Пламя подступало все ближе. Воздух невыносимо раскалялся. Огонь приближался как бы прыжками. Страшный треск, будто от сотни мчавшихся вагонов, покрывал всякий другой шум. Лошадь дрожала, ежилась и прижималась к хозяину, словно прося помощи. Потом, задыхаясь, стала вырываться, бить копытами.

Казалось, сама смерть в клубах дыма и языках огня стала перед Бессребреником на дыбы:

ГЛАВА 13

Опять ковбой.— Откуда они берутся.— Желтая Птица и Дик-Бэби.— В плену.— После похищения.— Бешеная скачка.— У тюремщика.— Перед оргией.

За ремесло ковбоя — опасное и тяжелое — берутся обычно люди, принимавшиеся прежде за многое, но всюду потерпевшие неудачу.

Они не любят распространяться о своем прошлом, о семье или родных. Акцент иногда изобличает в них иностранцев. Между ними попадаются англичане, немцы, испанцы, французы, но, конечно, большая часть — янки. Очень немногие сохраняют свою настоящую фамилию, большинство принимает какое-нибудь прозвище. Бывает, в один прекрасный день под влиянием винных паров кровь у кого-нибудь из них закипает, мозг воспаляется, происходит какой-то сдвиг — и, ко всеобщему изумлению, ковбой перерождается. Он начинает выражаться изящно, заводит речь о вещах, не имеющих никакого отношения к его теперешней профессии, — одним словом, на минуту превращается в джентльмена. Но лишь только хмель слетает, человек снова возвращается к грубой действительности. От нарушения своего инкогнито у него остается смутное чувство неловкости. На следующий день он отправляется к хозяину-ранчero, просит расчета, получает причитающееся жалованье и уходит на другое место.

Но случается, и без видимой причины ему надоедает после двух-трех месяцев жить на одном месте, и он внезапно покидает ранчо.

Почти нет примеров, чтобы ковбой прожил долго, несколько лет, у одного и того же хозяина. В крови этих людей, бросивших общество равных себе по развитию, чтобы приблизиться, насколько возможно, к природе, пробуждаются инстинкты бродяг. Хозяева проявляют большую снисходительность при найме этого беспокойного народа. Они не спрашивают у ковбоя ни его имени, ни происхождения. Одетый в традиционный костюм и запасшийся орудиями, необходимыми в его профессии, он входит в общий зал хозяйского дома, садится перед огнем, покуривая трубку или жуя табак, и остается здесь столько, сколько ему вздумается — один, два, три дня или больше. Товарищи делятся с ним кровом, пищей, виски и табаком. Если ему вздумается остаться — спрашивает себе работу. В против-

ном случае отправляется на соседнее ранчо, где снова находит радушный прием. И так до тех пор, пока не выберет себе подходящего места.

Эта бесшабашная жизнь имеет свою неизъяснимую прелесть. Для людей, любящих прежде всего свободу, почти невозможно отказаться от подобного существования. Обанкротившиеся купцы, учителя без дела, врачи, уличенные в нарушении закона, моряки-дезертиры, адвокаты без практики, аптекари, повара, механики, парикмахеры, сделавшись ковбоями, никогда не возвращаются к покинутой профессии. Они живут и умирают ковбоями. Из этой краткой характеристики становится понятным, до каких крайностей могут доходить подобные люди вдали от границ цивилизованной жизни. Они чрезвычайно усердные работники, так как очень самолюбивы; но раз загулав, уже не знают меры и относятся к человеческой жизни — своей собственной или чужой — с полным презрением. Нет вещи, которой ковбой не изведal бы, иногда ему даже случается сделать... добро.

И вот от таких людей Бессребренику приходилось защищать себя и миссис Клавдию. Молодая женщина находилась во власти худших из худших. Только храбрость Бессребреника или миллионы Джима Сильвера могли ее спасти.

Ковбой, поднявший телеграмму, так некстати оброненную миссис Остин, был самым отъявленным негодяем по прозвищу «Желтая Птица». Он принадлежал к шайке бездельников, маскировавшихся индейцами, чтобы грабить ранчо, поезда переселенцев, одиноко стоящие фермы, а иногда даже целые деревни.

Подражая в совершенстве костюму и татуировке краснокожих, зная их язык, эти ковбои и вправду казались настоящими индейцами.

Жадный до денег, Желтая Птица в грабежах имел двойной доход. Известно, что существуют особые охотники — охотники за скальпами, или волосами, снятыми индейцами с голов убитых врагов. Скальп состоит не из одних волос, но из волос с кожей, которую жестокий воин сдирает с жертвы, предварительно сделав круговой надрез от затылка ко лбу. Эти мрачные трофеи, встречающиеся все реже и реже, находят себе покупателей и продаются по сто, двести, триста долларов и больше. Желтая Птица, имевший постоянный сбыт подобному товару, скальпировал всех, кто ему попадался под руку.

Усердное преследование со стороны полиции и племени настоящих суиксов заставило его отказаться от прибыльного занятия. Желтая Птица сделался ковбоем и поселился возле Нью-Ойл-Сити.

Соучастник его некогда был, как думали, адвокатом, который за разногласия с законом сначала попал в тюрьму, а затем в прерии Запада. Прозвище свое — Дик-Бэби — он получил благодаря розовому, пухлому, как у ребенка, лицу, никогда не загоравшему под жгучим солнцем. Жестокый, но несколько трусливый, он обладал никогда не иссякающим красноречием болтуна и пройдохи.

Похищение миссис Клавдии и проект получить за нее выкуп были замыслены Желтой Птицей. Он же подобрал для этой цели с полдюжины помощников. Затем Желтая Птица и Дик-Бэби отправились в дом хозяйки. Она приняла их не колеблясь, поверив, что эти двое явились для переговоров между администрацией и ковбоями.

Войдя, Дик-Бэби произнес какую-то вступительную фразу, а Желтая Птица по-индейски неслышно подкрался сзади и точным, натренированным движением мастера заплочных дел зажал ей рот платком. Миссис Остин пыталась защититься, вырваться, но напрасно — Дик-Бэби связал ей руки, извиняясь за вольность, которую себе позволяет.

Затем оба негодяя принялись грабить драгоценные вещи и серебро.

Они оказались настолько внимательными к чужому добру, что уложили в чемодан даже немного белья и туалетных безделушек, назначение которых, впрочем, знали весьма нетвердо.

Их товарищи между тем заложили в шарабан лучшую из лошадей. Желтая Птица поднял миссис Клавдию, как пушинку, вынес во двор и усадил в экипаж. Он взял вожжи и намеревался дать знак к отъезду, когда заметил, что нет Дика-Бэби.

— Проклятье! — пробормотал он. — Где копается этот каналья?

Отсутствие бандита скоро объяснилось. Густые клубы дыма уже вырывались из окон дома-дворца. Дик-Бэби прибежал, крича:

— Горит! Горит!

— Ты поджег?

— Да, везде!

— Отлично!

Он впрыгнул в седло в ту минуту, как лошади, испуганные первым светом пожара, начали беспокоиться. Поезд, с шарабаном во главе, выскочил из ворот на улицу, толкая и давя всех попадавших на дороге.

Они направились в прерию, а зарево в покинутом городе разгоралось все ярче и ярче. Часть ночи проскакали по равнине, расположенной от Терриаль-Крика до Южного Плато. Это огромное пространство, заключенное между двумя реками, носит название Южного Парка и простирается до гор, дающих начало Арканзасу — небольшому быстрому потоку, в котором мудрено узнать будущий могучий приток Миссисипи.

Это — пустыня без городов, без поселков, без деревьев. Высокая жесткая трава, растущая на неблагодарной почве, негодна даже для пастбы скота. Птиц здесь встречается мало, четвероногих еще меньше, но зато гремучих змей множество.

На рассвете Желтая Птица остановил рысак и приказал сделать привал на берегу.

Задышавшейся миссис Клавдии развязали рот и подали напиток. Она изнемогала от усталости, но гордая и непреклонная даже не удостоила негодьяев ни единым взглядом.

После часовой остановки снова двинулись в путь по направлению к юго-западу. Желтая Птица, по-видимому, прекрасно знавший местность, вел поезд, невозмутимо отвечая на вопросы спутников:

— Потерпите... Подождите...

— Да куда ты нас, наконец, ведешь?

— В такое место, где нет ни шерифов, ни полисменов и где таким молодцам, как мы, можно позабавиться.

— А далеко еще ехать?

— Увидите.

Вечером расположились на ночлег в совершенно пустынной местности. Для миссис Клавдии устроили постель из подушек шарабана, травы и пледа вместо одеяла.

После скромного ужина ковбои растянулись на земле, подложив под голову седла, и уснули, не выпуская из рук карабинов.

На следующее утро поехали все тем же аллюром. С некоторого времени местность стала менее ровною; чаще и чаще начали попадаться трещины в почве, а затем и канавы, через которые Желтая Птица, правивший шарабаном, переезжал с чисто американской ловкостью. Скоро потянулись

настоящие холмы — предгорья высоких гор, которые обрисовывались темной массой на горизонте. Шарабан въехал в долину, затем поднялся на гору, снова спустился, преодолел глубокое ущелье и выехал на большую круглую равнину, со всех сторон замкнутую остроконечными скалами.

— Добрались! — объявил Желтая Птица.

Трудно было представить что-либо мрачнее этой круглой лощины, где вся почва изрыта, изборождена маленькими ручейками с желтой грязной водой, насыщенной глиной. Кое-где люди отталкивающей наружности, в грязных ломотях усердно копали землю, стоя в ямах. Вокруг виднелись беловатые палатки, вылинявшие от дождя, выгоревшие от солнца, продырявленные и заплатанные разноцветными лоскутами.

Между этими убогими жилищами возвышалось несколько домов из неотесанных елей, срубленных в горах. В них жили разные торговцы.

Не было ни церкви, ни суда, ни банка — ничего, что напоминало бы цивилизованный мир. Всюду — полное отсутствие комфорта. В палатках спали прямо на земле; в бревенчатых домах-«салонах» ели стоя, наскоро. Вся меблировка состояла из одного или двух обрубков, служивших стульями.

Таков был поселок искателей золота, где Желтая Птица намеревался скрыть свою пленницу.

Ковбои в этих местах самые что ни на есть «сливки» общества. Желтую Птицу они знали и — как ни удивительно — слушались.

— Эй вы, молодцы, — гаркнул он, — вылезайте из своих нор и ступайте сюда!

Собрав вокруг себя человек шестьдесят рабочих, разбойник стал им что-то рассказывать, потом — отвечать на вопросы.

— Сколько ты заплатишь? — спросили его.

— Сколько захотите.

— Ол райт! Идем к Отравителю.

Через десять минут толпа, к которой присоединились по дороге другие рабочие, остановилась перед салуном. У дверей кабака сидел верзила со свирепым лицом.

— Эй, Сэм, — обращаясь к нему, закричал Желтая Птица, — я привез тебе первую красавицу Штатов.

— Вижу.

— Береги ее как зеницу ока! Она стоит сто тысяч долларов.

— Отлично!.. Женщина хороша, а золото еще лучше. Ну, давай выходи, курочка!

Молодая женщина легко прыгнула на землю и совершенно спокойно остановилась перед дверью.

— У тебя ведь найдется место, где ее спрятать? — грубо спросил Желтая Птица.

— Да, на чердаке, где спала Бесси, служанка, что умерла.

— Хорошо... Потрудитесь идти за Сэмом, сударыня... А ты, Сэм, не забудь, что отвечаешь за нее головой.

ГЛАВА 14

Пять! — Письмо к серебряному королю. — Взперти. — Американский бифштекс и кухня. — Опасения. — Любопытство пьяниц. — Сэм и его топор. — Бойня. — На раскаленной плите. — Миссис Клавдия во власти пьяной толпы. — Ужасный апофеоз. — Свадьба.

Заперли миссис Клавдию в грязной каморке, где умерла служанка кабака. Желтая Птица отвел в сторону хозяина и сказал ему:

— У тебя есть запасы?

— Неистощимые, — отрывисто отвечал великан.

— Питье и еда?

— Да.

— Будет чем с неделю поить всех старателей?

— Хватит и на две.

— Ол райт! Я все покупаю у тебя.

— За наличные?

— Нет, в кредит.

— Будет стоить дороже.

— Сколько?

— Пять тысяч долларов.

— Прекрасно! Беру за пять тысяч весь салун и все, что в нем есть... Ты знаешь, мое слово как расписка.

— Знаю, — важно подтвердил Сэм, сплевывая жвачку.

— Сверх того получишь еще сто тысяч долларов.

— Ты, стало быть, богат?

— Скоро разбогатею... Наклевывается отличное дельце, и ты должен помочь мне.

— Как это?
— Сбереги красоту, что сидит на чердаке.
— Сберегу. Все?
— Рассчитываю на твою неподкупность.
— Все?
— Все... А теперь напои этих молодых — нашу маленькую армию.
— Разве предвидится нападение?
— Надеюсь, нет; но в случае чего...
— В случае чего эти двести удальцов будут стоять целого батальона.
— Я их знаю. Почти со всеми приходилось «работать над кожей».

Выражение «работать над кожей» означает — скальпировать. Тон, которым Желтая Птица произнес эти слова, заставил бы содрогнуться самого храброго человека. Сэм даже бровью не повел. Видно, в недавнем прошлом для него это была работа как работа — ничего особенного.

Скоро радостная весть, что Желтая Птица бесплатно поит всех, облетела лагерь. Золотоискатели побросали ломы, лопаты и желоба, в которых промывается золотоносная земля, и сбегались в салун, где с жадностью набросились на спиртное.

Между тем в комнате Сэма Дик-Бэби сочинял письмо и зачитывал его Желтой Птице.

«Мистеру Джиму Сильверу, Нью-Йорк.

Джентльмены, желающие остаться неизвестными, случайно узнали, что серебряный король, почувствовав нежное влечение к нефтяной королеве, намеревается связать себя с этой прелестной особой узами брака.

Это намерение заслужило полное одобрение со стороны джентльменов, и они решили дать на него свое согласие.

Но превратности их бытия, сопряженного с опасностями, принуждают поставить мистеру Сильверу некоторые условия. Бесценную красоту, молодость и необыкновенную привлекательность миссис Клавдии Остин джентльмены — увы! — вынуждены оценить деньгами.

Было бы оскорблением для серебряного короля, если бы оценка эта оказалась несоответствующей его несметному богатству и всем совершенствам нефтяной королевы.

Вследствие этого почтеннейший Джим Сильвер благоволит вручить людям, которых ему укажут, сумму в двадцать пять миллионов долларов.

Эта цифра, которая не может быть изменена, представляет собой выкуп за миссис Клавдию Остин.

Одно слово «выкуп» объяснит мистеру Сильверу, что миссис Клавдия в полной власти людей, которые вольны поступить с ней как вздумается.

В случае неуплаты означенной суммы страшные бедствия и несчастья могут обрушиться на голову нефтяной королевы, которая уже теперь просит о помощи и умоляет о спасении.

Если — в чем пишущие эти строки не сомневаются — серебряный король вознамерится возвратить свободу пленнице, ему стоит только напечатать в главнейших газетах объявление: «Джим согласен: 25000000 дол.».

После этого останется только определить условия, при которых должна будет состояться передача денег и пленницы.

Если этот способ покажется серебряному королю слишком долгим, он может отправить телеграмму в Южный Парк на имя уполномоченного фирмы «Желтая Птица и Дик-Бэби».

Выслушав с открытым от восхищения ртом наглое и претенциозное сочинение Дика, Желтая Птица воскликнул:

— Отлично!.. Превосходно!

— Да, — с притворной скромностью согласился другой негодяй, — недурно; я вообще не промах в таких вещах... Но кто снесет письмо?

— Я сам. Я сейчас же отправлюсь с тремя лошадьми и отдам письмо почтовому чиновнику в первом же поезде.

— Подумай, что от нас до железной дороги двести миль!

— Всего двое суток пути.

— Кто останется при женщине?

— Ты и Сэм.

— Хорошо!

— Прощай, Дик.

— Прощай, Желтая Птица! В твоих руках наше будущее.

Доверяясь бессердечности своих товарищей, негодяй тотчас, даже не отдохнув, пустился в путь.

Читатель, вероятно, удивится, почему Желтая Птица избрал для заключения нефтяной королевы место, куда стекалась масса порочного люда, и приставил к своей пленнице сторожами таких отъявленных мерзавцев.

В сущности, его план не лишен был основательности.

Во-первых, лагерь золотоискателей находился, что называется, в глухом углу — вдали не только от всяческих путей сообщения, но и от закона и власти. Во-вторых, ставка делалась на жадность Сэма, а это чувство ему никогда не изменяло.

Кроме того, пьяницы всегда в руках того, кто их поит. Желтая Птица, подпавшая старателям, имел в них преданных и свирепых телохранителей. И если бы Джиму Сильверу или кому-нибудь другому пришло на ум пустить в ход силу, у Желтой Птицы были бы отчаянные защитники.

Вначале все шло хорошо. Золотоискатели глотали самые невозможные напитки, ссорились-мирились, пили за здоровье угощавшего, Желтой Птицы, за наливавшего Сэма, за болтавшего Дика-Бэби, за прекрасную незнакомку, которой никто не видал и внезапное исчезновение которой начинало возбуждать любопытство.

Интерес к ее особе быстро нарастал, что сильно встревожило Дика-Бэби.

— Ну, Сэм, говори, кто она, эта незнакомка?.. Твоя жена?

— Нет!

— Дочь?.. Невеста?

— Нет... нет...

— Кто же она такая?.. Почему прячется? Почему не показывает за стойкой свою хорошенькую мордочку вместо твоей крокодиловой хари?.. Какой же ты безобразный, Сэм... Ну же, иди, попроси красавицу выйти сюда... Она найдет здесь людей, понимающих тонкое обращение... джентльменов, настоящих джентльменов!

— Отстаньте от меня! — заревел Сэм. — Вам дали пить... ну и напивайтесь, пока не лопните... ведь ничего не стоит... А эту даму оставьте в покое, иначе...

— Иначе что?.. Ты грозишь нам?

— Да! — закричал Сэм, хватая в каждую руку по револьверу.

Все знали необыкновенное искусство в стрельбе этого гиганта, убивавшего человека, как муху, и принялись снова за водку.

— Чтoб черт опалил мне лицо! — проворчал Сэм. — Нечего сказать, хорошее поручение дал Желтая Птица... Правда, он пообещал сто тысяч долларов и сдержит слово... Сто тысяч!.. Да я за них убью сто тысяч таких мерзавцев!..

Наступила ночь. Сэм подумал, что миссис Клавдия

голодна, и велел своему помощнику приготовить обед для заключенной. Слуга, в громадных сапогах, подпоясанный красным поясом, с целым арсеналом оружия на животе, поспешно повиновался.

В кухне висела кровавая бычья нога. Повар вытащил из ножен нож, отрезал лопот еще не успевшего остыть мяса и стал яростно разбивать его поленом на чурбане. После этого, не прибавив даже перца и соли, он положил мясо на раскаленную чугунную плиту. Это блюдо на Западе Америки называется бифштекс.

В то время как лопот мяса поджаривался, повар смешал немного муки со стаканом воды, распустил на сковороде свиного сала и вылил в него серое тесто. Мука была кислая, сало горькое, а сковорода грязная. Для этих людей, как бы предубежденных против чистоты, любимая пища — сочное мясо. Повар снял со сковородки блин и свернул его вдвое. Затем поднял с плиты мясо, полусгоревшее с одной стороны и кровавое с другой, и положил на блин.

— Готово? — спросил Сэм, приотворяя дверь кухни, полной удушливого дыма.

— Готово! — пролаял в ответ оригинальный повар, засовывая нож обратно в ножны.

— Молодец, Ник! Наша барыня пообедает, как королева.

Хозяин взял блюдо и, не подумав, что не мешало бы также захватить нож, вилку и салфетку, стал тяжело подниматься. Ступени шаткой лестницы скрипели под его ногами. Он постучался. В ответ донесся короткий звук, хорошо знакомый всякому искателю приключений, освоившемуся с употреблением огнестрельного оружия.

— Вот те на! — пробормотал он. — Курочка зарядила револьвер... Ну и бабенка!

Дверь распахнулась, и Сэм увидал целившуюся в него молодую женщину с распущенными волосами.

— Что вам надо? — спросила она звенящим голосом.

— Я принес вам поесть.

— По какому праву вы держите меня здесь?

— Так приказал Желтая Птица.

— А я хочу уйти... сейчас... Пустите... Вы слышите, пустите! Или я вас убью!

Как человек, неспособный пугаться дула револьвера, Сэм поставил блюдо на ящик из-под водки и сказал:

— Мне не хочется вам противоречить, но позвольте

сказать, что здесь, наверху, вы в большей безопасности, чем внизу — в салуне или на улице. Там я ни за что не отвечаю.

— Эти люди посмели бы с неуважением отнестись к женщине... к американке?..

— Если бы они были трезвы, то не посмели бы... А когда пьяны...

— Желала бы я это видеть! — воскликнула миссис Клавдия.

— Не говорите этого, сударыня... Люди, спокойные натошак, делают зверями, когда выпьют... Тогда им все нипочем.

Сэм смотрел на нее, следя по лицу за движением ее мысли.

— Еще раз повторяю, сударыня: не доверяйте им!

Сэм собирался уйти; но миссис Клавдия хотела во что бы то ни стало спуститься. Дух противоречия, сознание опасности и неизвестность возбуждали ее.

— Подождите, по крайней мере, до завтра. Они или перепьются до бесчувствия, или отрезвятся... в обоих случаях вам не надо будет их так бояться.

Эти слова возымели действие. С той минуты, как миссис Остин уступили, она перестала настаивать. Раз запрещение снималось с плода, плод терял свою притягательную силу.

Вместе с бифштексом Сэм принес свечу и спички.

Миссис Клавдия, как женщина ни перед чем не отступающая, мужественно принялась за кусок мяса, впилась в него своими тонкими и белыми зубками, повертела туда-сюда и, наконец, справилась с ним. Она могла похвастаться победой, так как «враг» сдался не сразу.

Подкрепив силы американским деликатесом, миссис Клавдия выпила стакан воды и, за неимением ничего лучшего, расположилась на жесткой постели, занимавшей половину тесной каморки. Она чувствовала себя разбитой после бешеной скачки и нуждалась в отдыхе. Положив заряженный револьвер около постели, пленница прочла короткую, но горячую молитву, задула свечу и заснула.

Она проспала двенадцать часов кряду. Проснувшись, припомнила все происшедшее и осознала, что сидит взаперти.

Ей вспомнился Бессребреник:

— Где он?.. Что делает?.. Думает ли обо мне?

Затем мысль перешла к Джиму Сильверу, к его неожиданному предложению:

— Да, конечно... стать серебряной королевой... было бы великолепно, и если бы я не познакомилась с другим... Но теперь... хватит ли у меня мужества отказаться от этого другого?... Насколько охотнее я стала бы миссис Бессребреницей!

Около десяти часов Сэм постучал в дверь. Он принес завтрак. Повар изменил меню, и главным блюдом явилось соленое сало, которое так любят жители Запада. Вместо одного блина на жестяном блюде лежали два, политые кленовой патокой. По мнению кулинару, это было лакомство.

Миссис Клавдия, чувствующая себя еще более усталой, чем накануне, встала, чтобы принять кушанье, и, как только хозяин вышел, снова легла. Весь день и всю ночь она не хотела выходить из дому, но это желание проснулось в ней с удвоенной силой на следующее утро. Однако, вопреки всякому ожиданию, Сэму удалось уговорить ее потерпеть еще сутки.

Миссис Остин сидела взаперти уже шестьдесят часов.

А внизу, в салуне, продолжалась беспробудная пьянка. И среди самых невероятных фантазий, рождавшихся в замутненном сознании старателей, одна становилась все навязчивей: хотелось увидеть заключенную. Напрасно Сэм употреблял все доводы, чтобы отговорить их. Ни море водки, ни полные стаканы «Сока тарантула» не могли прогнать мысли, раз засевшей в мозгах пьяниц.

Уже начиналась осада салуна — военная операция, весьма хорошо знакомая этим разбойникам. Скоро образовалась брешь, и осаждающие подступили к лестнице. Тогда Сэм схватил топор и, стоя перед дверью каморки, начал наносить удары по черепам, как дровосек по сучьям. Брызнула и потекла кровь. Трупы катились вниз, а хозяин кричал:

— Хоть перебью вас всех, а получу свои сто тысяч долларов!..

Молодая женщина, услышав за стенкой леденящие душу крики, испугалась. Перед ней встало мужественное лицо Бессребреника, и она прошептала:

— Если б он был здесь... если бы он был здесь...

Вой и торжествующие вопли наполнили дом: Сэм поскользнулся в луже крови и упал среди груды неподвижных тел — мертвых, раненых или просто до бесчувствия пьяных.

Его схватили в охапку и бросили в кухню. Он упал на

раскаленную плиту, и несколько наиболее свирепых пьянчуг держали его на красном железе.

Сэм отбивался и страшно кричал, наполняя кухню запахом американского бифштекса. В это время дверь открылась и на пороге, вся дрожа, появилась миссис Клавдия. На мгновение все замерли. Ее сияющая, неземная красота подействовала на двуногое зверье как удар кнута укротителя. Негодующая, она воскликнула:

— Что вам надо?.. Разве я не свободна располагать собой? Какое право вы имеете удерживать меня?

Зачарованные пропойцы окружили молодую женщину, схватили, увлекли, прежде чем та успела крикнуть, сделать попытку освободиться.

Ее спустили с лестницы на руках, не дав коснуться ступеней, и она очутилась на улице.

Люди в бешеном неистовстве кричали, прыгали, жестикулировали. Перед миссис Клавдией, как в кошмаре, мелькали безумные глаза, багровые, судорожно искаженные лица. Ошеломленная, потеряв способность произнести даже слово, бросаемая из стороны в сторону людской волной, миссис Клавдия каждую минуту боялась толчка, падения, шальной пули. Между тем толпа не спускала ее с рук и перенесла в салун. Миссис Клавдию охватил ужас. Она почти ничего не видела, задыхалась и сознавала, что готова лишиться чувств. Хотелось закричать, отбиться... Но из ее полбденвших губ вылетел только стон:

— Довольно!.. Довольно!.. Что вам надо от меня?

Гигант с низким лбом, с рыжими всклокоченными волосами отвечал:

— Чего надо?.. Найти тебе жениха...

— Да!.. Да!.. Bravo! — раздалось из толпы. — Жениха!.. У нас будет свадьба!.. Вот славно!.. Вот прекрасно!

— А кто женится?

— Бросим жребий.

ГЛАВА 15

После пожара.— Труп лошади.— Где он? — Победа и сборы в путь.— Бессребреник умирает со смеху.— Бессребреник упускает случай сделаться главарем разбойничьей шайки.— Снеговик, Пиф и Паф.— Каким образом Бессребреник не изжарился живьем.

Пожар в степи... Нельзя себе представить ничего страшнее этого огненного моря, опаляющего и сжигающего все, что попадает на пути.

Когда трава невысока и редка, а пространство, охваченное пламенем, не очень велико, через него можно проскакать на лошади, только слегка опалившись. Но когда трава в метр или больше высотой, степной пожар поистине ужасен. Пламя взвивается вверх на пять-шесть метров; над всей равниной, задерживая солнечные лучи, стоит густое облако едкого и удушливого дыма. Немало времени проходит, пока сгорят все эти тесно стоящие длинные стебли, внизу они обугливаются и долгое время тлеют...

Если путник, преследуемый таким огненным потоком, не успевает уйти, он прибегает к следующему средству: зажигает траву перед собой под ветром; она сгорает, и образуется свободное пространство, род острова, где можно укрыться, не опасаясь быть настигнутым пламенем.

Бессребреник, к несчастью, не мог воспользоваться этим простым и действенным способом самозащиты. Читатели, вероятно, помнят, что ковбои, пользуясь его сном, зажгли травяную равнину кругом так, чтобы не было возможности бежать. В восторге от своей жестокой, коварной выдумки они шумно ликовали, полагая, что хорошенько проучили неженку, зеленого, вздумавшего тягаться с цветом ковбоев Дакоты и Колорадо. «Теперь он изжарится, как колбаса, этот умник, этот силач»... — приговаривали «герои» и терпеливо ждали, пока почва остынет, чтобы взглянуть на уничтоженного врага. Наконец, эта минута, казалось, наступила; однако кто-то заметил, что земля все-таки местами еще очень горяча и может испортить копыта лошадей.

— Ну что же? Оставим лошадей с кем-нибудь и пойдем пешком.

Сказано — сделано. Отправились.

Тлеющий пепел распространял сильный жар. От него не спасали даже толстые кожаные сапоги. Скоро пот градом покатился по покрасневшим лицам ковбоев, а сухая мелкая пыль вызвала у них неудержимый кашель. Поначалу среди нависшего дыма, стлавшегося по почерневшей земле, нельзя было ничего рассмотреть. Досадуя, ковбои рассеялись в поисках трупов человека и лошади.

Так продолжалось с полчаса, пока один из них не испустил крик: на тонком слое сгоревшей травы виднелась обуглившаяся масса.

— Лошадь!.. Это лошадь!.. Где же он сам?

Снова принялись за поиски и ничего не нашли, кроме полусгоревшего седла, железных пряжек и кольца от лас-

со. Ни самого Бессребренника, ни его карабина, ни ножа...

Лошадь еще могла бы прорваться через огненное море; но раз она погибла, куда же девался проклятый незнакомец? Казалось, он улетел, взмыл в небо! Снова в адрес Бессребренника посыпались брань и проклятия.

Между тем ковбой, оставленный для присмотра за лошадьми, с высоты седла следил за непонятным для него передвижением товарищей; шум, раздавшийся сзади, и толчок чуть не вышибли его из седла. Две железные руки сжали горло. У ковбоя потемнело в глазах, затрещали позвонки, и, теряя сознание, он, как в ужасном кошмаре, заметил Бессребренника — с опаленными волосами, с волдырями ожогов на руках, в лохмотьях вместо одежды.

Ковбой упал, задушенный, как цыпленок.

Бессребренник, не церемонясь, принялся снимать с него платье, обувь и в минуту надел все на себя. Затем выбрал из числа лошадей ту, которая показалась ему сильнее прочих, и взнуздал ее. После — подрезал подпруги у всех седел, сделал то же с уздечками, взял из сумок все запасные патроны и, наконец, отвинтил замки у карабинов. На все потребовалось не больше десяти минут.

А ковбой продолжали свои бесплодные поиски.

Бессребренник, сидя в полном вооружении на лошади, думал:

«Что теперь делать? Перестрелять их одного за другим из карабина? Это нетрудно, и я вправе поступить так после шутки, которую они сыграли со мной... Но убивать!.. Постоянно убивать!.. Нет, главное сейчас — отыскать миссис Клавдию».

И джентльмен отправился в путь шагом. Не будь у него опалены волосы, борода, не будь на руках волдыри, никому бы и в голову не пришло, что он столько времени пробыл среди пожара, опустошившего несколько тысяч гектаров прерии и еще до сих пор не вполне прекратившегося.

Лошади стояли неподвижно, смотря вслед удалявшемуся всаднику. Он же не прибавлял шагу, интересуясь тем, что будут делать противники. Те чертыхаясь, что нашли только полуобгорелый труп коня, чувствуя сильное утомление после прогулки по горячему пеплу, решили вернуться к своим лошадям.

— Куда ты?.. Подожди!.. Поедем вместе! — кричали

они издали переодетому джентльмену, принимая его за своего товарища.

Бессребреник, отъехавший на триста или четыреста метров, остановился. Головорезы подбежали тем временем к лошадям и при виде задушенного, совершенно раздетого собрата разразились яростными проклятиями.

Тогда джентльмен, которого все это забавляло, сложил руки рупором и громко крикнул:

— Колорадские ковбои для меня мальчишки! Попадётся мне ещё раз в руки, отшлепаю по задницам. Гуд бай!

При этих словах незадачливые преследователи, узнав врага, вскочили на коней; и тут Бессребреник буквально покатился со смеху: все подпруги лопнули в одно мгновение, все седла перевернулись как по команде — ковбои полетели, кто на спину, кто на бок, в самых комичных позах. Испуганные лошади начали отчаянно брыкаться и ещё больше увеличивали смятение. Но этого мало. Всадники, выпав из стремян, пытались, схватившись за узду, опять вскочить на лошадей, но все уздечки перервались, как веревочки, лошади с развевающимися гривами понеслись, опьяненные свободой, и через две минуты скрылись из виду!

Бессребреник продолжал, держась за бока, хохотать неудержимым смехом. Вzbешенные ковбои, с пеной у рта проклинали его, не зная, что предпринять. По крайней мере, у них ещё остались карабины. Все, как один, бросились к ним, прицелились, раздался короткий звук курков, и... выстрелов не последовало. Карабины оказались безобидными, как поленья.

Нет!.. Это было уже слишком!

Пристыженные, сконфуженные, ковбои признали себя побежденными, и один из них, высказывая мысль прочих, воскликнул:

— Это сам дьявол!.. Если он захочет взять меня с собой забавляться в прерии, я охотно пойду за ним.

— И я!.. И я!..

Но Бессребреник, не зная перемены их настроения, уже натянул поводья и, объезжая пожарище, выискивал след экипажа, в котором увезли миссис Клавдию.

Вдруг отдаленные, но приближающиеся крики и выстрелы заставили его встрепетаться.

— Опять! — вздохнул он.

Скоро на горизонте обрисовалась группа скакавших

во весь опор всадников. Среди криков Бессребренику послышалось его имя.

— Мистер Бессребреник!.. Пойдите... Подождите!

— И впрямь зовут меня,— решил он, заряжая карабин.

Всадники все приближались, стреляя в воздух, по-видимому, чтобы привлечь к себе внимание.

Их было трое, и можно было уже рассмотреть их костюмы. На двух были сюртуки и высокие шляпы.

— Должно быть, какому-нибудь шерифу вздумалось повидаться со мной,— проговорил Бессребреник.— Но я отмечусь выстрелами.

На третьем всаднике был костюм ковбоя, весь с иголочки. Когда порывом ветра с седока снесло шляпу, Бессребреник разразился новым припадком неудержимого смеха, увидав изумленную черную как уголь физиономию.

— Снеговик!.. Мистер Паф и мистер Пиф!

— К вашим услугам! — отвечали сыщики, поднося руку к шляпе, по-военному.

— Право, странная, но вместе с тем очень приятная встреча! — весело воскликнул Бессребреник.— Где это вы пропадали?.. У меня за это время было столько приключений!

— Мы искали вас,— отвечал Паф, и лицо его растянулось широкой улыбкой.

— И, наконец, нашли,— вывел логичное заключение Пиф,— нашли по вашим следам.

— И скакали же вы! — снова заметил Паф.

Изумленный Снеговик ничего не говорил, но вращал белками своих глаз и сверкал зубами аллигатора.

— Наконец, мы опять вместе,— продолжал Бессребреник.

— Да, благодаря указаниям ковбоев. Хорошо вы с ними расправились.

— Они вздумали было изжарить меня живьем.

— И до сих пор в себя не могут прийти от изумления, что вы живы. Каким чудом вы избежали огня?

— Дело объясняется просто.

— Расскажите, пожалуйста!

— В двух словах. При случае можете воспользоваться моим изобретением. Увидав себя окруженным пламенем, я понял, что пропал. Бежать не было возможности. Лошадь металась в ужасе. Я видел, как круг пламени все более стягивается. И тут блеснула безумная мысль. Я вытащил нож и вонзил его в спину лошади между первыми позвон-

ками. Животное упало. Не теряя ни одной секунды, распорол ему грудь и брюхо, вытащил трепещущие внутренности и бросил на землю. Пламя приближалось... дышать было нечем. Не медля, я вполз в пустоту, образовавшуюся на месте вынутых внутренностей, и, сжавшись там, закрыл отверстие, через которое вошел.

— Как же вы не задохнулись? — спросил мистер Паф.

— Пришлось поднять кусок кишки и, дуя в нее, наполнить воздухом.

— Удивительно! — воскликнул длинный мистер Пиф.

— Да, образовался воздушный резервуар... Не скажу, чтобы воздух в нем был особенно чистый... но выбора не было!.. Едва я успел укрыться в своем убежище, как пламя с шумом охватило нас. Мне стало нестерпимо жарко. Казалось, я изжарюсь заживо в собственном соку или в соку лошади. Все вокруг трещало, лопалось, текло!.. Я задыхался, несмотря на свой маленький запас воздуха. Так прошло не знаю сколько времени — десять, двадцать минут, показавшихся мне часами... Наконец, удалось выбраться из своего убежища, не обратив внимания ковбоев, и добыть новое платье.

— В самом деле, поразительно, — заметил мистер Паф с почтением в голосе. — Вы достойны быть американцем, если принадлежите к другой национальности.

Джентльмен, улыбаясь, поблагодарил поклоном мистера Пафа за высокое мнение.

— Можете сообщить серебряному королю, что я добросовестно выполнил условие нашего пари...

— Непременно сообщим.

— А теперь потрудитесь следовать за мной, чтобы убедиться, что и дальше я буду продолжать в том же духе.

— Ол райт! — с готовностью выпалил мистер Пиф.

— Марш! — скомандовал мистер Паф.

И небольшой отряд поскакал по прерии.

ГЛАВА 16

Оскорбление. — Кто выиграет? — Появление Нэба Ренджера. — Протестантский пастор со странным прозвищем «Вильям Соленая Селедка». — Спасена еще раз! — Бедный Пиф!.. Бедный Паф!.. Бедный Снеговик!.. Лучше умереть!.. — Бессребреник хочет убить миссис Клавдию.

— Да... да... отлично... бросим жребий.

Доведенная до отчаяния, миссис Клавдия пыталась про-

тестовать, но обезумевшие пьяницы не слушали, не понимали ее. Она кричала:

— Как вы смеете так распоряжаться мною!.. Это низость!

Золотоискатели шумно пили за ее здоровье, за здоровье ее будущего мужа, будущей семьи.

Сэму, хозяину салуна, с трудом удалось освободиться от жестокой пытки, придуманной ковбоями. Распространяя запах горелого мяса, корчась от боли, он сел было в кадку с холодной водой, но раб слова, данного Желтой Птице, скоро снова вылез и, переодевшись, попытался заступиться за миссис Клавдию. Ему закрыли рот ударом приклада, пригрозив:

— Молчи!.. Иначе повесим!

А один из ковбоев прибавил:

— Лопух ты, право!.. Отчего бы и тебе не попытать счастья?

Отравитель подумал про себя:

«В конце концов он, может быть, и прав... Чем я не приличный муж для нее?»

Во время переговоров, шуток и возлияний все для лотереи было приготовлено.

Трусливый Дик-Бэби, все время где-то прятаящийся, тоже, наконец, решился подойти к шумной толпе и вразумить ее; но одного слова хватило, чтобы заставить его замолчать.

Кто-то из золотоискателей без дальнейших церемоний приказал экс-адвокату:

— Эй ты, чертов писака, Дик-Бэби! Иди сюда!

— Что надо?

— Ты знаешь нас всех?

— Да.

— Ну, так напиши наши имена на отдельных бумажках.

— Да вас очень много!

— Если не справишься в четверть часа, заставлю проглотить до самой ручки мой охотничий нож!

Угроза и уверенность, что она будет приведена в исполнение, придали Дику проворства, которого тот сам не знал за собой. Однако, чтобы несколько выиграть время, он прибегнул к довольно оригинальной уловке.

Взобравшись на конторку Сэма и положив на колени доску, грамотей писал карандашом на клочках бумаги по пяти, по десяти раз кряду одни и те же имена. Так, на долю

Сэма пришлось не менее тридцати билетиков; на него самого, Дика-Бэби, штук двадцать пять. Ловкач быстрым взглядом окидывал толпу и снова принимался строчить, будто припоминая клички тех, кто мелькал перед глазами.

Сложив билетики, он бросил их в котелок, где обыкновенно варили пунш. Никому и в голову не пришло заподозрить обман, вследствие которого так увеличились шансы некоторых стать супругом нефтяной королевы.

Золотоискателей было человек пятьсот. В двенадцать минут импровизированный секретарь выполнил возложенное на него поручение. В котелке лежала груда свернутых бумажек.

Чей-то голос крикнул:

— Кто будет вынимать записки?

— Конечно, сам Дик-Бэби,— слышалось из толпы.

— Да, да! Дик-Бэби, писака, бумагомаратель, библиотечная крыса... Ну, скорей!

Дик схватил котелок, сильно встряхнул его, перемешал бумажки рукой, как ложкой.

— Да кончишь ли ты, мошенник!

В то время миссис Клавдия, вся бледная, стиснув зубы от стыда и отвращения, думала:

«Негодяи, делают из меня игрушку! Из меня, женщины, американки! И некому отомстить!»

Она встала и хотела выйти из окружения пьяниц, но не тут-то было. Негодяи сомкнулись и оставались неподвижными, как стена. У нее брызнули из глаз слезы бешенства.

— Невеста со слезами нетерпения ждет мужа,— заметил какой-то шутник.

— Дик-Бэби виноват в этом... Ну же, скорей, не то отрежем тебе уши.

Он погрузил руку в кучу бумажек и вытащил одну, держа ее бережно между указательным и большим пальцем, точно бабочку за крылья.

— Ах! — вырвалось вдруг у присмирившей толпы.

Дик медленно развернул бумажку и прочел резким голосом:

— Нэб Ренджер!..

Раздались восклицания.

— Нэб!.. Бродяга... потрошитель... охотник за скальпами... палач индейцев... великан... первый красавец всего прииска!.. Будь здоров, Нэб!.. И с невестой!

Толпа раздвинулась, и из нее выступил вперед гигант,

на голову выше всех присутствующих — один из тех уроженцев Кентукки, которые, характеризуя сами себя, говорят, что они наполовину крокодилы, наполовину лошади. Это был настоящий разбойник, хваставший тем, что нет злодейства, которого он не совершил, и державший в страхе весь прииск. В криках, встретивших его имя, слышалось как бы поклонение.

Человек этот имел действительно устрашающий вид. От его охотничьей блузы и кожаных панталон, обшитых, как у индейца, бахромой, сильно пахло козлом. Сапоги были сделаны из кожи, снятой с задних ног жеребенка. (Изготавливаются они так: теплая окровавленная кожа сдирается с животного; человек всовывает ноги до бедра в эти мешки, привязывает их ремнями и дает высохнуть. Они принимают форму ноги. Обыкновенно эти сапоги снимаются только тогда, когда понадобятся новые.)

Гигант приближался к женщине, тяжело смеясь, как медведь, напившийся перебродившего кленового сока.

Миссис Клавдия смотрела со смесью отвращения и ужаса на это чудовище со скотским лицом и рыжими волосами, спутавшимися с бородой ярко-морковного цвета. Крепкие длинные зубы, пожелтевшие от табака, торчали из-под губы, искривленной усмешкой людоеда, почуявшего свежее мясо.

Подойдя вплотную к молодой женщине, он остановился, пристально взглянул на нее, пустил два-три табачных плевка, важно высморкался при помощи пальцев и сказал:

— Ай! Ай!.. Красавица!.. Так мне на тебе жениться?.. Пока я хотел оставаться холостяком... но, увидев тебя, передумал.

Миссис Клавдия, полумертвая от страха, прижималась к стене.

Он продолжал добродушным тоном:

— Ты не болтушка?.. Мне это не по душе... У меня была жена индианка, языку которой не было покоя. Пришлось убить ее пощечиной... Ну, дай же ручку, пойдем к пастору.

Молодая женщина считала себя погибшей: она надеялась, что это только комедия, которая не будет закреплена ни религиозным, ни законным образом.

— Да разве... Разве есть здесь пастор?

— Есть, голубушка, есть... чего здесь только нет!.. В палатке у меня лежат две бизоновые шкуры, и я сделаю из них постель для тебя. Кроме того, найдется горсть семечек,

до которых вот уже полгода никто не смеет дотрагиваться, и бочонок виски. Можешь выпить его, когда станешь миссис Ренджер. Моя прежняя жена пила по три-четыре литра в день, молодец была баба!

Он схватил руку миссис Клавдии и крепко сжал; она поморщилась от боли.

— Я пожал немного сильно?..

— Дурак!

Он сжал тоненькую ручку еще сильнее, так что кости затрещали и ногти посинели.

«Я убью его!» — подумала миссис Клавдия, но сделала вид, что покорилась своей участи.

— Итак, мы поженимся, — сказал Нэб. — Билли!.. Эй, кум Билли!.. Где поп?.. Где Билли Соленая Селедка?

— Здесь, здесь!.. — отвечал скрипучий голос, и из толпы вышла личность, вполне оправдывавшая свое прозвище.

Длинный, сухой, как щепка, Билли был совершенно пьян и на ходу качался. В грязных лохмотьях, имевших отдаленное сходство со священнической одеждой, его странная длинная фигура напоминала рукоятку скрипки.

— Венчай же нас скорее, если еще можешь припомнить нужные слова! — закричал Нэб.

— Хорошо, кум, а ты платишь за пинту «Сока тарантула».

— За целую бочку!..

— Гип!.. гип!.. ура! — ревела толпа, наэлектризованная этим обещанием.

— Скорее же за дело! — продолжал пастор. — Прежде всего ваши имена. Ты, ты Нэб... Нэб... Ренджер, это я помню. А ты, красотка?..

Миссис Клавдия не отвечала, и кто-то крикнул за нее:

— Миссис Клавдия Рид, вдова Джошуа Остина!

— Спасибо, Дик-Бэби, — сказал пастор. — У тебя, наверное, нет вида? — обратился он к женщине.

— Нет, — отвечала миссис Клавдия, надеясь, что отсутствие необходимого документа заставит отсрочить свято-татственную церемонию.

— Пусть черт заберет мою душу! Я спрашиваю для очищения совести... Очень мне нужен твой вид!.. Приступаю... Нэб Ренджер, согласен ли ты вступить в законный союз с... гм... с дамой... я что-то путаю... со вдовой Остина... Джошуа... да... здесь присутствующей?

— Да,— хрипло отвечал великан, все еще не выпускавший руку молодой женщины.

В эту минуту в толпе произошло движение, будто кто-то теснил ее задние ряды.

Крики и выстрелы, служившие выражением восторга, встретили «да» Нэба Ренджера.

Между тем натиск сзади становился все сильнее, но ковбои, заинтересованные церемонией бракосочетания, не обращали внимания ни на что другое. Соленая Селедка бормотал:

— И ты, миссис Клавдия... Ри... ах! Позабыл имя... Хочешь ли признать супругом... Ах, Боже, как пить хочется!.. признать супругом этого верзилу, что предлагает бочку «Сока тарантула»... ах, да! что бишь я хотел сказать?.. Да, Нэба...

Он не окончил. Пинок, нанесенный пониже спины, заставил его замолчать и отлететь шагов на десять.

В то же время из побледневших губ женщины вырвалось:

— Бессребреник!..

С откуда-то взявшейся силой она высвободила руку из лапы совершенно растерявшегося Нэба,хватила револьвер и выстрелила в разбойника. Тот привскочил, расставив руки, и тяжело грохнулся на пол.

В толпе поднялся ужасный шум, несколько человек врезались в нее как бы клином. Вновь прибывших было четверо. Из своих револьверов они стреляли в упор, и пол покрылся ранеными и убитыми.

Голос Бессребреника звучал как призывный рожок:

— Смелее, друзья! Прочь, мерзавцы!

Золотоискателями, думавшими, что они имеют дело с многочисленным неприятелем, овладела паника.

Пиф, Паф и Снеговик, следуя примеру неустрашимого Бессребреника, поднимали заряженное оружие убитых и продолжали отчаянно стрелять.

И произошло почти невероятное: пьяная чернь отступила.

Избегнув опасности, миссис Клавдия с трудом сдерживала волнение; рука ее, опиравшаяся на руку Бессребреника, дрожала так же, как голос, когда она благодарила своего избавителя.

— Мои товарищи сделали не меньше моего,— скромно отвечал Бессребреник.

— Моя благодарность относится и к ним.

Они удалились, держа револьверы наготове на случай возвращения опасной толпы.

Джентльмены благополучно дошли до выхода из лагеря и достигли густой рощицы, где оставили лошадей, но лошадей не было.

— Украдены!..— проворчал Пиф.

— Коновязи обрезаны,— подтвердил Паф.

— Что делать?.. Нам не выбраться отсюда.

— Я пойду пешком,— решительно заявила миссис Клавдия.

— Я не сомневаюсь ни в вашей решимости, ни в выносливости, но боюсь, как бы эти злодеи не вернулись.

— Вы словно напроорочили,— сказал Пиф, внимательно следивший за лагерем. Там начиналось новое волнение.

Оправившись от паники и узнав, что неприятелей всего четверо, золотоискатели жаждали реванша.

Опасность была огромная, но Бессребреник, никогда не терявший присутствия духа, нашелся и здесь. У ног его темнела яма шириной метров в пять и глубиной в полтора метра; он одним прыжком спрыгнул в нее, крикнув другим:

— За мной!

Все повиновались, и миссис Клавдия последовала, не колеблясь, общему примеру. Было самое время. Бандиты приближались.

Пятеро храбрецов сдерживали их наступление, укрепившись в яме, как в траншее. Начался настоящий бой. Пиф и Паф оказались замечательными стрелками и прицельным огнем уложили с десяток разбойников. Но вот раздался залп, и шляпа мистера Пафа покатилась на землю. Он слабо вскрикнул и опустился к ногам миссис Клавдии. Пуля попала ему в лоб.

Бессребреник сказал вполголоса:

— Он был первым. Придет и наша очередь.

— Убейте меня,— перебила его молодая женщина,— лучше умереть, чем опять попасть в их руки... Вы убьете меня, не правда ли?

— Да,— отвечал Бессребреник.

Выстрелы продолжались. Скоро и мистер Пиф, выглянувший было из шахты, упал бездыханный. У миссис Клавдии вырвался стон, и слезы заблестели на глазах. Упав на колени, она стала горячо молиться за людей, умерших, защищая ее.

Бессребреник не переставал отстреливаться, но не в со-

стоянии был остановить осаждающих. В его револьвере и винтовке уже не оставалось зарядов.

— Эй, Снеговик,— крикнул он,— всыпь им как следует!.. Стреляй в них!

Негр, стуча зубами, поднялся из ямы, ободренный этим призывом.

Хотя он стрелял слишком высоко и выстрелы не достигали цели, но непрерывный огонь и неслыханная отвага этого человека на минуту будто парализовали золотоискателей.

— Нагнись, ради Бога! — закричал Бессребреник.

Но совет пришел слишком поздно; Снеговик уже не слышал его. Он упал на спину, обливаясь кровью и собрав последние силы, проговорил:

— Хозяин... Я очень люблю вас... Прощайте!

Рыдание сдавило горло Бессребреника.

Нападающие были не далее тридцати шагов.

— Все кончено? — сдавленным голосом спросила миссис Клавдия.

— У нас еще есть полминуты в запасе.

— Убейте меня... умоляю вас!

— Еще полминуты!

— Вы ничего не скажете мне... перед смертью?

Несколько золотоискателей были всего в пяти-шести шагах.

Миссис Клавдия взяла левую руку Бессребреника, сжала ее и еще успела вымолвить:

— Мне сладко будет умереть от руки...

Дикий рев покрыл ее голос. Человек двадцать окружили яму.

— Попались! — кричали они.

Бессребреник приставил револьвер к сердцу молодой женщины и в отчаянии спустил курок.

ГЛАВА 17

Серебряный король не дает себя эксплуатировать.— Перед чернильницей.— Приятные мечты.— Победа! — Расчетливость влюбленного.— Джим Сильвер пытается совершить невозможное.— Вперед! — Отряд волонтеров.— Могушество денег.— Поздно!

Джим Сильвер, серебряный король, был в очень дурном расположении духа, когда получил телеграмму Желтой

Птицы и Дика-Бэби, в которой за миссис Клавдию требовался выкуп в двадцать пять миллионов долларов. Незадолго перед тем ему уже пришлось вписать в графу убытков кругленькую цифру в пятьдесят миллионов — с Кубы сообщалось, что повстанцы, ведя борьбу с испанскими войсками, опустошили его обширные владения, уничтожив сахарные плантации, заводы, разрушив железную дорогу.

Не зная, как поступить, вспыльчивый от природы Сильвер метался по кабинету и вдруг сокрушил ударом кулака лакированный столик, чудо столярного искусства, на котором стояла чашка минеральной воды с молоком.

— И какого дьявола эта сумасшедшая полезла в волчью пасть? — злился он, не обращая внимания на черепки, трещащие под его тяжелыми шагами. — Наши нервные барыни становятся положительно невозможными со своей страстью к перемене мест... Вот и попалась!.. Пусть и выпутывается как хочет!.. Кто она мне?.. Ни родственница, ни невеста!.. Мошенники ошиблись... Не видать им от меня ни доллара, ни шиллинга, ни пенни! Даже строчки ответа... Хитры, да и старый Джим не промах...

Ну, довольно об этом. Работа не ждет!

Серебряный король подошел к письменному столу, заваленному срочными бумагами, и принялся что-то читать и подписывать.

Но по мере того как время шло, на лбу его контрастно проступали жилы, появились крупные капли пота, рука стала непослушной, перо сажало кляксы и рвало бумагу. «Душно!» — решил он и попробовал привстать, скользнув случайным взглядом по монументальной чернильнице, занимавшей половину письменного стола из черного дерева. Это была точная копия его яхты, вызывавшей зависть всех миллионеров Старого и Нового Света, и вдруг ему почудилось, что над двумя слегка наклоненными мачтами показался легкий туман опалового оттенка. Он замер. Среди этого беловатого облака появились черты, сначала неясные, затем все более определенные — Джим Сильвер узнал большие голубые глаза и чарующую улыбку женщины, потрясшей все его существо. С трудом переводя дыхание, он прохрипел:

— Миссис Клавдия! Дорогая...

С ресниц упали две слезы и медленно потекли по щекам. Серебряному королю почудилось, он слышит тяжелый, протяжный вздох.

Сильвер вскочил, будто над его ухом раздался выстрел, сильным движением оттолкнул стул и воскликнул:

— Клавдия — ангел... а я скот!.. Ей грозит опасность... Ее надо спасти!

Мысль заработала, и Джим снова превратился в прежнего искателя приключений, энергия которого не знала пределов.

Он позвонил. Вошел первый секретарь.

— Я уезжаю,— без всякого вступления заговорил серебряный король.— Следите за текущими делами и ждите моих приказаний. Буду телеграфировать или телефонировать. Для корреспонденции шифр номер два.

— Понял.

Сильвер прошел к себе в спальню, взял карманный револьвер, дорожный мешок и отправился в кассу, где набил его банковскими билетами.

В телеграфной конторе он подал короткую депешу по адресу Желтой Птицы:

«Джима Сильвера нет. Подождите. Дело устроится, когда вернется. Задатком получите двадцать пять тысяч долларов.

Фергюссон».

— Так я выиграю время,— улыбнулся он,— сейчас я им заплачу, но потом... не будь я серебряный король, если не разорю их.

Поезд мчался с головокружительной быстротой, которой так дорожат американцы, не обращая внимания на ужасные катастрофы, бывающие часто расплатами за ухарство.

Когда житель старушки-Европы сообщает дяде Джонатану свои соображения по этому поводу, последний безапелляционно заключает:

— Что делать! В промышленной борьбе — как на войне: о мертвых не заботятся... Главное — доехать!

Внешне холодный, Джим Сильвер чувствовал, как сердце его готово разорваться на части и кровь течет по жилам, как расплавленный свинец. Этот живой серебряный слиток кипел, трепетал, страдал. По временам он выскакивал из поезда, бежал на почту и телеграфировал секретарю:

«Сообщите этому человеку, что меня все еще нет. Снова пошлите, будто от себя, двадцать пять тысяч долларов».

Секретарь повиновался, а Желтая Птица охотно ждал, находя, что изобрел выгодный способ добывать деньги.

Серебряный король постоянно со страхом спрашивал себя, не поздно ли он приедет, и это опасение удесят�рало

его мучения. В эти минуты он отдал бы и миллиард, лишь бы увидеть божественный профиль миссис Клавдии и услышать из ее прекрасных полуоткрытых губ одно слово: «Благодарю».

В Денвере Сильвер встретил взвод конных волонтеров, отправляющихся на индейскую территорию. Подъехав к начальнику, отрекомендовался ему и прямо спросил:

— Сколько у вас людей?

— Ровно шестьдесят.

— Сможете помочь мне, если я предложу каждому солдату по тысяче долларов, а вам пятьдесят тысяч?..

— Вы говорите серьезно?

— Я — серебряный король...

Джим Сильвер во время этого короткого разговора успел вынуть чековую книжку и написал несколько раз: «Выдать предъявителю тысячу долларов.

Джим Сильвер».

Последний чек несколько отличался от прочих:

«Пятьдесят тысяч долларов предъявителю после экспедиции».

— Какой экспедиции? — спросил начальник.

— Той, в которой вы должны сопровождать меня.

— Ол райт! За вами мы пойдем хоть в пекло.

— Мне нужна лошадь.

Мимо ехал ковбой на чудном жеребце. Сильвер жестом остановил его.

— Сколько стоит лошадь?

— Она не продается.

— Десять тысяч долларов. Можете с этим чеком явиться в банк и получить деньги.

Ковбой не брал.

— Мне надо золото или бумажки, иначе дело не сладится.

Сильвер открыл мешок, быстро вынул пять ассигнаций и передал их ковбою; затем, вскочив на лошадь, подобрал поводья жестом опытного наездника и поехал рядом с командиром.

Волонтеры пришпорили лошадей и, опрокидывая на пути все, что не успевало посторониться, ураганом пронеслись по улицам города. Наконец, выехали на равнину. Начальник отряда и его люди, ничего не понимая, следовали беспрекословно за тем, кто так щедро вознаграждал за услуги, столь плохо оплачиваемые правительством.

Дорогой Джим Сильвер в кратких словах сообщил на-

чальнику, какой помощи ждал от него. Офицер, скакавший во весь опор, ответил только:

— Ол райт! Мы освободим ее.

Джим Сильвер продолжал:

— За скорость я удваиваю обещанную награду.

Солдаты, услышав это, радостно закричали.

— Загоним лошадей, возьмем новых в первом попавшемся ранчо.

Бешеная скачка продолжалась несколько часов. По временам какая-то из лошадей падала, волонтер подсаживался к товарищу, и лошадь того скакала, пока могла, с двойной тяжестью.

В каждом ранчо офицер брал свежих коней, серебряный король платил, и скачка продолжалась.

Одному из ранчменов пришла несчастная мысль отказать. Джим Сильвер, подступив к нему с кошельком в одной руке и револьвером в другой, крикнул:

— Выбирайте!

Ранчмен хотел взяться за оружие, но бывший искатель приключений, теперь миллионер, с быстротой молнии спустил курок и всадил несговорчивому пулю в лоб. Ранчмен упал бездыханный. Волонтеры раздобыли лошадей, и скачка продолжалась.

Наконец, отряд прибыл как раз к тому месту, где заканчивалась отчаянная борьба Бессребренника с золотоискателями.

Волонтеры схватились за винтовки и ринулись вперед, предводительствуемые серебряным королем, имевшим, правда, несколько смешной вид в шелковом картузе и черном сюртуке, покрытом потом и пылью, но одушевлявшим всех своей энергией.

Он первый заметил толпу бешеных золотоискателей, наступавших на Бессребренника и миссис Клавдию. Джим Сильвер слышал торжествующий рев, проклятия, крики боли и содрогнулся, увидав револьвер, приставленный к груди молодой женщины. Она между тем улыбалась, не боясь смерти, являвшейся для нее избавительницей от мучений.

Эта картина была одной из тех, которые на всю жизнь оставляют в человеке неизгладимое впечатление и после многих лет заставляют содрогнуться даже самых мужественных. Сильвер закричал громовым голосом, покрывшим на минуту крики подоспевших на помощь, вопли убийц и топот распаленных лошадей:

— Остановитесь!.. Остановитесь!

Размахивая ружьем, он судорожно вонзил шпоры в бока своей лошади. Та заржала, поднялась на дыбы, взвилась в воздух и, сделав отчаянный прыжок, врезалась в середину свирепой толпы. Двадцать ружейных выстрелов грянуло разом.

Джим Сильвер, услышав тупой звук пуль, пронзивших тело его коня, почувствовал, как раненное насмерть животное задрожало, сам подался вперед, но среди облака порохового дыма, скрывшего яму-траншею, не смог ничего рассмотреть.

Судорога сжала его горло, из глаз хлынула какая-то горячая волна. Он упал вместе с лошадыю, едва проговорив:

— Неужели поздно?

ГЛАВА 18

Синие куртки! — Схватка. — Миллионер и Бессребреник. — Убийство. — Ужасное наказание. — Вильям Соленая Селедка. — Закон Линча. — Повешен за ноги. — Прощание. — Опять один. — Лошадиное жаркое. — Урок содержания салуна.

Ни Бессребреник, ни миссис Клавдия не могли видеть прискакавший отряд, слышать шум голосов и лошадиный топот. В эту роковую минуту они стояли молча, с трудом переводя дух, спеша покончить с ужасной действительностью, грозившей раздавить их. Последний взгляд глаз, последний вздох из побледневших губ.

Бессребреник чувствовал, как усиленно билось сердце женщины под дулом револьвера, и думал с горечью:

«По крайней мере, она не будет больше страдать!»

В ту самую секунду, как его палец нажимал курок, донеслось:

— Синие куртки!.. Спасайся кто может!

Но выстрел был уже неизбежен.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как миссис Клавдия упадет на землю, где судорожно корчились умирающие.

Против всякого ожидания выстрела не последовало. Послышался сухой звук. Это была единственная осечка в продолжение целого дня.

— Спасена!.. Да, спасена! — задыхаясь, повторял в великой радости Бессребреник.

Сломленная волнением, миссис Клавдия не в силах была перенести счастливейшую случайность. Она побледнела как мел и медленно опустилась на землю, проговорив:

— Боже, благодарю Тебя!

Серебряный король видел все. Он с трудом овладел собой и подбежал к молодой женщине, которую поддерживал Бессребреник.

Между тем синие куртки — так прозвали волонтеров за цвет их мундиров — приступили к выполнению своей ужасной задачи.

По команде офицера они резко осадил лошадей и открыли адский огонь. Когда все заряды вышли, начальник скомандовал:

— В галоп!.. Сабли наголо!..

Перекинув ружья за спину и обнажив сабли, синие куртки ринулись вперед с ужасным ревом, заимствованным у индейцев.

Испуганные золотоискатели не пытались защищаться и, несмотря на свое численное превосходство, побросав оружие, обратились в беспорядочное бегство.

Волонтеры рубили и кололи их без пощады; Бессребреник же между тем узнал, наконец, человека, выручившего его и его спутницу.

— А, серебряный король! — сказал он весело. — Примите, ваше величество, мою искреннейшую благодарность за спасение.

— Я вовсе не вас собирался спасать, — отвечал янки самым неприветливым тоном. — Это пришлось уже так... кстати.

— Вы не особенно любезны...

— Мне некогда рассыпаться в любезностях.

— А наше пари?

— Продолжает оставаться в силе.

— В таком случае моя сохраненная жизнь — случайность, которая может унести у вас порядочное число долларов.

— Что же?.. Если проиграю — выпишу чек; если выиграю — увижу, как ваш череп разлетится вдребезги... Хотя, правду сказать, мне несколько надоело выписывать чеки и видеть разбитые головы.

— Позаботьтесь, чтобы ваша была цела! — отвечал Бессребреник, посмеиваясь при виде страстных взглядов, которые серебряный король устремлял на молодую женщину, понемногу приходившую в себя.

— О, как вы остроумны! — сказал Джим Сильвер, хмурясь.

— Кроме остроумия у меня ничего нет; а вам его не добыть за все ваши миллионы...

— Мистер Бессребреник!

— Мистер Сильвер!

Не привыкший сносить дерзости, серебряный король схватился за револьвер.

Бессребреник уже успел зарядить свой.

— Господа!.. Господа!.. — раздался голос, еще слабый и дрожащий.

Миссис Клавдия бросилась между ссорящимися.

— Вы спасли меня, и я никогда не забуду, что обязана вам обоим жизнью и честью.

— Да!.. Да!.. — ворчал серебряный король. — Этот джентльмен чуть не застрелил вас в ту минуту, когда я прискакал с синими куртками...

— Разве можно поставить ему в упрек то, что делалось по моей просьбе?.. Умоляю, милые спасители, помиритесь!

Оба с видимой неохотой протянули друг другу кончики пальцев.

Издали доносились проклятия, жалобы, выстрелы. В воздухе поднимался столб дыма, расстилаясь по всему небу.

Бессребреник выскочил из своей засады и сказал серебряному королю:

— Потрудитесь приподнять миссис Клавдию и помочь ей выбраться.

Молодая женщина в эту минуту смотрела со слезами на глазах на лежащие у ног трупы Пифа, Пафа и бедного Снеговика. Она стала на колени, снова прочла короткую молитву и набожно закрыла глаза всем троим.

— Чего бы я ни дал, чтобы вернуть их к жизни!.. — промолвил серебряный король с необычайной для него сердечностью. — К несчастью, это не в моих силах...

Неловким, но бережным движением он помог миссис Клавдии выбраться из ямы. Бессребренику, наблюдавшему эту сцену, пришло на ум сравнение со слоном, спасающим стрекозу.

Вдали преследование не прекращалось. Золотоискатели, окруженные со всех сторон, уже не могли бежать. Большинство просило пощады. Из сострадания офицер вышел вперед, чтобы предложить условия примирения. Он дорого поплатился за свою доверчивость. Один из старателей пошел ему навстречу.

— Послушайте,— сказал попросту офицер,— для вас самое лучшее — сдаться.

— Да,— отвечал тот,— только прежде я сведу счеты с проклятой синей курткой.

Он выхватил из кармана револьвер и в упор выстрелил в офицера. Тот упал навзничь, пораженный в самое сердце. Тогда разбойник, думая воспользоваться замешательством, отскочил назад, вопя:

— Смелей, братцы! Вперед!.. Не сдавайтесь!.. Вас повесят!

Волонтеры, как люди привычные ко всяким случайностям, быстро овладели собой и, кипя яростью, бросились на неприятеля.

Миссис Клавдия, хотевшая было вмешаться и попросить пощады для виновных, остановилась в ужасе: всадник с саблей наголо преследовал последнего из бегущих, намереваясь заколоть его.

— Это убийца, возьми его живьем,— крикнул кто-то из солдат.

Волонтер схватил лассо, раскрутил в воздухе и ловко накинул петлю на шею негодяю. Тот свалился. Не сходя с лошади, солдат сделал пол-оборота и поволок за собой по земле разбойника, у которого пена выступила из рта.

— Закон Линча!.. Закон Линча! — кричали окружившие убийцу волонтеры.

Подождевший Бессребреник, увидав лежащего на земле, вскричал:

— Да это Вильям Соленая Селедка!

Между тем серебряный король, не смущаясь зловещей торжественностью минуты, прикидывал про себя: «Думаю, офицер не был женат; он умер, и, значит, чек аннулируется. Стало быть, выстрел разбойника принес мне сто тысяч долларов... Ол райт!.. Дело прежде всего».

Суд Линча вынес свой приговор: убийца должен быть повешен за ноги. На исполнение приговора потребовалось немного времени. Осужденный, раскачиваясь на веревке, отчаянно кричал, просил о пощаде, плакал, наконец, стал умолять, чтобы его убили. Несколько синих курток, более жалостливых, прицелились:

— Пли!

Повешенный, дернувшись, затих.

Волонтеры, не обращая дальнейшего внимания на труп, одежда на котором тлела от выстрелов, приблизились

к джентльменам и миссис Клавдии. Та горячо просила своих избавителей поскорее уехать отсюда.

— Ваше желание для меня — приказ, — отвечал ей Джим Сильвер. Затем, обращаясь к Бессребреннику, он спросил любезно: — А вы едете с нами?

— Нет, благодарю, — отвечал джентльмен, — мой карман и, главное, условие нашего пари не позволяют путешествовать иначе, как на собственные средства.

— Но ввиду исключительных обстоятельств и услуг, оказанных миссис Остин, вы могли бы... потребовать в награду... лошадь, пищу, оружие, деньги, наконец... За каждый труд полагается плата.

При этом предложении, выраженном так оскорбительно, в глазах Бессребренника вспыхнул недобрый огонь.

— Высшей наградой для меня будет разрешение миссис Клавдии поцеловать ей руку.

Тонкая, слегка дрожащая рука молодой женщины медленно протянулась к нему.

С неудержимостью и изяществом он нагнулся и поцеловал ее.

— А теперь, — сказал джентльмен, — прощайте...

— Вы покидаете нас?.. Это... это невозможно! — Глаза миссис Клавдии опять наполнились отчаянием.

— Мне надо исполнить долг: позаботиться о погребении этого храброго офицера и молодцов, отдавших жизнь за нас... А затем — снова начну скитания по белу свету... До свидания, мистер Сильвер.

— До свидания, мистер Бессребренник.

Бессребренник нарочно простился так внезапно с миссис Остин — желал избежать объяснений, выражений благодарности, нежной сцены. Он чувствовал, что постоянное общество прекрасной молодой женщины становится для него опасным, вовлекая на путь приятной, но пагубной сентиментальности.

Зная, что существование вдвоем для него невозможно, он решил сразу положить всему конец. Нельзя сказать, чтобы при этом сердце его болезненно не сжалось, но, выдерживая характер, джентльмен даже не справился о дальнейших планах миссис Клавдии. Впрочем, они казались ему достаточно ясными. Внезапное вмешательство в события серебряного короля, страстные взгляды, которые он бросал на молодую женщину, красноречиво свидетельствовали о душевном состоянии и намерениях миллионера.

Бессребренник подумал: «Пусть... пусть женится на

ней!.. Пусть она делается серебряной королевой!.. А мой удел — дорога без конца... Иди вперед, Бессребреник!»

Не обращая внимания на золотоискателей, он вырыл глубокую яму и закопал в ней офицера, Пифа, Пафа и Снеговика.

Начинало смеркаться. Так как у джентльмена не было ни гроша в кармане, а голод все сильнее напоминал о себе, он отрезал кусок мяса от убитой лошади Сильвера и, разведя костер, принялся готовить. Потом, поев с аппетитом и выпив свежей воды, завернулся в одеяло и уснул, как человек, которому неведомы тревоги и опасности. Старатели, пораженные подобным хладнокровием и, кроме того, напуганные синими куртками, не трогали его. Он проснулся на заре следующего дня и, положив в дорожную сумку остатки ужина, отправился в дальнейший путь.

Целых пять дней шел Бессребреник, направляясь к станции железной дороги, не встречая никого, ночуя под открытым небом, питаясь чем попало.

Наконец, изнемогающий, он добрал до одного из тех деревянных барачков, которые американцы громко называют вокзалами. Однако теперь, когда Бессребреник очутился в местах, где цивилизация олицетворяется в полустанке, угольном складе, водокачке, отеле, сколоченном из досок, и из досок сколоченном салуне,— положение его, не имевшего, как всегда, ни гроша, стало еще затруднительней.

Прежде всего надо было добыть чего-нибудь поесть. Бессребреник направился в салун с видом покупателя, у которого кошелек набит золотом. Хозяин попался на удочку и с непривычной для янки предупредительностью, хотя и не трогаясь с места, осведомился:

— Эй, что надо?

Бессребреник отвечал просто:

— Не требуется ли вам повар, слуга или мойщик посуды?

Содержатель салуна даже привскочил и закричал:

— Мошенник!.. Сукин сын!.. А я-то принял его за честного человека...

— Что же бесчестного в том, что я хочу заработать на пропитание?

— Стало быть, ты, любезный, и повар, и слуга, и мойщик посуды? Так вот что я тебе скажу. Едят здесь только консервы, стало быть, повар не нужен, прислуживаю посетителям я сам, а посуду облизывают, то есть моют, бродячие собаки...

При этих словах, сопровождаемых непристойными жестами, Бессребреник тоже захохотал и подошел к хозяину поближе, будто находя чрезвычайно забавной его шутку; но затем, вдруг изменив голос, прошептал так, что на стойке зазвенели стаканы:

— Защищайся, поросенок!

Янки был на голову выше джентльмена и сложения атлетического. Он стал в боксерскую позицию и проворчал:

— До прихода поезда еще десять минут. Жаль, что машинист и кочегар, мои кумовья, не увидят потехи! Вот бы позабавились!

Сильная пощечина не дала ему договорить. Он только крикнул:

— Ой!

За первой последовала вторая. Атлет пробовал обороняться, но не попадал в своего противника; тот же продолжал щедро потчевать янки оплеухами.

Как раз в эту минуту подошел поезд, раздались свистки и звонки.

— Я мог бы убить тебя,— заговорил Бессребреник,— но ограничусь этим уроком: другой раз не станешь оскорблять небогатых путешественников.

Развернувшись, он поймал взглядом огромный окорок, подвешенный под потолком; без церемонии снял его, взял под мышку и преспокойно вышел. Хозяин, протестуя, бросился вдогонку, получив в итоге совсем не то, что намеревался — Бессребреник со всей силы ударил его окороком по голове и, гордый своей победой, направился к остановившемуся поезду.

ГЛАВА 19

Поезд трогается.— В багажном вагоне.— Опять окорок.— Мучительная жажда.— Открытие.— Среди мешков.— Бессребреник намеревается притвориться мертвым.

Не расставаясь со своим окороком, Бессребреник проскользнул под вагоны и исчез, как сквозь землю провалился. Кондуктор, заметивший было безбилетного пассажира, недоумевал:

— Куда это он подевался?

Зазвонил колокол, засвистел свисток; локомотив, за-

пасшись водой и углем, тронулся. Кондуктор, прыгнув на подножку, рассуждал: «Вероятно, мошенник спрятался где-нибудь в поезде». Бессребреник же, сидя верхом на буфере и плотно прислонившись к стенке вагона, крепко прижимал к груди свою ветчину. Не желая вечно пребывать в дискомфорте, он подождал, пока ночь совершенно опустится на землю, и тогда принялся за выполнение смелого и трудного маневра.

С бесконечными предосторожностями, с неподражаемой ловкостью он стал перебираться на подножку. Но окорок ужасно затруднял его, а расставаться с добычей не хотелось. Наконец, он придумал взять в зубы веревку, за которую ветчина была подвешена к потолку, и, как собака с добычей, на четвереньках стал пробираться мимо пассажирских вагонов — ярко освещенных роскошных купе — к последнему вагону в поезде — товарному, тяжелому, запертому со всех сторон.

Здесь царствовала полная темнота. Бессребреник таращил глаза, что-то ощупывал и, наконец, нашел задвижную дверь. Продолжая держать ветчину в зубах, одной рукой схватившись за скобку, другой он пытался просунуть в желоб лезвие охотничьего ножа.

С превеликим трудом ему удалось отодвинуть дверь и проскользнуть в вагон, наполненный почти доверху длинными толстыми мешками. Бессребреник, обессиленный, вытянулся на них и уснул под шум поезда, мчавшегося в Сан-Франциско. Проспал он пятнадцать часов и пробудился только к утру от страшного голода.

Солнечные лучи, пробиваясь через щели, освещали внутренность вагона. Джентльмен вынул нож, отрезал большой ломоть ветчины и принялся уплетать его с аппетитом. Но окорок оказался сильно просоленным, и скоро Бессребренику страшно захотелось пить. А через час стало совсем невмоготу — он с удовольствием отдал бы бутылку собственной крови за бутылку воды. Чтобы не мучиться, джентльмен попытался снова заснуть, но и во сне его томила жажда: ему снились светлые хрустальные ручки, журчащие источники, запотевшие графины, наполненные божественной влагой, и даже замороженная вода — лед. Эти видения, быстро сменяясь, превращались в настоящую пытку. Джентльмен метался как в бреду, а когда открыл глаза, заметил, что толщина мешков, на которых он спал, значительно уменьшилась. Он подумал, что, вероятно, как-нибудь во сне порвал полотно, но так как наступила ночь,

нельзя было убедиться в справедливости предположения. Впрочем, это и не представляло для джентльмена особенного интереса. Теперь для него было важно только одно: выбраться из вагона при первой остановке и напиться... напиться... напиться.

Ему пришлось прождать еще долго. Наконец, поезд затормозил у одной из пустынных станций. Воспользовавшись темнотой, он вышел и перебрался на другую сторону пути к водокачке. Из кожаной кишки, надетой на кран, лилась тонкая струя. Бессребреник жадно прильнул к отверстию губами, а когда напился, подумал: «Хорошо бы хоть кружечку захватить с собой!»

Под ногами у него валялась пустая жестяная банка из-под консервов. Он поднял ее, выполоскал, наполнил водой и бережно унес с собой, как сокровище.

— Теперь я благополучно доеду до Сан-Франциско, — рассуждал он. — А там легко найду способ перебраться через океан в Китай и Японию и вернуться, не истратив ни цента, — совершенно по условиям пари.

Ни на минуту не зародилось в нем сомнения в успехе опасного путешествия.

Поезд продолжал движение: джентльмен еще раз закусил ветчиной и запил ее захваченной с собой водой. Вдруг около двери вагона раздались голоса:

— Нет, это уж слишком!.. Какова наглость! — говорил один голос.

— О, эти канальи бродяги на все способны.

— Ну, посмотрим!

Дверь отодвинулась, и первый голос произнес:

— Эй, молодец, нечего тебе больше прятаться!

Бессребреник понял, что накрыт, но не спешил выходить из своего убежища. Он притих.

Вдруг голос, звучавший до сих пор весело, стал жестким, и к нему присоединился характерный звук взводимого курка.

— Ты прячешься, как крыса в норе... Потешимся же мы!..

В ту же минуту раздался выстрел. Пуля попала в грудь мешков, Бессребреник распрямился во весь рост и крикнул:

— Не стреляйте! Я сдаюсь.

Он вышел из своего убежища, подняв целое облако белой густой пыли, и страшно расчихался.

Кондуктора встретили его появление безумным хохотом.

Бессребреник, хотя сам был веселого нрава, не любил, чтобы над ним смеялись.

— Чхи!.. чхи!.. чхи!

Хохот удвоился, сопровождаемый тяжеловесными шутками янки.

Бессребреник, не различая ничего среди белого марева, почувствовал только, что пыль забивает нос и рот.

— Чхи!.. чхи!.. чхи!

Наконец, ему удалось добраться до двери вагона, где стояли оба кондуктора. На свежем воздухе Бессребреник прервал свое чихание и сам расхохотался до упаду.

Словно мельник, только вышедший с мельницы, он был с головы до ног запорошен чем-то белым, напудрившим его волосы, насевшим на ресницы, на бороду, покрывшим все платье.

Скоро все объяснилось. Желая проехать даром, Бессребреник забрался в вагон с мукой. Один из мешков прорвался, и джентльмен, ничего не видя, всю ночь спал на его содержимом. Когда, умирая от жажды, он отправился за водой, то, сходя, оставил на подножке белые следы, бросившиеся в глаза кондуктору.

Тот сразу понял, что имеет дело с одним из тех путешественников, которые любят даровые услуги железных дорог. Подобных пассажиров в Америке преследуют без пощады, обвиняя их в сообщничестве с шайками разбойников, нападающих порой на поезда с целью грабежа пассажиров и кражи перевозимых товаров.

Как бы то ни было, только благодаря смешному белому костюму Бессребреника не пристрелили на месте. Но на ближайшей станции ему пришлось сойти.

К изумлению расходившихся пассажиров, джентльмен появился из вагона, распространяя при каждом движении тучи белой пыли, от которой напрасно старались сберечь свои платья другие джентльмены и леди.

И снова Бессребреник очутился на мостовой без гроша в кармане, в малолюдных местах, где нельзя рассчитывать найти заработок.

Поезд отошел от станции, и она совершенно опустела. Бессребреник отряхнул покрывавшую его пыль, вымылся и, приняв приличный вид, стал ходить по платформе с окороком под мышкой, раздумывая, что бы ему предпринять.

Скоро он заметил на противоположном — товарном — конце платформы сколоченное из досок строение, в которое по временам как тени входили молчаливые личности. Подой-

дя ближе, он увидел, что это чистенькие китайцы, одетые в национальные костюмы, в остроконечных шляпах, с длинными косами, висевшими шнурком до самых пяток.

— Что делают здесь эти сыны Небесной империи? — спросил себя Бессребреник.

Он подошел к сараю с другой стороны и прильнул глазом к одной из щелей: представилось поистине необыкновенное зрелище. Он проговорил:

— Теперь я уверен в успехе... Я буду в Сан-Франциско... в Китае... Мне стоит только притвориться мертвым.

ГЛАВА 20

Китайцы-переселенцы. — Их занятия. — Надежда на возвращение живыми или мертвыми. — Суда, перевозящие гробы. — Бессребреник занимает место мертвого китайца. — На «Бетси». — В трюме. — Страх. — Мучения. — Агония.

Китай, несмотря на обширность территории, не в состоянии прокормить собственное население — до того оно велико. Много народа просто умирает с голода. Подгоняемые лишениями, китайцы часто покидают родину и едут на Филиппины, на Яву, на Суматру, в Австралию, в Индию, Южную Америку... Но излюбленным местом их поселения остается Северная Америка, где, несмотря на противодействие властей, они все-таки находят выгодные занятия.

Китаец служит всегда за небольшое жалованье и исполняет свои обязанности добросовестно. Уезжая из отечества, он увозит с собой надежду на непременно возвращение. Если он умирает на чужбине — домой привозится его тело.

Бессребреник знал все эти подробности, и, когда увидал в сарае по крайней мере сотню больших гробов, расставленных правильными рядами и странно изукрашенных резьбой и рисунками, его осенило. На середине каждого ящика была китайская надпись, вероятно, имя покойника и место назначения гроба. Тут-то Бессребреник подумал: «Мне стоит только притвориться мертвым...»

Дождавшись ночи, он смело вошел в сарай и подошел к гробу, крышка которого была не забита, а завинчена винтами. Джентльмен принялся их отвинчивать. Приподняв крышку, он увидал труп человека средних лет, завернутый в длинные полотняные полосы.

Бессребреник осторожно вынул покойника и принялся отвинчивать стенку в ногах гроба. Затем он положил крышку на место и закрепил ее — через оставшееся отверстие можно было влезть внутрь ящика.

Оставалось одно: пристроить куда-нибудь мертвого китайца, место которого Бессребреник намеревался занять. Джентльмен вернулся к труп, положенному у прохода, и, взяв его на руки, понес к одному из домиков для служащих. Хозяина по счастливой случайности не оказалось на месте. Бессребреник ошупал в темноте мебель и узнал постель. Не колеблясь ни минуты, он быстро сунул покойника под одеяло, закрыл его с головой и пустился со всех ног прочь. Затем, вернувшись в сарай, dokonчил свое опасное предприятие: вполз ногами вперед через открытый конец в гроб и, улегшись, притянул к себе доску. Приладить ее на место оказалось делом не легким, но джентльмен справился и с этим, а кроме того, с помощью ножа образовал щели, через которые воздух мог поступать внутрь гроба.

Не прошло и часу, как послышался шум приближавшегося поезда.

— Ол райт! Сейчас поедет!.. Кажется, не останется ни одного способа передвижения, которого бы я не испытал,— сказал Бессребреник с невольной улыбкой.

Поезд прибыл; послышался стук открываемых и запираемых дверей. В сарай вошли несколько кондукторов и пинками разбудили спавших китайцев. Те повскакивали с циновок и, испуганные, как гуси, стали сзывать своих соотечественников, сбежавшихся отовсюду.

Началась погрузка. Джентльмен почувствовал, что его ящик поставили среди многих других, и, не спрашивая себя, чем может окончиться это страшное приключение, заснул крепким сном.

Гроб, избранный им, был, как мы помним, обширных размеров, так что джентльмен мог свободно вытягиваться и поворачиваться. Когда он проснулся, задыхаясь от недостатка воздуха, поезд стоял. Только Бессребреник собрался выглянуть из своего ящика, где пролежал сорок часов, как до него донеслись голоса:

— Эй, вы! Скорей!.. Поворачивайтесь! Мы уходим в два часа.

— Да, да,— умоляли в ответ по-английски, но с несомненным китайским акцентом.— Дайте время.

— Опаздывать, что ли, из-за вас на «Бетси»?

— Мы хорошо платим... Агент будет жаловаться...

— Знаю я вас, желтокожих поганцев! Поворачивайтесь!.. Живо!..

— Да, да... мистер капитан.

Из разговора Бессребреник понял, что поезд прибыл в Сан-Франциско. И там вынесли гробы. По-видимому, с китайцем разговаривал капитан судна «Бетси», готового к отплытию. «Отлично,— думал джентльмен,— отправлюсь в Китай и даром переплыву океан. Хорошо, что на кости есть еще кусочек ветчины... поскорее бы только «Бетси» снималась с якоря; тогда я выйду из этого ужасного ящика и поищу, чего бы выпить: проклятая жажда опять замучила до смерти!»

Через несколько минут его гроб подняли, затем он ощутил, что висит в воздухе. Визг блока, и ящик начал опускаться как будто в пропасть — Бессребреник оказался в трюме.

Погрузка продолжалась около двух часов; затем раздался шум захопываемых люков, ляг цепей и пыхтенье пара. И вот корпус судна содрогнулся, началась вибрация.

«Винт заработал,— решил джентльмен.— Плыдем!.. Счастливого пути!»

Джентльмен терпеливо ждал, пока «Бетси» окажется в открытом море, и только потом выполз из гроба. От долгого лежания его совсем свело, он не мог держаться на ногах и должен был применить множество массажных и гимнастических упражнений, чтобы прийти в себя.

Уже несколько дней Бессребреника мучила страшная жажда. Благоразумие подсказывало, что еще сутки как минимум не следует покидать этой части судна, но пить хотелось неимоверно, и он решил явиться к капитану.

Ощупью стал искать выхода, но напрасно: в совершенной темноте джентльмен ударялся головой, плечами, ногами о гробы и выдающиеся ребра корабельного остова. Проходили часы; к мучениям жажды присоединились мучения голода,— на ветчинной кости не осталось даже сухожилий. Он снова и снова предпринимал попытки отыскать выход. Наконец, под руку попало что-то — дверь, служившая, вероятно, сообщением между двумя отделениями трюма. Попытался отворить ее — она была заперта засовом снаружи.

— Откроем в другом месте,— старался ободрить себя Бессребреник, ища на этот раз люк, через который спускали гробы. Он нашел его и, взобравшись на груды ящиков,

стал из всех сил приподнимать дверку. Тщетно! Еще раз, еще — бесполезно! Он устал, безумно устал от голода, жажды, гнетущей темени, но главное, от чувства заживо погребенного.

— Не околевать же мне здесь, как последней твари! — простонал джентльмен и принялся что было мочи барабанить по люку ногами и руками. Но стук его, сливаясь с общим шумом в нижних ярусах парохода, не был слышен. Тогда он разломал свой гроб и начал ударять досками по железной обшивке стен. Никто не откликался!.. Бессребреник окончательно выбился из сил. Не знавший прежде отчаяния, он почувствовал всю его тяжесть. Разум его начал меркнуть, а разгоряченное, саднящее от ушибов и ран тело словно окуталось ледяным плащом. В темноте трюма засверкали призрачные золотые искры — предвестники безумия. Джентльмен употребил все усилия, чтобы не поддаться слабости, и все-таки впал в полузабытье.

«Теперь, кажется, конец тебе, Бессребреник... — бредил он. — Ты взял на себя слишком много!.. И к чему?.. Скоро станешь трупом, до которого никому не будет дела... У тебя нет друзей... Кто о тебе пожалеет?.. Никто!» В памяти пронеслось мимолетное видение: клочок голубого неба... деревья... птицы... цветы... бабочки... А над всем этим — прекрасный женский лик, смотревший на него с глубокой грустью. Он прошептал: «Клавдия!» — вздохнул и без движения упал между двумя гробами.

ГЛАВА 21

Благодетельное кровопускание. — Крыса. — Кончик уха. — Заживо съеденный. — Пожар. — Открытие. — Сострадание и жестокость. — Затруднительное положение. — Человек в море. — Бессребреник и юнга. — На обломке мачты. — Брошенные среди океана.

Он пришел в себя при обстоятельствах столь же необыкновенных, как и все его существование со времени заключения пари. Очнуться заставила острая боль в ухе, которая все усиливалась. Теплая струйка крови текла из раны на грудь умирающего. Машинально он поднес руку к голове, и пальцы ощутили мохнатое тело и холодные лапы с когтями.

— Крыса!

Бессребреник схватил ее и крепко сжал. Гадина запища-

ла и стала царапаться; джентльмен стиснул ее еще крепче и вмиг задушил. У несчастного мелькнула чудовищная мысль: «Я выпью ее кровь, я съем ее». Он впился зубами в горло животного и, сорвав шкуру ногтями, сжевал и проглотил крысиное мясо. Этот мерзкий обед возвратил ему силы. А вместе с силой вернулась и надежда.

Каким угодно способом нужно было обратить на себя внимание экипажа. Джентльмен принялся собирать обломки ящика, ощупью отыскал циновку, лежавшую внутри гроба, и, собрав все в кучу, высек огонь огнивом. Циновка, сплетенная из очень тонкого и сухого тростника, легко загорелась, мало-помалу наполнив дымом весь трюм. Дым начал пробиваться через щели обшивки и перегородок. На это именно и рассчитывал Бессребреник.

Пожар на корабле — ужасная вещь; поэтому при появлении малейшего запаха гари начинается аврал: каждый бежит на свой пост, готовятся пожарные рукава, производится самый тщательный — с палубы до трюма — осмотр судна.

Конечно, разводя огонь, Бессребреник заботился о том, чтобы самому в нем не изжариться. Тем не менее высокий столб пламени, крутясь, стал разрастаться в ширину, перекидываться на гробы, сделанные из очень сухого смолистого дерева. Яркий свет озарил все углы трюма. Пожар набирал силу, когда послышались испуганные голоса:

— Сюда!.. Сюда!.. Горит в трюме у китайцев!

В ту же минуту верхний люк открылся и из двух пожарных рукавов, направленных сверху, хлынул поток воды...

Опасность миновала. Минут через пять капитан «Бетси» с несколькими людьми, несшими большой фонарь, спустился в трюм, чтобы лично выяснить причину неприятного происшествия. Ему навстречу смело вышел Бессребреник.

— Человек?! Живой среди мертвых?! Что вы здесь делаете?! — потеряв свою обычную флегматичность, гаркнул капитан.

— Прохожу мили и стараюсь выиграть пари, — серьезно отвечал джентльмен, не пряча взгляда.

Лицо командира «Бетси», несмотря на темный загар, в секунду стало ярко-пунцовым, левый глаз задержался в тике:

— Вздумал насмехаться, паршивец?! А ну взять его!

— Я не собираюсь сопротивляться, тем более что не знаю за собой особенной вины.

— А пожар? А билет? Сколько ты заплатил за билет? — Белый китель на негодующем капитане словно раздувался мехами.

Матросы потащили Бессребренника по лестнице.

Убедившись, что повреждений в трюме практически нет, но не остыв от гнева, капитан скоро поднялся наверх. Теперь он мог лучше рассмотреть своего нового пассажира. Джентльмен имел самый плачевный вид: глаза после долгого пребывания в темноте моргали от света, свежий воздух действовал слишком сильно, исхудалый, посиневший, со свалывшимися волосами, покрытый потом, пылью и кровью, он походил на жалкого бродягу.

Глядя исподлобья, капитан заговорил с ним еще грубее прежнего:

— Всякий, кто не записан в судовую книгу, обязан оставить пароход!

— Но это не так легко сделать, мы — в море, — возразил Бессребренник.

— Напротив, нет ничего легче; стоит только выбраться за борт. По доброй воле или с помощью моих ребят.

— Вы сделаетесь убийцей!

— Я хозяин на пароходе... Эй, Том, Патрик, Боб, Вилли! Возьмите-ка этого красная и выкупайте...

— Матросы! — обратился к ним Бессребренник. — Неужели вы решитесь на преступление?.. Знаете, кто я?.. Перед вами тот, кто под именем Бессребренника держит пари с серебряным королем Джимом Сильвером.

— А! — понимающе воскликнули матросы.

Капитан же пожал плечами, ворча:

— Какое мне дело до вашего пари?.. Я не любитель всяких сумасбродств... За борт его!..

Между тем матросы колебались.

— Не осмеливаясь послушаться, капитан, — заговорил один из них, поднося руку к козырьку, — прошу вас как-нибудь уладить это дело.

— Есть лишь один способ уладить его: заплатить за проезд и пищу безбилетника.

Моряк, сняв шерстяную фуражку, пустил ее по кругу:

— Сбросимся, братцы! Кто что может.

Бедняки почти всегда оказываются людьми великодушными. Матросы «Бетси» опустили руки в карманы и, вытащив самодельные кошельки, собирались высыпать их содержимое в шапку, когда Бессребренник удержал их жестом.

— Нет, добрые люди... Я не могу принять ваши деньги...

— Но почему?.. Почему же?.. — зашумели, протестуя, славные малые.

— Запрещают условия пари. Но все же от глубины души благодарю вас.

— Да бросьте, откажитесь от пари,— предложил один из матросов.— Что значит оно по сравнению с жизнью!

— Проиграть пари для меня равносильно смерти,— объяснил джентльмен.

— Значит, нет средства спасти вас?

Капитан злорадно улыбался, как бы заранее наслаждаясь предстоящим зрелищем гибели Бессребреника. А тот отвечал:

— Единственное средство просить капитана дать мне работу.

Капитан перебил его:

— Нет!.. Довольно!..

Неожиданно на другом конце корабля послышался детский крик и сильный всплеск от удара о воду. Началась всеобщая суматоха:

— Человек за бортом!

Без промедления застопорили машины. За борт полетели птичья клетка, множество жердей, за которые должен был ухватиться ребенок. Но расстояние между ним и «Бетси» быстро увеличивалось. Известно, что тяжелый пароход, да еще идущий на всех парах, не может остановиться сразу. По инерции он долго движется вперед.

— Бедный мальчик, я его спасу! — закричал чей-то голос. И через пару секунд прыгнувший за корму уже рассекал воду мощными гребками отличного пловца.

— Это джентльмен! — воскликнул матрос, в котором Бессребреник нашел себе неожиданную опору.— Смотрите как плывет!

Бессребреник то появлялся на вершине морского вала, то исчезал в бездне, отыскивая ребенка. Задача была нелегкая: волны то и дело становились между ними, скрывая друг от друга. Время от времени Бессребреник громко и протяжно кричал, затем замолкал, надеясь услышать среди шума стихии ответ ребенка. Так тянулось несколько долгих минут, пока до него не донесся слабый, как писк птички, детский стон. Джентльмен снова крикнул. Тот же звук послышался вновь — слабее, но, к счастью, ближе. Пловец-взрослый в эту минуту находился на гребне волны. Глаз его различил маленького юнгу, выбившегося из сил и в отчаянии протягивавшего к нему руки. Волна, обрушиваясь под джентльменом, приблизила его к мальчику. Он схватил его и радостно сказал:

— Что это тебе вздумалось напиться соленой воды?

Мальчуган, плача, прижался к его груди. Вблизи плыл

большой обломок доски. Джентльмен посадил на него верхом юнгу и прибавил:

— Вот так, отлично!.. Теперь отдохни!.. А я подожду.

Качаясь на волнах, Бессребреник долго ждал приближающейся лодки, призывных ободрительных возгласов матросов на веслах.

Но ничего не было видно, ничего не было слышно!

Он все больше беспокоился за ребенка, который между тем, сидя на доске, успел несколько оправиться и успокоиться.

Подброшенный высокой волной, джентльмен различал над линией горизонта полосу густого черного дыма. Виднелись только мачты уходящего корабля. Сомнения не было: негодяй-капитан, недостойный имени моряка, бросил среди океана двух беспомощных бедняков!

У мальчика зубы стучали от холода; вода стекала с него ручьями, он смотрел на Бессребреника умоляющим, полным отчаяния взглядом. Весь ужас, все страдания мира были в этом взгляде ребенка.

— Не видать помощи? — то и дело спрашивал он голосом, который прерывали налетающие волны. — У меня больше нет сил держаться... Мне страшно... Спасите меня!

— Не бойся, бедняжка... Я с тобой!

ГЛАВА 22

Варварский поступок. — Покинутые на произвол судьбы. — Маленький юнга. — Бедствие. — Кому на роду написано несчастье. — Бессребреника, оказывается, зовут Жоржем. — Борьба с волнами. — Бред. — Агония. — Последние муки. — Это ли конец? — Среди океана. — Атолл. — Коралловый риф. — Обломок. — Двое бедствующих. — Умер! — Отчаяние. — Бессребреник плачет.

А на пароходе после попытки Бессребреника спасти упавшего в море произошло вот что.

Сперва капитан скомандовал: «Стоп машина!» Но потом, увидев бросившего в воду Бессребреника, передумал.

— Этот нищий перебаламутит мне весь корабль. Сейчас он в воде. Ну и пускай в ней остается. Чудесный исход!

Смутное чувство жалости к погибающему мальчику на миг шевельнулось в его сердце и исчезло.

— Если он еще не умер, то скоро умрет. Вопрос нескольких минут...

Из рупора донеслось:

— Полный вперед!

Матросы зароптали.

Капитан повернулся, держа в руке револьвер, и, щелкнув курком, проговорил резко:

— Кто хоть одно слово пикнет — убью! Вы знаете, я слов на ветер не бросаю. Все по местам! Живо!

Просить, умолять было бесполезно. Прибегнуть к силе — у капитана было слишком много сторонников.

Винт бешено завертелся. Пароход помчался вперед, неся по водам свой странный и страшный груз.

...Юнга очнулся и сразу же узнал человека, столь необычным образом появившегося у них на борту.

Ободренный светлым и ласковым взглядом Бессребренника, мальчишка прерывистым голосом рассказал ему свою печальную историю.

Юнге было двенадцать. Пять лет назад его отец, матрос из Чарльзтоуна, погиб во время кораблекрушения. Мать осталась вдовой с пятью детьми. Жили они в нищенском логове. Пока бедная женщина выбивалась из сил где-нибудь на тяжелой работе, он нянчил младших братьев и сестер, потом бегал с поручениями, по вечерам у театра чистил публике обувь, торговал газетами, словом, брался за все, лишь бы чуть-чуть заработать.

Надломленная каторжной работой и безысходной нуждой, мать заболела тифозной горячкой. Ее отвезли в больницу. Несчастная металась в бреду и никого не узнавала. Она умерла, не приходя в сознание, не простившись с детьми.

Еще непригляднее, чем всегда, показалось осиротелому мальчику его нищенское жилище, он долго и горько плакал; младшие дети тоже плакали и просили поесть. Есть было нечего. Он пошел просить милостыню. Принес несколько медяшек. Купили хлеба, поели, на этот раз отсрочив голодный обморок.

За комнату платили по неделям. Когда наступил срок, детей выгнали на улицу. И они пошли, все пятеро, куда глаза глядят.

Полиция в Соединенных Штатах, как и везде, не любит нищих. Детишек, разумеется, арестовали, как будто голодному попросить милостыню у сытых — преступление.

Когда полисмен вел по улице несчастных малышей, пла-

кавших о матери и просивших поест, с ними встретился грубоватый, но добродушный человек с волосатыми руками, кирпичным цветом лица и козлиной бородой. Он спросил у полисмена, чем провинились эти ребята.

— Нищенствуют, голодные.

— Старший может уже работать,— вскричал незнакомец.— Я капитан купеческого корабля. Хочешь в моряки поступить, малыш?

В моряки!.. Отчего же нет?

— Хочу, сэр,— с решимостью ответил ребенок.

Он вытер слезы, простился с младшими и пошел с капитаном. Спустя три часа его записали юнгой на шедший в Ливерпуль небольшой клипер, груженный хлопком. А через два года его покровитель умер в Новом Орлеане от желтой лихорадки. Бедный мальчуган опять остался на мостовой. Рок продолжал преследовать его.

На свою беду, он встретился с капитаном «Бетси» и поступил к нему на корабль за баснословно низкую плату.

Этот рассказ потряс Бессребренника до глубины души.

— Ну, моряк, не падай духом,— сияясь улыбнуться, вымолвил джентльмен.

Ребенок зарыдал, когда увидел, что ему искренно сочувствуют.

— О, сударь, вы очень добры, но только я чувствую, мне конец. Силы уходят. Я весь застываю. Я скоро умру.

— Нет же, нет, зачем так говорить! Море велико, мы встретим островок, клочок земли...

Верил ли он сам тому, что говорил?..

Мальчик с каждой минутой терял силы.

Стоны его становились все слабее. Он едва держался за обломок, весь дрожал и выбивал зубами дробь.

Бессребреник снял с себя пояс и привязал мальчика к деревянной доске, так что тот мог разжать руки и свободно передохнуть. Закоченевшей пятерней мальчонка отыскал ладонь Бессребренника и судорожно ее пожал. От этого ледяного пожатия Бессребренику захотелось выть, плакать, ругаться, сотрясти весь белый свет...

Наступила ночь. Сразу, без сумерек. Ужасная ночь в фосфорическом блеске волн черного океана. Всяким силам человеческого есть предел, и Бессребреник чувствовал, что этот предел будет скоро перейден. Он очень боялся за юнгу, время от времени заговаривал с ним, старался ободрить.

Мальчик сказал ему свое имя: Жорж.

— Меня тоже зовут Жоржем! — воскликнул Бессребреник. — Как себя чувствуешь, тезка?

Юнга отвечал слабым голосом, дребезжащим, точно подмокшая скрипичная струна:

— Держусь пока, чтобы сделать вам удовольствие. Вы очень добры!

— Мы будем жить, вот увидишь!

— Я не боюсь умереть. Такому горемыке, как я, смерть не страшна.

Сердце джентльмена опять пронзилось острой болью.

Прошло еще несколько часов среди уныло-однообразного плеска мрачных волн. Насквозь прозябший, Бессребреник стучал зубами, часто вместе с воздухом в рот ему попадала горько-соленая вода, вызывая болезненный кашель. От голода, жажды и усталости начался бред. Но лишь только сознание возвращалось, он вспоминал об умирающем мальчике и звал его:

— Жорж!.. Жорж!.. Откликнись!

Потом бред опять наваливался и ему мерещились города, сверкающие электричеством, праздничные шумные толпы, залы с разряженной публикой, снующие повсюду пароходы с дымящимися трубами, мчащиеся курьерские поезда, потом кровавые схватки... слышались выстрелы, крики, проклятия, безумный галоп коней... А посреди всей этой сумятицы — как было уже не раз — возникало лицо белокурой женщины с сапфировыми глазами... И с губ, изъеденных морской солью, срывалось заветное:

— Клавдия!

Долго продолжалась эта мука. Холод заледенил все его тело, сердце билось совсем слабо, он едва различал звезды, медленно опускавшиеся к горизонту. Бессребреник сделал усилие, чтобы крикнуть. Но находясь во власти кошмара, не издал ни малейшего звука. Затем, собрав всю свою волю, сделал новую попытку. Крик вылетел, но какой-то жалкий, похожий на рыдание.

В ответ раздался слабый-слабый хрип.

— Боже мой! Мальчик умирает! Умирает!.. — Бессребреник судорожно ухватился за доску и лишился сознания.

В стороне от обычного курса кораблей, среди Тихого океана затерялся этот небольшой коралловый островок, окруженный рифами. Таких атоллов много в Тихом океане. Их соорудила многовековая работа миллиардов маленьких существ — коралловых полипов. Атоллы, как правило,

имеют форму не вполне сомкнутого кольца. Кругом бушуют свирепые волны, а внутри кольца тихое, спокойное озеро.

Островок, о котором мы говорим, невелик: не больше трех верст в диаметре. Покрит наносной почвой, образовавшейся из ила, намытого морем. Есть растительность: множество кокосовых пальм, мускатный орешник... Фауна не богата: большие земляные крабы трудятся над кокосовыми орехами, чтобы добыть ядро из их твердой скорлупы; сероватые, с шелковистой шерстью крысы проворно лазают по стволам деревьев; в ветвях порхают зеленые голуби — любители мускатных орехов; во внутреннем озере плещутся водные птицы.

Людей на острове нет.

Коралловые острова встречаются в Тихом океане целыми архипелагами. Назовем: Разбойничьи (они же Марианские), Каролинские, острова Фиджи, Дружбы, Товарищества, Куков архипелаг, Самоа, наконец, Ваникаро, где потерпел крушение знаменитый Лаперуз.

Много таких островов открыто мореплавателями, но есть много и неизвестных.

Немало и подводных островов, представляющих собою опаснейшие для кораблей рифы. Эти острова недоделаны зоофитами. Но пройдет несколько десятков лет, и они выйдут из морской пучины.

Зоофиты неисчислимы, работа их упорна и непрерывна.

К такому островку и прибили волны деревянный обломок, на котором находились Бессребреник с юнгой. Через проход в кольце рифов они попали во внутреннее озеро.

Испуганные водные птицы сначала загавкали, но потом успокоились, видя, что доска остановилась у берега, не причинив им вреда.

На обломке были два неподвижных человеческих тела — тело взрослого и тело ребенка.

Под горячими лучами солнца, высушившими одежду и нагревшими кожу, взрослый пошевелился. Глаза его раскрылись и сейчас же зажмурились от яркого света. Потом, как бывает после долгого пребывания в воде, он, содрогнувшись с головы до ног, громко и сильно чихнул. Чихнул и пришел в себя, окинув взглядом незнакомую землю. Кокосовые пальмы, мускатные деревья, крысы, крабы, зеленые голуби, веточки кораллов — все это разом предстало перед ним в лучах утреннего светила. Он прошептал в изумлении:

— Боже! Благодарю тебя!

Но сейчас же сердце его сжалось от страха:

— Мальчик! Жив ли?

Он разжал руки, которыми держался за обломок, попробовал привстать — тело почти не слушалось.

Мальчик был привязан к другому концу обломка. Голова его до плеч выглядывала из воды.

— Жорж!.. Малыш Жорж!..

Юнга не шевелился, на губах выступила пена.

Бессребреник кое-как дотащился до него, дотронулся до щеки и вздрогнул — ледяная.

— Боже мой!

Он стал развязывать пояс, но не смог и перерезал его ножом. Затем, сам едва держась на ногах, поднял маленькое тело, скрюченное предсмертной судорогой, и вытащил на берег, положил на солнышке, стал слушать сердце, делать искусственное дыхание. Он хлопотал несколько часов, стараясь вернуть мальчугана к жизни. Увы! Юнга был мертв.

Поняв это, Бессребреник упал на колени и горько, горько зарыдал...

...Когда он немного опомнился от горя, над маленьким мертвецом уже кружились рои трупных мух. Жадные до мяса крабы уже ползли к нему, щелкая клешнями.

Широкой перламутровой раковиной Бессребреник вырыл на взморье яму, взял тело мальчика, поцеловал его в лоб и тихо уложил в могилу. Потом засыпал ее, навалив камней, и остался один среди безбрежного океана.

ГЛАВА 23

Огонь! — Бессребреник поневоле становится вегетарианцем. — Шампанское. — Бессребреник навеселе. — Он начинает писать свои записки. — Он заключает свою рукопись в бутылку. — Встреча. — 1 мая. — Пари проиграно. — Надо умирать.

С того ужасного дня, когда джентльмену пришлось победать крысой и утолить жажду ее кровью, он ничего не ел и не пил. С большим трудом удалось ему добраться до кокосовой рощицы, где в траве росли ягоды, похожие на клубнику. С жадностью набросился на них джентльмен и скоро почувствовал, как мало-помалу силы его возвращаются. Утолив голод, он тут же заснул, проспав до следующего утра.

Шли дни, недели, месяцы. Сколько их минуло? Бессребреник сбился со счета. Он стал новым Робинзоном, но Робинзоном, у которого не было ни корабля, откуда можно достать все необходимое, ни оружия, ни книги, ни верного товарища Пятницы.

Питаться приходилось плодами и сырыми яйцами. Эта однообразная пища вконец надоела джентльмену, и он стал ломать голову, как бы добыть огня. Однажды на глаза Бессребренику попались грибы, похожие на трут. Предварительно высушив их, он с помощью стального лезвия своего ножа куском коралла стал высекать над ними искры. Попытка увенчалась успехом — пошел запах гари и затеплился огонек. С этого дня джентльмен перестал быть невольным вегетарианцем — стал печь яйца и крабов.

Единственным его занятием на острове было отыскивание припасов и приготовление обеда и ужина, а развлечением — общество животных, голубей и землероек, приближавшихся к нему безбоязненно.

Бессребренику часто казалось, что прошли целые годы с тех пор, как течение выбросило его на остров, и не раз он думал, что проиграл пари.

Однажды утром он увидел на поверхности лагуны какой-то плавающий предмет и, конечно, постарался достать его. То был ящик из-под шампанского, набитый соломенными оплетками, которые надевают на бутылки. В одной из этих оплеток, плотно засевшей между стенками ящика, оказалась еще нетронутая бутылка.

Раскупорив ее, джентльмен потихоньку, наслаждаясь каждым глотком, выпил вино. Вид же пустой бутылки навел его на мысль дать миру весть о себе. Он знал, что вещи, брошенные в море, прибываются течением к берегам, и надеялся, что его бутылка может попасть в цивилизованные страны — пусть тогда люди узнают, что он не был обычным искателем приключений, скрывавшим свое имя из стыда назвать его.

Так как под рукой не оказывалось ничего, что могло бы заменить бумагу, Бессребреник решился воспользоваться носовым платком, еще раз выстирав его в пресной воде с золой.

Перо было нетрудно достать из крыла голубя. Вместо чернил он прибегнул к собственной крови. Выдумка оказалась удачной — буквы не слишком расплывались по полотну, и Бессребреник начал писать.

«До сих пор меня знали в Америке под именем Бессребреника, давшего слово за год без гроша в кармане

проделать кругосветное путешествие в 40 000 километров или... застрелиться. Вследствие совершенно непредвиденных обстоятельств я очутился на необитаемом острове и не знаю, как долго живу здесь. Быть может, срок пари уже истек? Во всяком случае, убедительно прошу людей, в чьи руки попадет сей документ, постараться разыскать меня. К несчастью, не могу указать своих координат, но в корабельном журнале американского парохода «Бетси» должно быть отмечено место, где случилось происшествие, из-за которого я очутился в море. Мой остров, по всей вероятности, расположен недалеко от этой точки... Отлично сознавая, что шансы на спасение жизни ничтожны, прибегаю к исповеди ради спасения души.

Я — единственный потомок древнего рода графов Солиньяков. Все мои предки посвятили себя военной службе, к этому поприщу готовили и меня. Но я чувствовал иное призвание и посмел пойти наперекор семейным традициям, за что навлек на себя ненависть дяди, маркиза де Шэнебура. Когда пришлось отбывать воинскую повинность — я в то время уже пожинал лавры на артистическом поприще, — дядя, полковой командир, ославил меня еще до вступления в полк. Напрасно я старался добросовестно выполнять свои обязанности, напрасно выбивался из сил, исполняя самые трудные поручения — отношение ко мне, как к лентяю и негодяю, не менялось.

Однажды в манеже начальник ударил меня хлыстом по лицу. Я не стерпел и бросился на него. Был суд... три года каторги... Наконец, мне удалось бежать в Америку. Здесь брался за множество дел, перепробовал множество профессий. Несколько раз переходил от богатства к бедности, пока не оказался без гроша в кармане.

Остальное известно».

Платок до последнего клочка оказался исписанным. Бессребреник еще раз перечел свое послание и, свернув его в трубочку, всунул в горлышко пустой бутылки. Плотно закупорив отверстие кружками водорослей, он запечатал его, собрав кусочки смолы с деревьев.

Когда все было готово, джентльмен с некоторою торжественностью опустил бутылку в волны. Но... через несколько часов она очутилась на том же месте. Тогда Бессребреник сам пустился в плавь, чтобы бросить ее в волны как можно дальше от берега. Потом вернулся на остров, и на душе стало еще тяжелее, чем прежде.

Напрасно, однако Бессребреник отчаивался. Люди бы-

валы хорошо знают, что случай любит честных и добрых. Удача как бы сама их находит. Через двое суток, проснувшись утром, джентльмен услышал человеческие голоса. В свежем, слегка прохладном воздухе они раздавались все громче. В лазурной лагуне, ярко освещенной солнцем, стоял красивый бот с полудюжиной матросов, кричавших во все стороны:

— Эй, Бессребреник! Да где же ты? Или крабы съели?

— Здесь я! Здесь! — Могучий мужчина, заросший, босой, весь в лохмотьях, радостно подпрыгивал, как мальчишка.

Сильные руки молодцов, счастливых никак не меньше, чем сам Бессребреник, подхватили его и вмиг доставили на маленькое судно. Моряки обнимали джентльмена, смеялись над его костюмом, утверждая, что в газетах он был куда более одетым, а потом весело налегли на весла и скоро причалили к большому пароходу. Бессребреник взглянул на корму и с изумлением прочел: «Бетси».

Не успел он опомниться, как раздалась команда:

— Взирайся на пароход! — и грубый, но ласковый голос прибавил: — Мистер Бессребреник, ведь вы лазаєте как моряк...

Джентльмен проворно взобрался по веревочной лестнице и очутился на палубе среди экипажа, встретившего его восторженными приветствиями.

Человек, первым крикнувший с кормы — бывший помощник капитана, а ныне командир парохода, — крепко пожал джентльмену руку, рассказав о своем предшественнике:

— Судьба отплатила ему за жестокость к бедному Жоржу. Шквал смыл его ночью с палубы, и он нашел себе могилу там же, где и бедный ребенок, обреченный им на смерть.

За завтраком Бессребреник увидел две знакомые вещи: бутылку, пущенную им в море, и свой исписанный платок. Оказалось, что «Бетси» возвращалась из Китая по своему прежнему маршруту, и матросы, увидев плывущую бутылку, выловили ее. Новый капитан приказал произвести розыски, и коралловый островок скоро был найден.

— Вам необыкновенно повезло, — заметил капитан.

— Конечно, — согласился Бессребреник. — К сожалению только, счастье продлится недолго. Для меня все кончено!

— Да перестаньте...

Бессребреник указал на стенной календарь, где значилось: 1 мая.

— Видите, мне осталось жить всего двенадцать дней; я должен умереть 13 мая. Срок, в который нужно было сделать сорок тысяч километров, истекает этого числа; я едва успею вернуться в Нью-Йорк, чтобы доставить всем этим репортерам, фотографам и леди с развинченными нервами редкое зрелище добровольного самоуничтожения.

— Нет, вы еще можете выиграть пари. Мой пароход очень быстр; хотите им воспользоваться?..

— Я не могу пользоваться ничем, не платя... Я проиграл...

ГЛАВА 24

Возвращение.— Задержка.— Буря.— Порча машины.— В Сан-Франциско.— Деньги и револьвер.— В игорном доме.— В гостинице «Космополит».— Преданность женщины.— Нефтяной король.— Свадьба.

Пароход между тем на всех парах мчался по океану.

Неизвестно, по какому закону люди с родственными душами с первых же минут знакомства становятся верными товарищами на всю жизнь. Как сожалел Бессребреник, что со своим новым другом — командиром «Бетси» — не встретился раньше! Сидя в капитанской каюте, они что-то горячо обсуждали.

— Да, я проиграл, — повторил джентльмен, — остается честно расплатиться...

Подсчитав число миль, сделанных со дня заключения пари, Бессребреник пришел к грустному выводу: оказались непройденными пятнадцать тысяч километров.

Но возвращение его в Америку не было скорым. Страшная буря заставила «Бетси» потерять около шести дней; машина получила повреждение и смогла прибыть в Сан-Франциско только 8 мая вечером.

В распоряжении Бессребреника оставалось всего четыре с половиной дня, а поезд до Нью-Йорка идет ровно шесть суток. Значит, прибыть туда вовремя уже не было возможности.

Капитан предложил Бессребренику деньги на дорогу и револьвер; тот принял подарок с условием: после самоубийства пистолет снова должен вернуться к хозяину,

который сможет продать его за хорошую цену какому-нибудь англичанину — любителю достопримечательностей.

В бессильном бешенстве шагал джентльмен по главной улице Сан-Франциско, залитой электрическим светом. Деньги, звеневшие в кармане, напоминали: ты уже не Бессребреник. Он искал выхода из своего положения и не находил его. И вдруг — мысль: играть! Друг-капитан указал «hell» — ад — игорный дом, где шла крупная игра в рулетку. Джентльмен подошел к столу и разложил все свои банкноты на две равные стопки: сто долларов на красное и сто на номер тринадцать. Оба вышли, и Бессребренику отсчитали три тысячи четыреста долларов.

Следующие две ставки довели выигрыш до одиннадцати тысяч восьмисот долларов. Бессребреник подумал: «Если бы выиграть два миллиона!.. Я расплатился бы с Джимом Сильвером... по телеграфу... было бы славно!»

Он продолжал играть, ставя наудачу. Золото прибывало, но ему казалось — очень медленно. Забрав свой выигрыш — триста тысяч долларов, он пошел бродить по залам. За ним давно уже следил с любопытством высокий, седой, вполне порядочный на вид джентльмен. Когда Бессребреник собирался попытать счастья в «скачке», джентльмен без церемоний заговорил с ним, спросив, имеет ли он в виду, играя, только развлечение или деньги? Бессребреник ответил, что нуждается в двух миллионах и намеревается выиграть их или пустить пулю в лоб. Джентльмен, со своей стороны, признался, что играет только ради азарта. Он предложил Бессребренику сесть за «экарте» и не вставать до тех пор, пока один из них не проиграет двух миллионов. Бессребреник согласился. На первую ставку он ставил весь свой выигрыш, а джентльмен вдвое больше. Принесли стол и карты. Игроков обступила толпа любопытных. Бессребреник выложил деньги, джентльмен вынул из кармана чековую книжку с золотым карандашом. Началась игра. Бессребреник выигрывал; джентльмен хладнокровно подписывал чеки. Ставки все удваивались. Наконец, куш Бессребреника достиг миллиона двухсот тысяч долларов. Джентльмен подписал новый чек и спросил своим беззвучным голосом:

— Играем на квит или двойной проигрыш?

Между зрителями пробежал ропот изумления: это была последняя партия, от которой зависела жизнь Бессребреника. Распечатав новую колоду, он спокойно сдал карты. У незнакомого джентльмена оказались на руках король,

валет и туз! Бессребреник сделал ход для очистки совести и проиграл. Слегка пожав плечами, он отдал партнеру все свои деньги вместе с чеками:

— Я проиграл и, к своему величайшему сожалению, остаюсь вам должен четыреста тысяч долларов.

Партнер вежливо поклонился, предлагая продолжать игру на честное слово. Но Бессребреник отказался:

— Мне невозможно принять ваше предложение.— Я — Бессребреник. У которого нет и гроша в кармане.

— Вы — Бессребреник, тот самый, который держал пари с Джимом Сильвером?.. Рад, что познакомился с вами, но еще больше сожалею, что не проиграл вам двух миллионов — ненавижу серебряного короля!.. Чем могу быть вам полезен? Я — Джой Вандерплек, железнодорожный король...

В вашей ли власти немедленно приказать снарядить поезд-молнию, который доставил бы меня в Нью-Йорк за четверо суток?

— Само собой разумеется. Едемте на станцию.

— Позвольте мне взять с собой товарища, капитана «Бетси».

Капитан находился тут же, и все трое, не теряя ни минуты, поскакали на центральную станцию. В четверть часа железнодорожный король собрал всех своих служащих, и менее чем через час поезд был готов к отправлению. Железнодорожный король сам сел в вагон с Бессребреником и капитаном, дав сигнал отправления. Вперед, на расстоянии двадцати пяти миль, был пущен передовой локомотив, расчищавший путь для мчавшейся «молнии».

Бешеная езда продолжалась все четверо суток; железнодорожный король знал, как поддерживать рвение машинистов, и те, не обращая внимания на указания манометра, увеличивали силу пара.

Весть о возвращении Бессребреника, принесенная в Нью-Йорк телеграфом, произвела сенсацию. Никто не знал, проиграл свое пари джентльмен или выиграл; уже за сутки до назначенного дня гостиница «Космополит» была битком набита любопытными. Ровно в двенадцать часов без тринадцати минут. Тринадцатого мая поезд подошел к станции.

— Какое странное совпадение чисел! — заметил железнодорожный король. — Для меня число тринадцать всегда было счастливым; что-то оно вам предвещает?

— Просто цилиндрическую пулю калибра девять миллиметров в висок!

На станции прибытие Бессребреника было встречено приветственными криками толпы. Не останавливаясь ни на минуту, джентльмен и его спутники вскочили в карету и помчались в гостиницу «Космополит». Было без двух минут двенадцать, когда взмыленные лошади остановились перед отелем. Толпа на руках внесла Бессребреника в зал, где возвышалась эстрада.

Джентльмен не торопясь вынул из кармана револьвер, данный ему капитаном, положил его перед собой на стол и жестом попросил молчания:

— Я слишком понадеялся на свои силы и проиграл. Двух миллионов, чтобы уплатить мистеру Джиму Сильверу, у меня нет, и поэтому, согласно нашему условию, я расстаюсь с жизнью...

Часы начали бить. Бессребреник взял револьвер и поднес к виску, ожидая последнего удара.

И тут в толпе произошло волнение, и, так же как год тому назад, раздался чистый женский голос:

— Стойте! Я выхожу замуж за джентльмена!

Миссис Клавдия подбежала к Бессребренику, размахивая какой-то бумагой. Джентльмен невольно опустил револьвер.

— Клавдия, милая Клавдия, вы спасаете Бессребреника?!

— Не Бессребреника, у которого нет ни гроша в кармане, а богача, нефтяного короля!

Пораженная толпа молчала. Рядом с миссис Клавдией стоял человек, заметно бледневший. Все узнали Джима Сильвера. Он проговорил:

— Миссис Клавдия, вы обманули меня: я считал вас бедной...

— Вы сделали все, чтобы довести меня до нищеты... Вы стали во главе общества, которое старалось сбить цены на нефть, мою нефть, впрочем, что об этом говорить! Мистер Бессребреник, возьмите эту бумагу — чек на два миллиона долларов, которые взяты из вашей доли компаньона фирмы «Бессребреник и К°»... Помните? Мы сложились с вами, когда у нас ничего не было, кроме долгов и надежд. Теперь долги уплачены, надежды осуществились; мы богаты, как все американские «короли», вместе взятые... Возьмите чек и уплатите.

Джентльмен подошел к Джиму Сильверу.

— Вот заклад вашего пари, мистер Сильвер, — сказал он серьезно. — Бессребреник должен был умереть

сегодня... Он умер, но воскресает в лице графа Жоржа де Солиньяка, умоляющего миссис Клавдию Остин стать его женой... Протяните вашу руку, станем друзьями, мистер Сильвер!

Серебряный король с недовольным видом прочел чек и сунул в карман, миссис Клавдия, вся сияющая от радости, взяла под руку своего жениха.

Первыми их поздравили капитан «Бетси» и Джой Вандерплек, затем наэлектризованная толпа разразилась криками «ура!». Железнодорожный король велел приготовить для миссис Клавдии лучшие комнаты лучшей гостиницы Нью-Йорка. В то время как джентльмен провожал ее туда, она успела рассказать, что виновником их обогащения стал знавший «тайну огня» индеец Джо. В благодарность за свое спасение он указал миссис Клавдии обширные подземные нефтяные озера, давшие ей возможность первенствовать на американском нефтяном рынке и «достигнуть счастья, которое для нее тем дороже, что она так много выстрадала».

Свадьбу отпраздновали в три часа дня, а вечером мистер и миссис Бессребреники отправились в свадебное путешествие.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Ледяной ад	13
Часть I. Преступление в Мезон-Лафит	14
Часть II. Гнездо самородков	60
Часть III. Мать золота	114
Без гроша в кармане	154

Буссенар Л.

- Б 92** Собрание романов.— Т. 1: Ледяной ад. Без гроша в кармане: Романы: Пер. с фр./Вступ. ст. Т. Балашовой; Художник А. Махов.— М.: Ладомир, 1991.— 288 с., ил.

В первый том Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошли романы «Ледяной ад» и «Без гроша в кармане».

ББК 84.4Фр

4703010100—001

Б _____ **Без объявления**

593(03)—91

Высокопоставленный мой друг!

Я понес тяжелую утрату, траурные дни были для меня такими жестокими, нестерпимыми, что я серьезно заболел.

Я уже две недели в постели и сегодня поднимаюсь первый раз.

Пользуясь таким моментом, спешу послать Вам это письмо с благодарностью за любезности — посылку с Вашими публикациями.

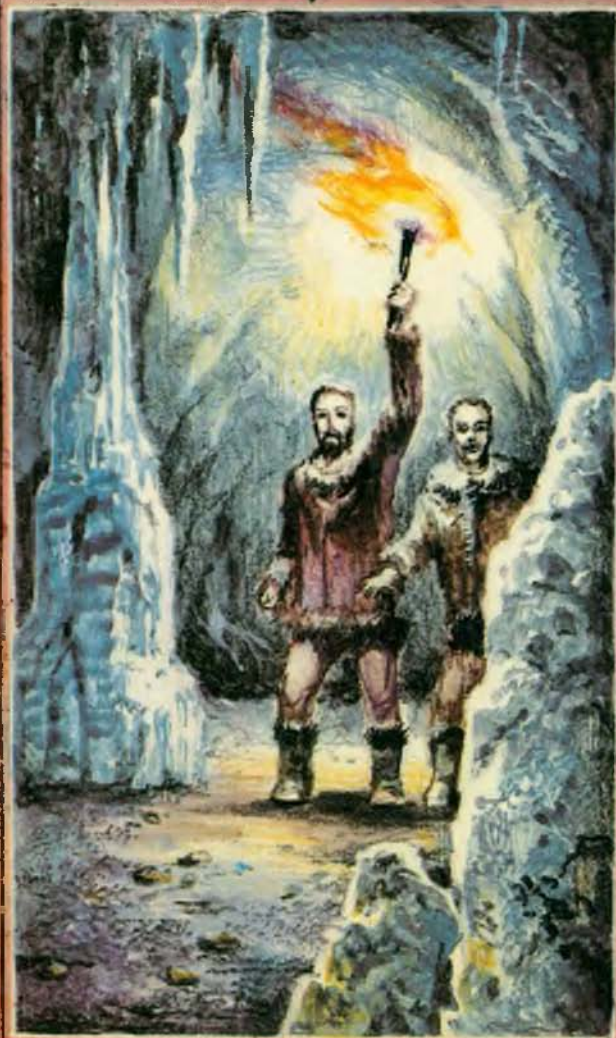
В данный момент я еще очень болен и слишком слаб, чтобы составить для Вас автобиографическую заметку и написать статью о моих путешествиях и приключениях.

Извините за краткость.

Хочу выразить Вам мое самое глубокое почтение.

Л. Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

